

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**
№ 6 (38) 2012
ISSN 1996-0522

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ**Философия**

С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор

Политология

С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор

Социология

Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор

Юриспруденция

В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор

Экономика

О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент

Культурология

С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д. культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к. культурологии, доцент

История

С.В. Нецаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор

Главный редактор

доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов

Заместитель главного редактора

доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция

А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь

кандидат философских наук А.А. Куштым

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 11.12.2012 г.
Формат 70x108^{1/8}. Печ. л. 8,75.
Тираж 1000 экз. Заказ №807
Гарнитура FreeSet. Печать офсет.
Издание подготовлено к печати
и отпечатано
Издательским центром «Академия»,
625017, г. Тюмень,
ул. Авторемонтная, 18, стр. 5
Тел./факс: (3452) 68-23-92
E-mail: press@whiteship.ru

Цена свободная

СОЦИУМ**А. В. Павлов**

Заметки о современности и субъективности.
Модерн и пластичность 5

Н. В. Иванчук

Социология управления:
проблемы обновления ее научного дискурса 12

Л. Г. Александров

Структура «толерантной личности»
в контексте глобальных тенденций современности. 18

П. А. Амбарова

Социум и власть
сквозь призму общественных страхов 24

А. В. Ручкин

Измерение заслуг лица, представляемого
к государственной награде:
социологический подход 28

Д. А. Калугина

Основные тенденции развития
социальных функций среднего
профессионального образования. 33

В. В. Орлова, А. В. Ларионова

Экспертные практики в регионе:
методология исследования проблем молодежи
в контексте инновационных процессов 38

ВЛАСТЬ**С. В. Зенко**

Власть и социум – конфликт или диалог 45

С. Н. Баранец

Местная власть в России и ее политический потенциал:
различные подходы концептуального осмысления. 50

К. А. Антипов

Модели взаимодействия муниципальной власти
и местного сообщества 55

М. К. Арчаков

Идеология политического экстремизма. 59

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**Б. С. Шалютин**

О природе морали и роли права в ее формировании . . . 63

В. А. Васильев

Конституционные основы оплаты труда
в Российской Федерации. 68

И. Н. Пустовая

Наложение ареста на имущество
как средство обеспечения
гражданского иска 72

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 139.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернет:
<http://rane74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.
Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

**Подписной индекс
по Российской Федерации
46536**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ**А. М. Старостин, Л. Г. Швец**

Инновационные технологии в управлении
человеческими ресурсами:
проблемы трансфера в систему государственной
и муниципальной службы 77

А. Л. Слепышев, Д. В. Довженко, С. Г. Зырянов

Понятие, свойства и основные компоненты
механизма государственного управления:
региональный аспект. 81

С. А. Головихин

Современный научный дискурс
по проблеме конкурентоспособности региона. 88

С. Р. Абрамкина

Экономическая активность
населения Челябинской области. 93

К. В. Макаренко

Методология применения геосетевого подхода
в процессе стратегического управления
развитием металлургической корпорации 100

КУЛЬТУРА**Л. А. Зеленская**

Юмор как способ взаимодействия
субъектов политической системы 106

ИСТОРИЯ**В. В. Шишков**

Османская империя: от завоевания
и интеграции периферий
к попыткам модернизации 111

С. И. Панькин

Российский опыт создания властных структур
в беззаконный период
гражданского противостояния:
военно-административная власть повстанцев
на Южном Урале в 1920-1921 гг. 116

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА**М. В. Чекмарёв, А. С. Чупров**

О тревогах и надеждах в эпоху векордизма 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**С. В. Борисов**

О философии образования новой России
и не только... 122

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Е.А. Крестьянникова
«Судебная реформа в Западной Сибири». 126

**Scientific Journal
SOCIETY AND POWER**

No. 6 (38) 2012
ISSN 1996-0522

Established by

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk Branch
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

EDITORIAL AND EXPERT BOARD

Philosophy

S.V. Borisov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
Yu.G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
V.A. Loskutov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
A.V. Pavlov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
V.D. Popov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
A.S. Chuprov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor

Political Science

S.G. Zyryanov – Dr.Sc. (Politics), Professor
A.V. Ponedelkov – Dr.Sc. (Politics), Professor
O.F. Rusakova – Dr.Sc. (Politics), Professor

Sociology

Ye.V. Grunt – Dr.Sc. (Philosophy), Professor
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy – Dr.Sc. (Law), Professor
S.V. Kodan – Dr.Sc. (Law), Professor
A.B. Sergeev – Dr.Sc. (Law), Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova - Dr.Sc. (Economics), Professor
T.Yu. Savchenko – PhD (Economics), Associate
Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr.Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova – Dr.Sc. (Culturology), Associate
Professor

A.N. Lukin – PhD (Culturology), Associate
Professor

History

S.V. Nechayeva – PhD (History), Associate
Professor
V.N. Novosyolov – Dr.Sc. (History), Professor
S.S. Smirnov – Dr.Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Dr.Sc. (Politics),
Professor S.G. Zyryanov

Deputy Chief Editor

Dr.Sc. (Philosophy),
Professor A.S. Chuprov

Editorial Board

A.N. Lukin – editor of philosophy column
S.G. Zyryanov – editor of political science column
Ye.V. Grunt – editor of sociology column
A.V. Il'inykh – editor of column
on state and law

T.Yu. Savchenko – editor of column
on economics and management

S.S. Zagrebin – editor of culture column

V.N. Novosyolov – editor of history column

A.V. Pavlov - responsible for
international communication

Executive Secretary

Dr.Sc. (Philosophy) A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI No. FS 77-48298 of 01/24/2012
issued by Russian Federal Surveillance Service
for Mass Media
and Communications

Signed for printing on 12/11/2012
Sheet size 70 x 1081/16. Sheet size units 8.75.
Print run of 1,000 copies. Order No. 807.

Typeset FreeSet. Offset printing.

The issue is edited and printed by

Publishing Center Akademia

625017, Tyumen,

18 Avtoremontnaya Str., building 5

Phone/fax: +7 (3452) 68-23-92

Email: press@whiteship.ru

Open price

SOCIETY

A. V. Pavlov

Notes on Modern Age and Subjectivity.

Modern and Flexibility 5

N. V. Ivanchuk

Management Sociology: Problems

of Scientific Discourse Updating 12

L. G. Alexandrov

The Structure of «olerant Person» in Context

of Modern Global Tendencies 18

P. A. Ambarova

Society and Authority in the Light of Social Fears 24

A. V. Ruchkin

Measuring the Merits of a Person Put Forward

to the State Decoration: Sociological Approach. 28

D. A. Kalugin

Social Functions of Secondary Professional Education:

Main Tendencies of Development. 33

V. V. Orlova, A. V. Larionov

Expert Practice in the Region: Methodology

of Studying Problems of Youth
in the Context of Innovation 38

POWER

S. V. Zenko

Authority and Society – Conflict or Dialogue? 45

S. N. Baranets

Local Authority in Russia and its Political Potentials:

Different Approaches to Conceptual Understanding 50

K. A. Antipyev

Models of Interaction Between Municipal Authority

and Local Community 55

M. K. Archakov

The Ideology of Political Extremism 59

STATE AND RIGHT

TB. S. Shalutin

On the Nature of Morality and the Role

of Law in its Formation 63

V. A. Vasilyev

Constitutional Basis of Labor Compensation

in the Russian Federation 68

I. N. Pustovaya

Imposition of Arrest on Property as a Means

of Security for a Civil Claim 72

**INFORMATION
FOR READER AND AUTHOR**

**Scientific Journal
SOCIETY AND POWER**

for specialists in the field of public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law sciences, economics, management, as well as for lecturers, undergraduate students and high school students.

Topics of publications

must correspond with the journal profile and relate to various (political, social, economical, legislative, etc) aspects of state of socium and its interrelationship with governmental and municipal authorities.

In accordance with the resolution of the Presidium of the State Commission for Academic Degrees and Titles under Russian Ministry of Education and Science (VAK of Minobrnauka) Society and Power journal was included in the **list of top peer-reviewed scientific journals and editions that must publish** key research results of these applied for higher doctoral degrees and PhD degrees in the following fields: philosophy, political science, sociology, law sciences, economics, culturology, history.

Manuscripts shall be provided with review.

For requirements of manuscripts of research papers provided for publication in the scientific journal Society and Power please refer to page 140.

**Please send your papers
to editorial office address:**

454071, P.O. Box 6511, Chelyabinsk
Phone of the editorial office:
+7 (351) 771-42-30
Email: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

The authors' views are not necessary supported by the editorial opinion. Responsibility for authenticity and accuracy of citation, person's names, names and other data, including non-infringement of copyright law, is on the authors of the published papers

This publication may not be reproduced without reference to the journal.

Journal is issued bimonthly, distributed by subscription at post offices.

**Subscription Code
in the territory of the Russian Federation
46536**

ECONOMY AND MANAGEMENT

A. M. Starostin, L. G. Shwets

Innovative Technologies in the Management of Human Resources: the Problem of Transfer into the System of State and Municipal Service 77

A. L. Slepyshev, D. V. Dovzhenko, S.G. Zyryanov

The Concept, Properties and Major Components of the Mechanism of State Administration: a Regional Perspective 81

S. A. Golovikhin

Modern Scientific Discourse on the Issue of Regional Competitiveness 88

S. R. Abramkina

Economic Activity of the Population of Chelyabinsk Region 93

K. V. Makarenko

Methodology of Geographic Network Approach in Strategic Management of Metallurgical Corporation Development 100

CULTURE

L. A. Zeleziskaya

Humor as a Means of Interaction of Political System Subjects 106

HISTORY

V. V. Shishkov

The Ottoman Empire: from the Conquest and Integration of the Periphery to Modernization Attempts 111

S. I. Pankin

Russian Experience of Power Structures Creation During the Illegitimate Period of Civil Opposition: Military Administrative Authority of the Rebels in the Southern Urals in 1920-1921 116

DISCUSSIONS AND DEBATES

M. V. Chekmaryov, A.S. Chuprov

About Troubles and Hope in the Time of Vecordism 118

SCIENTIFIC LIFE

On the Philosophy of Education in New Russia and not Only... 122

CRITICS AND REVIEWS

Review of the monograph by E.A. Krestyannikov «Judicial Reform in West Siberia» 126

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ. МОДЕРН И ПЛАСТИЧНОСТЬ

УДК 17.022

А. В. ПАВЛОВ

1.

Что такое современность, чем она отличается от одновременности? Суть современности в том, что она всегда — проблема. Ее нельзя решить, но ею можно управлять: вытеснять на другие уровни, переводить в конструктивное или деструктивное русло. Одновременность же — все происходящее по факту календарного совпадения.

Современность субъективна, она — особое качество мышления, состоящее в осознании проблемности своей жизни и непрерывном поиске способов ее преодоления, она требует высокой степени креативности и напряжения сил. Она стремится к полному преобразению таким образом, чтобы обнаруженная проблематичность потеряла значение; в отличие от одновременности, которая формальна, объективна, не нуждается в проблемном мышлении и в разработке специальных средств и зависит только от произвольно выбранной точки отсчета, например, от принятого календаря. Она — форма общесоциальной координации, в то время, как современность — напрямую зависящий от субъективного сознания способ его самоопределения по отношению к объективным для него фактам и их оценка. Что одновременно, далеко не всегда современно, а современное — не всегда одновременно.

Я бы сказал, что современность — это умение жить в соответствии с меняющейся реальностью, а не с выдумками, иллюзиями, благими пожеланиями и памятью о великом прошлом, тормозящими изменения. Таким образом, ее сущность — в субъективности, вся ее проблематичность является проблематикой субъекта, поиском таких форм разума, какие были бы наиболее адекватными для субъекта и его жизненной проблематики.

Современен только разумный человек, и только тогда, когда он разумен. А следовательно, современность — это самоопределение субъекта, его стремление самому себе ответить на вопрос, что же ему надо, и в первую очередь, надо ли ему продолжать быть разумным и субъективным или лучше перейти к благополучному и веселому беспроblemному существованию, когда достаточно биологических и социокультурных инстинктов и рефлексов. И лишь за самоопределением субъекта следует

разработка и применение новых технических средств и организационных механизмов. Обратным же путем, от приобретенных навыков к субъекту протекают попытки обучить лабрадора самому использовать подаренный ему ошейник с приемником GLONASS.

Проблема современности заключается в выборе между бытием и небытием в качестве субъекта своей жизни, затем в выборе между разными ее способами, и только в третью очередь техника, технологии и организация, являющиеся лишь предметными носителями современности и условиями одновременности.

Сущность современности в разуме, и лишь потом — в рациональности. Она имеет индивидуальное бытие, именно поэтому разумна, в отличие от одновременности, которая социальна и рациональна. Современность, следовательно, в умении жить своей жизнью, а не той, какую нам навязывают обстоятельства или чьи-либо требования, и думать своей головой. Она появляется только для того, кто обнаруживает, что он есть, а не кажется самому себе, и лишь тогда, когда он это обнаруживает. Следовательно, ее существование напрямую зависит от наличия в обществе человеческой индивидуальности, от ее способности заявлять о себе как о субъекте. Значит, и современность определяется как по качеству (разные современности, каждая «привязана» к своему индивиду), так и в параметрах «более-менее».

Каким же образом современность может быть исследована и какие коррективы представление о ней способно внести и в гуманитарные знания, и в социальные, и в практику?

Я хочу предложить некоторую возможную рефлексию этой проблемы и обозначить краеугольный камень, опираясь на который можно попытаться разработать рациональную концепцию современности как одной из фундаментальных характеристик общественной жизни.

2.

Исследование современности на сегодня фокусируется в двух распространенных у нас и в западной литературе концепциях Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса [3, 8, 9]. В нашей стране интересный анализ современности принимали Б. Капустин, В. Фурс и др. [2, 6, 7].

А первые шаги в этом направлении делали, надо полагать, Ф. Ницше, Э. Гуссерль,

М. Хайдеггер, и особенно Ж.-П. Сартр, выдвинувший именно конкретного человеческого мыслящего индивида, Жана или Альбера как субъекта/предмет осмысления. А уж этот индивид, начав осмыслять себя и свою жизнь, стал современным и создал современность как свою общественную и природную жизнь.

Наша рефлексия современности тормозится и искажается боязнью свободы, самостоятельности и самобытности, это то же самое, что боязнь современности. Она глубоко укоренена нашей историей чиновничества, постоянной оглядки на соседей, приверженности традициям и многими другими способами духовного самоубийства, потому что наилучший способ не иметь проблем и не отягощаться их решением — это не жить.

Что же такое современность, понятая онтологически конкретно, а не классически абстрактно в духе обобщающих, особенно спекулятивных теорий? Здесь прежде всего обращать на себя внимание рефлексия «модерна», нередко выдаваемая за синоним современности. Г. Гегель, благодаря которому «модерн» утвердился как научный термин и М. Вебер, показавший, что модерн — явление по преимуществу западноевропейское, связанное с рациональностью общества, устроенного в виде тотального Капитала [1], как его описал К. Маркс.

Уже эта западная привязанность модерна наводит на мысли: неужели все остальные общества современности вовсе лишены, или у них свои современности, отличные от западной? Но тогда современность и модерн — разные вещи: современность как общечеловеческая проблема гораздо глубже модерна, а он, в свою очередь, значительно формальнее, техничнее, характеризует особую одновременность событий западной жизни и заявку этой цивилизации на планетарный статус, ее «веберовский вызов» человечеству. Замечу, что есть общества с минимальными проблесками современности, а есть такие, которые насквозь пропитаны ею, но от модернизации крайне далеки, например, наше, российское 2000 гг.

За Гегелем и Вебером последовала литература, вызванная к жизни непрерывно обостряющейся и актуализирующейся проблемой западной современности как модернизации. Однако, думается, вся эта литература прямо, косвенно либо имплицитно восходит к спекулятивным концепциям философского классицизма, из-за чего современность трактуется как целая эпоха. Безусловно, эти трактовки правомерны, но чувствуется, что из них уходит главное — современность. Почему длящаяся во времени эпоха, охватывающая пять

столетий, может вообще трактоваться как современность (Модерн), что является точкой отсчета таких трактовок, придающей им жизненный, а значит и актуальный смысл?

3.

Ю. Хабермас указывает на гегелевскую «Феноменологию духа» как на работу, в которой впервые дана рефлексия современности. И это действительно так. Представив историю диалектически, Гегель понял современность исторически и революционно, как преодоление прошлого и нацеленность на будущее. У него современность выглядит как шаг из одной полностью завершенной и исчерпавшей себя стадии истории к другой, как зарождение новой перспективы. В такой трактовке современность, главным образом, связана с межцивилизационными переходами и их предпосылками, созревающими на предшествующих стадиях. Но эти его шаги похожи на круги вальса, на такой компромисс между стадиями, где каждому бы нашлось удобное место, и молодому профессору с его принципиально новыми взглядами, и министерству образования, не переносящему ничего нового. Честность ученого не позволила Гегелю с возрастом окончательно забыть о собственном юношеском протестантизме и заняться сочинением методичек и инструкций. Из своего стремления к компромиссу он сделал диалектику, где история ходит кругами, но все же поднимается вверх, как по винтовой лестнице.

Однако уже К. Маркс, сам, бывший германский студент, почувствовал и экзистенциальную конкретность Гегеля, и внутренний конфликт гегелевской философии, обозначив его как конфликт системы с методом. Гегелевская революция больше предчувствие будущего из прошлого, понимание грядущей истощенности эпохи, в которой жил сам Гегель и ожидание кардинальных перемен. Однако выход за пределы эпохи означает ее распад на атомы с тем, чтобы в дальнейшем из атомов сложилось что-то новое.

К. Маркс обнаружил эти атомы — людей с их субъективной чувственной деятельностью. И хотя написанная, даже не завершенная им вместе с Ф. Энгельсом «Немецкая идеология», где они констатировали факт существования живых человеческих индивидов, их деятельности и условий, в которых они находятся, и зафиксировали этот факт в качестве предпосылки своего понимания истории [4], была, по выражению Ф. Энгельса, отправлена на чердак «грызущей критике мышей» и опубликована впервые только в 30-е гг. XX века в СССР, в русском переводе и со следами мышиных зубов, но эти предпосылки в дальнейшем направили все их

творчество и превратили гегелевский абстрактный компромисс в бескомпромиссную революционную практику. А нам осталась в наследство проблема, в каких условиях нужен и возможен компромисс, а в каких – бескомпромиссность.

4.

Ю. Хабермас обратил внимание, что само слово «modern» («современность») начинает употребляться в Западной Европе еще в V в. н. э. в связи с распространением и утверждением христианства и его стремлением отличить себя от уходящего римского язычества [8]. Можно предполагать, что какое-то слово употреблялось и раньше применительно к самоопределению новой культурной реальности по отношению к старой, потому что ситуацию такого самоопределения легко увидеть в непрекращающихся и зафиксированных, по крайней мере в писанной истории, противоречиях и конфликтах поколений.

В дальнейшем эта ситуация может наблюдаться всякий раз при существенных изменениях цивилизаций и мировоззрений, и выход из нее всегда состоял в воспроизводстве разума путем изменения рациональности и цивилизации.

Человеческая конкретность конфликтна, она элементарна хаоса и провоцирует взрыв. Но вместе с этим она ставит и вопрос: возможна ли рациональность и социальное единство как продукт межчеловеческого существования, на основе людских различий, без внешнего выравнивающего принуждения? Может ли быть эта конфликтность если и не прекращена, то, по крайней мере, переведена в конструктивное русло творчества и обновления?

У истоков любой культуры, в отличие от объективной реальности, находится система вполне субъективных идей и ценностей, формообразующих для всего культурного пространства, сформулированных и созданных конкретными людьми и группами, выражающихся в их действиях, но позднее переосмысляемых, развиваемых и видоизменяемых, и проявляющихся в разных исторических и региональных модификациях. Эти культурные модификации господствуют на своих территориях, вступают в противоречивое единство с собственными историческими истоками, восходящими еще к древним временам, с природно-географическими особенностями, культурным соседством, случайными обстоятельствами и т.д. И таким образом, например, в Европе каждая эпоха и каждый регион обладает своей собственной «цивилизацией модерна». А общая система ценностей для них становится больше предметом обсуждения с соседями, «точками диалога», совпадения или несовместимости с ними,

возможностью формирования общеевропейских коммуникаций и общей перспективой. Различия между локальными цивилизациями связаны с разной мерой соотношения объективного хаоса и субъективно заданного порядка и с разной исторически обусловленной природой их субъективности.

Возвращаясь к модерну, уже на основе сказанного выше легко сделать вывод о том, что состояние модерна – это агональность, неизбежная при смене культур или при их противоречивом взаимодействии. Именно в этот момент и в этих пространственных координатах в общественной жизни на передний план выходят какие-то особые черты, оформляющиеся в появлении целых социальных групп, живущих «современно/несовременно», придерживающихся «новых/консервативных взглядов» и стремящихся освободиться от диктата прошлого или от внешней зависимости. С одной из таких групп и связывается современность, причем на тот период, пока эти группы не становятся господствующими, пока их образ жизни и мировоззрение не превращаются в общесоциальные и традиционные. Проиграв или победив, они уже перестают быть современными, а в обществе зарождается что-то новое, иная современность.

5.

Современность – личная оценка мироустройства под углом проблемности своей жизни и поиск способа решения проблем. Модерн же – протестный потенциал современности, ее нацеленность на создание технологических средств решения проблем и пространства, где возможны именно технологические решения.

Но что же еще, помимо протеста, позволяет преодолевать проблемность, и что кроме него скрывается в модерне? Если современность личностна и всегда начинается с конкретного субъекта, живущего здесь и сейчас, то модерн представляет собою общественную жизнь, обуславливающую субъективность, вместе с самосознанием, проблемами, протестом и оценкой. Человек включен в нее, условия и обстоятельства, оцениваемые им как проблемы, созданы в ней, его рациональность, культура и субъективность, формирующие вместе с обстоятельствами оценку, тоже в ней сложились.

В рамках общественной жизни проблемы как появляются, так и решаются. Причем решаются они не только в ходе протестов, революций и войн, но и в ходе диалога, обоюдного поиска компромиссов и т.д. То есть эпоха, которую мы считаем «модерном», не имеет исключительно модернистского характера. В ней прячется множество вариантов развития,

и все они обусловлены предпосылками и условиями современности конкретных людей. Как исключительно модерн она может быть обозначена только ретроспективно, по ее итогам и тоже в зависимости от выбранной концепции и от субъекта, который придерживается ее взглядов. Но затем, когда субъективность выбрала себе модернистское прошлое, она превращает выбор в практику и начинает воспроизводить модерн как свою единственную перспективу, и тогда модерн становится постмодерном.

Постмодерн – это безальтернативный модерн, хотя даже в этом случае он не становится абсолютным. Он превращается в метанарратив, в общую форму эпохи, предписывающую способ существования. А за ним продолжает бурлить современная жизнь со всеми ее вариантами, накапливается «протест против безальтернативного протеста», все труднее сдерживаемый формально направленным развитием. За устоявшимися и казалось бы вечными требованиями морали и права усиливается напряжение, нарастает усталость от непрекращающихся социальных и личных конфликтов, скука обыденности, хочется отдыха и праздника, и происходит делегитимация протестного метанарратива, раскрепощающая всю полноту современности. И начинается межвременье, лишенное предписанных ориентиров и чреватое революцией, то есть реорганизацией и принудительной переменной нелегитимной формы на легитимную. В эту эпоху как раз и создаются новые ориентиры жизни, странным образом освященные всеобщей легитимностью.

б.

Нетрудно заметить, что для активного человека любая общественная обстановка будет современной уже потому, что сама его субъективность означает восприятие реальности под углом проблем. Любое препятствие его целям и планам требует преодоления: его надо разрушить и создать новые условия. В таком случае современность становится многообразием индивидуальных проблем, поиском и выбором способов решения, не только одним протестом, но и созиданием. Пойдет ли дальнейшее развитие по модернистскому пути или сложится что-то другое, зависит от того, какое решение проблем предпочтительней.

В любую эпоху разрушают и создают именно современники. Они, будучи субъективными, переживают множество возмущающих препятствий, нерешенных, а порой и нерешаемых проблем: от вражды с шумным соседом до критического отношения к административному и политическому устройству страны.

Альтернативой протесту представляется конформизм, доходящий до безразличия к проблемам, до способности уходить от них, пусть даже путем утраты самобытия [5]. Конформизм и современность – прежде всего моральные установки личности, человек предпочитает решать проблемы или прятаться от них.

Протест всегда содержит в себе и разрушительный, и созидательный потенциал, он уничтожает препятствия и использует их как строительный материал. Разрушая, он становится агрессивным, созидая же – принудительным или пластичным, способным не только революционно решать проблемы, но и компенсировать их или использовать. Но в любом случае модерн – это действительно западная разновидность современности. Он есть там, где есть субъективность, целенаправленно и практически преодолевающая свои проблемы, а значит, есть и продолжение истории. Но он требует субъективности материального, биологического, чувственно-телесного человека, для которого приоритетны именно материальные интересы, а все остальное – не более чем способы отдыха и развлечения. Либо же он нуждается в идеалисте, твердо знающем, каково оно, счастье всего человечества, и непреклонно созидаемом общечеловеческое «счастье».

Противоположный же современности вариант – это общественная жизнь, в которой предпочтительным выглядит не решение проблем, а самоуничижительное смирение с ними, и где люди уже не являются субъектами своей жизни. Известна фраза А. С. Пушкина: «Россия – страна, где власть является единственным европейцем». Различение Европы и Азии, сделанное еще в XIX веке, в первую очередь моральное, оно скрывает отличное конструктивно настроенного модерна от крепостного конформизма.

Общественная жизнь современности – это либо принудительный прогресс, субъектом и целью которого оказывается власть, а объектом – население. Либо это гуманистический прогресс, когда субъект и цель истории – население, а власть пластично приспосабливается к нему и координирует его разнонаправленные порывы. В конформистском же обществе жизнь такова, что люди как субъекты в ней редкие и большей частью – разрушительные вкрапления. Конформизм не нацелен ни на какое общественное развитие, как не предполагает его рабовладение и крепостничество, способные завершиться лишь разрушительным бунтом.

Современность не следует жестко связывать с капитализмом, это внутреннее побуждение к целенаправленному развитию, возможное при любой экономической

организации. Капитализм же как общественная цель способен использовать не только наемный труд, с которым мы его привычно ассоциируем, но и рабство, и крепостное право, и еще много разных способов. Модерн — своеобразная идеалистически-материалистическая разновидность современности.

Современность скрывает в себе и разрушение, и созидание, и принуждение, и пластичность. В ней проблемы решаются, вытесняются, допускаются, а препятствия и сносятся, и используются, и легитимируются. Всегда находятя и бунтари, и строители, и приспособленцы. Более того, все эти варианты присущи любому человеку и поневоле им используются в различных жизненных условиях в связи с его моральной установкой и выбором. Модерн не исчерпывает все варианты современности. Он — такая ее разновидность, в которой разрушается устаревшее социальное однообразие и создается новое, но такое же однообразное.

Он, безусловно, создает историю, но и ставит нас перед вопросом, обязательно ли история должна быть однообразной, одинаковой для всех субъектов современности? Ведь даже модерн в разных странах Запада неодинаков и представляется скорее суммой точек диалога между ними по поводу общих модернистских ценностей.

Наряду с модерном в общественной жизни можно заметить проявления современности как контемпоральности, как соотнесенности посредством диалога множества субъективно-различных времен. Помимо него обнаруживается и потенциал пластичной современности.

7.

Современность скрывается в ныне живущих поколениях и создает особую рациональность и цивилизованность. Точнее она является той субстанцией, из которой могут в перспективе родиться и непримиримая рациональность социального взрыва, и формальная рациональность общей стандартизации. Но она может и воспроизводиться, оставаясь тем, что она есть — многомерной рациональностью множества взаимно комплементарных частных человеческих разумов.

В основе рационализма современности находится самоидентификация живого разума по отношению к прошлому, будущему и другому, к тому, что уже не существует, чего еще нет и «как там у соседей». Самоидентификация всегда оценочна, но если это оценка, то не каждый человек современен, есть и несовременные люди.

Хотя человеческая и социальная субъективность друг друга обуславливают, но в основе

любой субъективности находятся именно личности, это базовый факт любого общественного процесса. Он означает, что основной механизм общественной жизни заложен в человеческих индивидах и их отношениях ко всему вокруг.

Человек воспитывается от ребенка до взрослого и стихией «улиц», и организацией «коридоров», и спонтанным общением в молодежной тусовке, и волей родителей, и порядком учреждений, и собственными желаниями, и ограничивающими волю распоряжениями. Воспитание является формированием личности со стороны всех условий, в которые человек помещен с момента рождения. В зависимости от сочетания факторов, он становится то субъектом, как протестующим, так и пластичным, то конформистом, лишенным субъективности. Он способен и вполне осознанно эволюционировать по всему диапазону: от субъективности до десубъективизма. Его личность может быть и выращена, и сломлена. И тогда общественная жизнь складывается из тех, кто протестует и противодействует, и из тех, кто способен к диалогу и к взаимным уступкам, к совместному строительству структур, где противоборствующие стороны синтезируются в пластичную субъективность. А в кильватере субъектов покорно плывут десубъективированные конформисты, предпочитая судьбу не людей, а послушных инструментов и материала общественной жизни. Конформисты сами по себе вне современности, они могут быть лишь окрашены в цвета тех субъектов, кто «прибрал их к рукам», подчинил и направил, подобно крепостным крестьянам, кому даже фамилия давалась по барину и указывала на их принадлежность.

Таким образом, современность — это умение жить и быть субъектом в соответствии с меняющейся реальностью, включая изменения в самую структуру своей жизни и субъективности. Это особая культура жизни: проблемный, внутренне противоречивый и динамичный разум. Это — ценности, восходящие не к воспроизводству достигнутого, а к поиску новых достижений, не к единообразию, а к многообразию личностей и формам их сосуществования. В современности обнаруживается потенциал цивилизации как однообразного, так и комплементарного порядка общественной жизни.

8.

Эпоха модерна представляет собою период становления культуры пластичной современности, завершающийся только ко второй половине XX века. От самой культуры вечно текущей современности модерн отличается тем, что на базе разума развертывает рациональность, организованную ясной целью, трансформированную

в высшую ценность и распространенную повсеместно рациональными институтами образования и воспитания. Это очень оптимистичная эпоха, обещающая человеческому роду немалые перспективы. Целью и высшей ценностью, вокруг которой фокусируются все процессы модерна, является научное преобразование мира, превращение его в комфортную гуманизованную среду обитания и научное просвещение.

Однако понимание общей формулы современности на самом деле не решает ее проблему, а только обозначает. Если история европейских культур является историей становления пластичной современности, то она должна быть рассмотрена под углом зрения модерна и постмодернистского состояния. Что представляет собою современность как способ бытия и образ жизни, каков ее тип рациональности, какова демонстрируемая ею сущность общества, скрытая теориями, политическими системами, культурными ценностями, каковы критерии оценки и какова, в конце концов, перспектива нашей сегодняшней современности, ее практика и ее границы?

А если это проблемное поле применить к современности нынешней России, то для нас оно будет заключаться в следующем: каковы отличительные черты нашего межвременья, каково характерное для него человеческое самосознание, его динамика и возможные перспективы выхода из этого состояния?

Современность — одна из характеристик реальной жизни, другая характеристика — несовременность.

Если современное — то, что «есть здесь и сейчас для меня», то оно — субъективно, прежде всего по отношению к прошлому. Оно воспринимает прошлое как проблему и либо агрессивно разрушает, оставляя навеки прошлым, либо пластично втягивает в себя, осовременивает и придает ему новую жизнь. В таком случае прошлое либо исчезает навсегда, не оставляя после себя даже имени, либо сохраняется как материал современного творчества или как некий знак, провоцирующий у современности идею творческой цели.

Современное — это субъективность, источник проблем, а несовременное — сохранившиеся знаки прошлого и объективный материал, найденные «здесь и сейчас». Суть прошлого та же, что и у будущего, и у чужого, они понимают не как «мое внутреннее проблемное содержание», а как внешнее существование, подавляющее «мое» самобытие, и при этом, они оказываются материалом и целью, помогающими современности решать ее проблемы.

А в этом случае материал и цель используются современностью и становятся

современными; прошлое, будущее и чужое оказываются «своим». Но это не однозначное, а бивалентное «свое». Материал и цель могут и впрямь осваиваться и осовремениваться, как освоено Западной Европой античное наследие, а могут и подавлять субъективность, утаскивая ее за собой, как советский коммунизм, выросший из непонятого и выдуманного византизма, стал на деле трансформированным самодержавием и полвека тащил за собой советских людей. А тогда, говоря проще, современность, это — нонконформизм, а несовременность — конформизм, первое — «я», осваивающее чужое и освобождающееся от него, а второе — «я», увязшее в чужом.

Неудовлетворенные собою, мы подражаем другим, стремимся к мечте, строим утопии, боремся со всем, что препятствует воплощению наших идеалов и иллюзий, используем препятствия как материал и преобразуем их. А тогда современность — не только «Я» и моя борьба, но это еще и моя мечта, порыв, нацеленность на победу, ожидание последующего счастья, то есть это действие и его мотивация.

Будучи проблемой, современность оказывается действием и объективацией. В ней мечтается и вспоминается, в ней воспринимается внешняя реальность, с которой она устанавливает контакты и отношения и формирует коммуникации. В ней идет экзистенциальный диалог между партнерами, каждый из которых идентифицирует в качестве современника, прежде всего себя, но в ходе диалога интенционально придает это значение и соседу. Здесь современность выходит за пределы индивида и становится коллективным действием всех, кто объединен общим диалогом, оказывается именно пластичной. Ее пластичность теперь выступает сущностью самого агрессивного модерна, относящегося к современности лишь в той мере, в какой он направлен к пластичности и комплементарности. А тогда точкой отсчета любой современности оказывается уже диалог.

Он точка отсчета не в качестве формальной коммуникации или абстрактного отношения, а, в первую очередь, именно как диалог и полилог, то есть как «моя субъективность», находящаяся в полилоге, посредством него участвующая в жизни партнеров и переживающая их вторжение в «мою жизнь». Полилог создает своеобразную «вторичную субъективность», интегрирующую множество участвующих в нем «Я».

Современность как продукт полилога выступает мерой комплементарности партнеров, их не безразличного согласия друг с другом, но взаимного приспособления, достаточно неуживчивого, сопротивляющегося, отстаивающего

свою самобытность, но и идущего на уступки. Она конституирует себя как точку отсчета, как оценивающий и созидующий субъект. Именно способность оценивать придает современности проблемный и агональный характер, обуславливает несовпадение «моих» оценок с чужими, но из-за нее же современность умеет быть и комплементарной. Что это за «вторичный субъект» в его существе, и на каком основании он дает свои оценки? Кто такой «Я» не как самобытное и самодостаточное бытие, а как тот, кто участвует в жизни других тем, что дает им оценку, противоборствует или уживается с их оценками и самооценками?

9.

Когда современность определяет себя в виде непрерывного противопоставления и динамики ценности и неценности, смысла и бессмысленности, легитимности и нелегитимности, в виде поиска смысла всего, что этот субъект находит в своей жизни и что утрачивает, когда она содержательна, тогда она уже выходит за пределы времени и указывает на свою онтологию, в динамичности которой она пребывает.

Время же представлено в устойчивости нашего бытия, в обусловленности мгновения длинной цепью предшествующих мгновений, в присутствии следов прошлого в настоящем. Где-то в недрах современности скрыто мгновение как свернутая в точку вечность, а во времени — вечность как полностью развернутое мгновение. Мгновение и вечность были первыми словами, с помощью которых еще в Средние века мысль пыталась зафиксировать изменчивость человеческой жизни и взаимную современность царства Божьего и мира земного, способ их сосуществования.

Представляется, что современность, это точка, в которой время и пространство совпадают, становясь единым пространственно-временным континуумом. Совмещаются же они только в точке отсчета, движение которой их и создает. Это позволяет утверждать, что пространство и время, в свою очередь, представляют собою совокупность ориентиров, куда современность может переместиться, чтобы

создать новый пространственно-временной континуум. Современность оказывается чистой динамикой, а пространство и время — той формой, какую современность создает и благодаря которой придает своей динамичности определенность. Для общественной жизни такой точкой отсчета, позволяющей и наблюдать, и переживать пространство и время, в буквальном смысле слова является эйнштейновский «наблюдатель», но не только тот, кто просто наблюдает, а тот, кто, наблюдая, переживает и практически действует.

Современность так тесно связана с содержательной конкретностью субъекта, что выступает просто оценкой, с помощью которой изменяющийся субъект оценивает все, что в его жизнь вовлекается. Экзистенциальный диалог множества субъектов превращает их оценки в общекультурную систему, в «пространство оценок и ориентиров», благодаря которому современность существует как всеобщая система координат. Однако плюрализм субъектов указывает на плюрализм современностей, их столько, сколько субъектов, ищущих и теряющих, создающих и разрушающих смысл происходящего. В каждую культурно-историческую эпоху, в ее начале оценочное пространство современности напрямую подчинено насущной реальности человеческой жизни, но в ее конце оценки подчиняют себе всё. Тогда и начинается состояние постмодерна, теперь оно — пространство формализованных оценок, ставших догмами и подчинивших себе живую человеческую субъективность. А за этим уже следует «межвремяе», освобождение людей от догм, утративших смысл.

Можно полагать, что, хотя современность и оценочна, но в ней вполне может быть выделена точка отсчета. Это — оценка культуры и цивилизации с позиций человеческой индивидуальности, но не каждой, а только той, которая стремится найти, раскрыть и реализовать свой собственный, а не навязанный извне потенциал, а для этого нуждается в непрерывном творческом переустройстве объективных условий.

(Продолжение следует)

1. Вебер М. Предварительные замечания // М.Вебер. Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990.
2. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОС-СПЭН, 1998.
3. Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. М.: «Адетейя», 1998.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Т. 3. М.: Гос. Изд-во полит. литер, 1955.
5. Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: АСТ, 2011.
6. Фурс В. Критическая теория «современности» (анализ формирования одной социально-философской концепции) // Логос. 2004. №1 (41).
7. Фурс В. Парадигма критической теории в современной философии: Попытка экспликации // Логос. 2001. № 2 (28).
8. Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1992. № 4.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: «Весь Мир», 2003.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ ЕЕ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

УДК 316.77

Н. В. ИВАНЧУК

Необходимость обновления дискурса социологии управления обусловливается многими причинами, как внешними, так и внутренними.

Социология управления сегодня переживает непростые времена. Она должна адекватно отвечать на многочисленные риски и вызовы, которые порождаются современной цивилизацией, противоречиями ее развития.

В модернизирующихся обществах резко возрастает значение публичной политики. Объективный, взвешенный анализ происходящих социальных процессов и выработка практических рекомендаций по управлению ими позволяют повышать эффективность политики на всех ее уровнях. Но и сама социология управления должна оказываться на уровне стоящих перед нею задач. В обновляющемся мире знание о нем необходимо обновлять не в меньшей мере, чем обновляется мир.

Долгие годы и в социологии, и в других науках доминировали идеи «прогресса», «всеобщего благоденствия», неограниченности возможностей социального инжиниринга. Но сегодня все более востребованной становится не столь оптимистическая, а более соответствующая реальности парадигма. Ее сторонники исходят из следующего тезиса. «Согласиться с тем, что наши возможности социального инжиниринга ограничены — не значит сдаться или стать фаталистом. Напротив, ограничение амбиций и фокусирование усилий закладывают предпосылки перемен, тогда как гипероптимизм ведет к разбазариванию редких ресурсов и особенно — нравственного и политического капитала» [19, с. 251], — отмечает американско-израильский социолог А. Этциони.

Дискурс как концепт, термин используется во многих значениях. В одном из них он — «множество связанных между собой формулировок, понятий, принципов», которые «конструируют то, как мы говорим или пишем об определенной проблеме», считает английский исследователь этих вопросов Тони Уотсон [14, с. 147]. Таким образом,

дискурс «задает структуру способа понимания и ответа на эту проблему».

Дискурс любой науки, социологии управления в том числе, играет исключительно важную роль в реализации тех функций, которые она призвана выполнять: познавательной, прогностической, социализирующей, коммуникативной и многих других. Так, социолого-управленческий дискурс проясняет, артикулирует потребности и интересы различных социальных групп, побуждает их к активным, целеустремленным действиям, используя потенциал языка, его логики, новых образов, метафор, в том числе и ранее невостребованного, по выражению М. Фуко, «дисквалифицированного», незаконного знания. Полностью освободить научный дискурс от идеологического влияния вряд ли возможно, да и вряд ли нужно. Идеологии, несмотря на неоднократно провозглашавшийся их «конец», тем не менее не умирают. Но опасность представляют идеологизирование, фетишизация их роли, манипулятивные идеологии. В этом смысле научный дискурс, подчеркивает известный отечественный социолог и философ А. А. Зиновьев, обязательно должен быть антиидеологичен.

Научный подход, в том числе социологический научный подход, — «есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического» [4, с. 128]. В общей словесной форме принципы научного подхода к изучению объектов просты. К их числу относится, прежде всего, «принцип субъективной беспристрастности, познание объектов такими, какими они являются сами по себе». Но природа людей такова, что «они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной» [4, с. 172]. Есть не только потребность в познании, но и противостоящая ей потребность в «изолгании бытия». Противоборство названных потребностей — отнюдь не заранее предопределенный процесс. «И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления» [4, с. 130].

Для обывательского подхода характерны: поверхностность суждений и оценок, банализация, тривиализация сложнейших социальных проблем, стремление их решать по упрощенным схемам, опираясь, например, на инверсионный стиль мышления и практического действия, зачастую даже не осознавая этого. В соответствии с таким стилем, если абсолютизация общественной собственности не оправдывает себя, на смену ей должна придти и приходит обвальная приватизация. Если она терпит фиаско, на смену ей приходит всеобщее огосударствление.

Для социологии управления – и не только для нее – сближение ее дискурса с его обывательской или идеологической разновидностями имеет самые негативные последствия. В основе любого дискурса лежит высказывание как его исходная клеточка. Но полноценный, всесторонний анализ дискурса не может этим ограничиваться.

Дискурс социологии управления опирается на характерные для него парадигмы, модели и подходы, являющиеся его методологической основой. В нем выделяются наиболее важные, актуальные в той или иной ситуации аспекты социолого-управленческой деятельности. Дискурс определяется во многом специфичной для него системой понятий, тем, насколько они реалистично, динамично отражают реальность. Наконец, дискурс – это совокупность образов, метафор, аналогий, риторических практик, в которых закрепляются и конкретизируются его методологические установки.

Сегодня все чаще высказывается мысль, что современный кризис не только экономический, а не исключено – цивилизационный, требующий для его преодоления смены парадигм развития, разработки альтернативы западному пути развития, западному капитализму управляемому «невидимой рукой рынка».

Китайский мыслитель Ту Веймин, которого называют «современным Конфуцием», считает, что «в странах Восточной Азии под влиянием конфуцианской культуры уже построили менее конфронтационную, менее индивидуалистическую и менее эгоистическую современную цивилизацию. Он призывает к гармонии западных и восточных ценностей: «Мы не имеем выбора 'или – или'» [6, с. 189]. В разработанной и реализуемой в Китае модернизации, осуществлении баланса стабильности и изменений огромная роль отводится принципу гармонии, который относится к наиболее важным принципам

конфуцианства. Этот принцип включает «гармонию между человеком и природой, гармонию между людьми и гармонию между государствами» [8, с. 151]. Для российского общества утверждение принципа гармонии, баланса, например, между потребительскими и производительными потребностями, между различными социальными группами, верхами и низами имеет не меньшее значение, чем для китайского.

Происходящие в российском обществе процессы – изменения в его социальной структуре, рост уровня образования, особенно молодежи, и многие другие – еще более властно, чем прежде, требуют дальнейшего развития демократии, повышения ее качества. А она открывает новые возможности для гармонизации, сбалансированности интересов различных слоев населения, различных сфер жизни российского общества.

Для решения этих проблем необходимо повышать и уровень их теоретического анализа, концептуального осмысления и вести более актуальный поиск путей практической реализации рекомендаций ученых. Так, на протяжении многих лет они отмечают большие и социально не оправданные дисбалансы в распределении доходов между различными группами населения нашей страны. В одной из недавних публикаций на эту тему известный экономист О.Т. Богомолов приводит такие цифры. В США переход к прогрессивной шкале налогообложения позволяет снизить неравенство между крайними, насчитывающими по 10%, группами населения до 15 раз, а без использования прогрессивной шкалы налогообложения неравенство составило бы 67 раз. Фактическая налоговая нагрузка 20% российского населения с низкими доходами превышает нагрузку 20% населения с высокими доходами. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попадают в разряд низкооплачиваемых [3, с. 67]. Но серьезных практических изменений в ликвидации такого рода дисбалансов так и не произошло, хотя они намечены и остается надеяться на то, что наконец произойдут.

Российскому обществу присущи и другие дисбалансы, которые тормозят развитие его производительного потенциала. Средний чиновник в нашей стране получает в 2,6 раза больше, чем специалист, работающий в подотчетной ему области. В европейских странах не встречается превышения зарплат чиновников над зарплатами работников

куруемой ими отрасли более чем в 1,5 раза [7, с. 2].

Нельзя не отметить, что решение такого рода проблем исключительно сложно не только для стран, находящихся в начале их демократического пути, но и для являющихся образцами, оплотом современной демократии. Сегодня реальностью является нарастание социальных, экономических и других противоречий и в самых демократических странах. Зигмунт Бауман – выдающийся британский философ и социолог – отстаивает тезис, в какой-то мере непривычный для отечественного дискурса: «демократия – время беды». Конечно, институты сами по себе важны, но не менее важно – каким реальным содержанием наполняется их деятельность, каким ценностям и идеалам преданы чиновники, персонал этих институтов. Не случайно сегодня начинает оформляться особый экономический, социологический, управленческий подход – когнитивно-институциональный синтез. Когнитивная составляющая этого подхода позволяет включать институты в более широкий контекст знания и познания, понимания тех факторов, которые воздействуют на поведение человека, его мотивацию. Индивид, успешно преодолевающий свои когнитивные диссонансы, например, между сознательным и бессознательным, верой и неверием, способен и действовать более эффективно.

Выдающийся американский экономист, один из основоположников когнитивно-институционального подхода, Д. Норт, ввел в научный оборот понятие «адаптивная эффективность», которое важно и для дискурса социологии управления. Адаптивная эффективность «представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать институты с появлением очередных проблем. Соответствующим требованием является наличие такого государственного устройства и экономики, которые были бы готовы к непрерывным испытаниям перед лицом хронической неопределенности и устраняли бы те институциональные адаптации, которые неспособны справляться с новыми проблемами» [10, с. 242], – подчеркивает Норт.

Сегодня, как отмечает Бауман: «власти применяют принцип коллективного страхования все более неохотно и со все большими исключениями, оставляя граждан один на один со все возрастающим числом угроз» [1, с. 62]. Увеличение

разрывов в уровне жизни и доходах становится рядовым явлением и в развитых странах. «В Великобритании, например, доля 1% наиболее состоятельных граждан в национальном доходе с 1982 г. по 2008 г. выросла с 6,5 до 13%, а высшие менеджеры компаний, входящих в расчет лондонского биржевого индекса FTSE – 100, получают сегодня в 133 раза больше их среднего работника, хотя тридцать лет назад этот показатель не превышал 20 раз» [1, с. 63]. В то время как реальные возможности удовлетворения человеком его потребностей дифференцируются в зависимости от его социального положения, статуса, индивидуальных способностей, представления «о достижимых перспективах универсализируются, и движущей силой поведения становится угнаться не за соседями, а за знаменитостями: супермоделями, футболистами или эстрадными звездами» [1, с. 63]. Культивирование нереалистических желаний, дополненное легковесными представлениями о возможностях их реализации, вместо внесения назревших изменений в модель потребительского поведения чревато новыми угрозами и усилением уже существующих дисбалансов.

«Страх, который демократическая система и ее воплощение – социальное государство обещали сделать достоянием истории, возвращается многократно усиленным» [1, с. 64], – отмечает Бауман.

Увлечение демократической риторикой, идеализация реальных возможностей удовлетворения насущных потребностей и ожиданий характерны, на мой взгляд, и для современного российского общества, в том числе и некоторых его лидеров, что проявилось, например, в период подготовки и проведения завершившихся выборов президента России.

Таким образом, для дискурса социологии управления перспективны синтез и сравнение различных парадигм, систем ценностей – восточных и западных, интеграция различных подходов, например, когнитивного и других. Отечественная социология управления находится в начале этого пути. Но он, бесспорно, перспективен.

Возрастание в современном мире актуальности и остроты национально-этнических проблем требует разработки моделей, подходов, которые позволяли бы более эффективно регулировать взаимоотношения между различными нациями и этносами. Эти отношения весьма динамичны, противоречивы, иррациональны, требуют постоянного

обновления знаний об этой сфере общественной жизни. Она остается весьма конфликтной, трудно управляемой.

Сегодня ряд ключевых моделей, на основе которых ранее строилось управление национальными и этническими процессами, — «плавильного котла», «мультикультуризма» переживают глубокий кризис. «Плавильный котел» ассимиляции барахлит и гадит — не способен «переварить» возрастающий миграционный поток», — отмечает В. В. Путин. — Не намного лучше «мультикультуризм». Он возводит в абсолют «право меньшинства на отличие и при этом недостаточно уравнивает это право — гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом» [11, с. 1].

Многие представлявшиеся ранее оправданными стереотипы сегодня уже не работают. Устарели и нарративы, опиравшиеся на идентичности «свой — чужой», разного рода фобии и образы врага, хотя соблазны использовать их по-прежнему остаются. Но от этого межнациональные отношения не стали проще. Это хорошо можно проследить на примере такого феномена как толерантность. Во времена Дж. Локка толерантность была неотделима от взаимопризнания: «сперва признание и принятие законов республики потенциальным гражданином, затем — признание прав новоиспеченного гражданина, как «естественных», так и конфессиональных со стороны республики» [18, с. 55]. В XXI веке локково понимание толерантности мало кого привлекает. «Важно заметить: толерантность не сводится к реальности юридической, она безуспешна, если не состоится в сфере моральной, если тот «другой», которого положено «терпеть» по закону, не станет «другим», не терпеть которого безнравственно» [18, с. 56].

Толерантность — сложный социальный феномен, имеющий не только юридическое, но и нравственное, экономическое, социальное, управленческое содержание.

Большую актуальность в глобализирующемся мире приобрела проблема национальных интересов, поиска ресурсов их реализации. В выигрыше оказались такие страны, как Китай, которые дальновидно отказались от преждевременного свертывания этой проблематики. «Китаю удалось добиться чрезвычайно большого экономического роста, так как он, вопреки мнению о глобализации как победе западного капитализма над интересами других стран,

включился в глобальный капитализм, преследуя собственные интересы» [16, с. 14]. Опора на здравый смысл, на то, что лежит на поверхности, далеко не всегда помогает. Недооценка роли теоретических знаний, не говоря уже о пренебрежении ими, подмена подлинно научных знаний, научного дискурса их подобиями приводят к самым негативным последствиям.

Ранее многим, в том числе в нашей стране, представлялось (а таких людей немало и сегодня), что социализм и капитализм несовместимы, что это кентавризм, используя термин, который предлагает Ж. Т. Тошченко [15]. Однако «социалистическая рыночная экономика» в Китае стала реальностью. «Идеологически марксизм по-прежнему занимает доминирующее положение среди школ политической мысли в Китае, но другие идеологии также существуют в стране, что дает основание говорить об уникальном сосуществовании унитарной политической идеологии и плюралистических политических теорий», — отмечает Юй Кэпин, китайский политолог и историк, специалист по проблемам компаративистики [20, с. 127].

В отечественной науке, публицистике идут постоянные дискуссии о том, нужна ли нам идеология и какой она должна быть. Дискуссии можно и нужно продолжать, но необходимо и действовать. Расплывчатость ответов на эти вопросы усиливает нашу «наклонность к промедлению», о которой говорил еще П. А. Столыпин, а в подтверждение своей позиции приводил слова Петра I: «промедление смерти безвозвратной подобно» [12]. Идеология и российскому обществу, и государству нужна, но динамичная, синтезная, опирающаяся как на свои собственные традиции, так и на достижения других народов, их культур, и способная активно отстаивать национальные интересы России в постоянно изменяющемся мире. В решении рассматриваемых проблем российским народом и государством уже накоплен немалый опыт, который нужно актуализировать, а не только вспоминать о нем по случаю тех или иных знаменательных дат.

«Наш орел, наследие Византии, — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его истекать кровью» [13].

Интересы России могут смещаться в зависимости от совокупности различных факторов

в сторону как Европы, так и Азии. Потребность в динамичном, гибком дискурсе отстаивания своих национальных интересов у современной России не меньшая, а, возможно, даже еще большая, чем у России столыпинских времен. Утверждая, реализуя свои интересы на одном континенте, Россия получает новые возможности их отстаивания на другом. Если же она терпит неудачу в одном регионе, то может добиться успеха в другом.

Необходимо наполнять новым содержанием уже существующие концепты и образы, делать их более гибкими и точными. А это приведет к повышению качества и социологического и управленческого дискурсов.

Так, сейчас широко используется понятие «демократия», причем зачастую в очень упрощенном варианте ее понимания. «Основываясь на приоритете свободы при неотъемлемости прав – в утверждении равенства всех членов общества – демократия требует широкого и хрупкого равновесия, и поэтому под ее внешне спокойной гладью скрывается множество противоречий и линий напряженности, а упрощенное понимание демократии, если оно становится доминирующим, не только не решает существующих проблем, но порождает новые» [2, с. 19].

Конечно, демократия – особенно упрощенно понимаемая – порождает множество проблем. Она «и новый вызов, и новые возможности; при этом возможности намного превосходят опасности, привносимые вызовом» [20, с. 129].

Вера в демократию имеет огромное значение и для ее практической реализации, и для утверждения в жизни российского общества демократического управления, которое в силу недостаточной проясненности того, что такое демократия, также остается недостаточно проясненным.

Для решения многих проблем современного российского общества, особенно связанных с его модернизацией, большое значение имеет пробуждение мотивации, основанной не только на удовлетворении уже имеющихся потребностей, которые по тем или иным причинам пока не удовлетворены, но и тех, которые иницируются, пробуждаются менеджментом. Он получил название «менеджмента, создающего мотивацию». Роль такого менеджмента и заложенной в его основе мотивации, можно предположить, будет возрастать. Основная идея этого менеджмента – «о необходимости регулирования трудового поведения человека не через внешнее воздействие,

а именно через труд – *managing through*» [9, с. 9], труд как таковой, как самоценность. Однако такой подход пока остается преимущественно теоретической конструкцией. Чтобы она превратилась в практически действующую в широких, массовых масштабах, необходимы изменения в образе жизни и системе потребностей миллионов людей. Эти изменения будут происходить, уже происходят.

Сегодня развитие уже не отождествляется с «консьмеристской тропой», с возрастающим потреблением прежде всего материальных благ, что пока характерно для массового сознания. А это требует умелой, хорошо организованной работы по перестройке массового сознания, компетентного управления этим процессом.

Одна из важнейших задач развития – блокирование, ограничение, а в идеале – преодоление различных форм отчуждения или по крайней мере их минимизация. Использование концепта «отчуждение», особенно освобожденное от его идеологических наслоений, позволяет более глубоко исследовать социальные и управленческие процессы, происходящие в современных обществах. «Отчуждение – состояние или процесс превращения деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним», – отмечает английский политолог Э. Хейвуд [17, с. 518].

Одним из самых глубоких видов отчуждения является отчуждение человека от самого себя, самоотчуждение. В его ограничении и преодолении демократия играет исключительно важную роль. Модернизация российского общества автоматически не ведет к демократии. «И тем не менее существует тесная логическая связь между: 1) высоким уровнем экономического развития 2) культурными изменениями, направленными на усиление индивидуальной автономии, креативности и самовыражения и 3) демократизацией» [5, с. 173]. Р. Инглхарт особо подчеркивает, что в итоге «демократии становятся более восприимчивыми, а политика все меньше походит на игру, в которой допущены лишь элиты, воспринимающие мнения людей только во время выборов».

Различные формы и виды отчуждения способны усилить друг друга, и тогда они становятся особенно опасными в плане их негативного социального воздействия. Демократические процессы порой тормозятся благодаря обоюдным усилиям в этом направлении, как со стороны общества, так

и государства, а точнее благодаря их взаимному безразличию к судьбам демократии. Есть даже предложение использовать термин «либертицид» для обозначения возникающей комбинации безграничных амбиций государства и робости, безразличия граждан [1, с. 65].

Точно и своевременно артикулируя и обозначая происходящие изменения, постоянно обогащая и расширяя ее дискурс, социология управления помогает и обществу, и государству решать стоящие перед ними проблемы. Тем самым она помогает и самой себе, утверждая свой авторитет в обществе.

1. Бауман З. От агоры к рынку – и куда потом? [Текст] / З. Бауман // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. М.: Европа, 2010. С. 54–72.
2. Белл Д. Демократия и права: великая дилемма нашего времени [Текст] / Д. Белл // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. М.: Европа, 2010. С. 54–72.
3. Богомолов О.Т. Социально-гуманистические аспекты модернизации России [Текст] / О.Т. Богомолов // Вестник РАН. 2012. № 1. Т.82. С.67.
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания [Текст] / А.А. Зиновьев. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С.128.
5. Инглхарт Р. Модернизация и демократия [Текст] / Р. Инглхарт // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества; ред. В.Л. Иноземцев. М.: Европа, 2010. С. 167.
6. Карелова Л.Н. Ту Веймин и новое конфуцианство [Текст] / Л.Н. Карелова, С. Н. Чугрова // Политические исследования. 2012. № 1. С. 188–189.
7. Комсомольская правда. 2012. 15 марта.
8. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая [Текст] / Лю Цзайци // Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
9. Мирзоян В. А. Кризис трудовой мотивации: опыт философского анализа [Текст] / В.А. Мирзоян // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 3–13.
10. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений [Текст] / Д. Норт. М., 2010. 256 с.
11. Путин В. Россия: национальный вопрос [Текст] / В. Путин // Независимая газета. 2012. 23 января.
12. Столыпин П. А. Мысли о России. М., 2006. С.22–23.
13. Столыпин П. А. Речь о сооружении Амурской железной дороги, произнесенная в Государственной думе 31 марта 1908 г. // Полное собрание речей: Нам нужна великая Россия. М.: Молодая гвардия, 1991. С.37.
14. Титц С., Козн Л., Массон Д. Язык организаций. Интерпретация событий и создание значений [Текст] / Пер. с англ. Харьков, 2008.
15. Тощенко Ж. Т. Кентавризм как деформация общественного сознания [Текст] / Ж. Т. Тощенко // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 3–12.
16. Федотова В. Г. Новые идеи в социальной теории [Текст] / В. Г. Федотова // Социологические исследования. 2011. № 11. С.14–24.
17. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов [Текст] / Э. Хейвуд. М., 2006.
18. Хома О. Философские культуры: терпимость, толерантность и признание [Текст] / О. Хома // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 54–64.
19. Этциони А. Меньше – значит больше: нравственные достоинства политического минимализма [Текст] / А. Этциони // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Издательство «Европа», 2010.
20. Юй Кэпин. Демократия в Китае: вызов или шанс? [Текст] / Юй Кэпин // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010.

СТРУКТУРА «ТОЛЕРАНТНОЙ ЛИЧНОСТИ» В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 177

Л. Г. АЛЕКСАНДРОВ

Толерантность в контексте «классического» космополитизма и в эпоху глобализации

Пути развития современной цивилизации все больше приводят исследователей к необходимости учета особенностей глобального мышления. Мир уплотняется, коммуникации расширяются, и редко встретишь какой-либо обособленный социальный процесс, который остался бы в стороне от кардинального направления движения человечества. Во взаимозависимом мире структура человеческих взаимоотношений становится все более сложной, а мораль просто не укладывается в какую-либо одну традиционную модель поведения. Поэтому все более необходима оценка толерантности как фактора устойчивости общества в его исторической эволюции.

Толерантность часто рассматривается как философская категория диалектического отражения социального поведения человека и его гармоничного взаимодействия с различными сферами жизни в окружающем мире [3, с. 170]. Она входит существенным элементом в системы образования и воспитания, формируются все новые системы «тренировки» терпимости к инородным факторам внешней среды и разнородным элементам повседневной жизни. Аксиологические формулы толерантности как «ценности», Г. Маркузе обозначаемой как «цель–в–себе», а П. Николсоном – как «благо–в–себе», – входят в общую систему достижений западной либеральной демократии. Она часто рассматривается и в социологическом ключе как определенный способ сосуществования групп в историческом развитии плюралистического, мультикультурного общества [17, с. 126]. Классическая же этика рассматривает способность терпимости чаще всего как исключительную, если не абсолютную, добродетель «идеального» человека, образец для подражаний и стремлений [13, с. 311]. Однако источники такой духовности варьируются у разных исследователей в очень широких культурных рамках, где задействованы религия, философия, психология, социология и т. п.

Традиционный космополитизм как мировоззренческая, этическая установка коррелирует с концепцией толерантной личности, воплощает ее общую структуру, органически соотнесенную с системой глобальной ответственности. Он обращен к самосознанию личности, стремящейся не только к утверждению идентичности, но и к поиску способов коммуникации со всевозможными формами инаковости. В этом случае мы имеем дело с гармонически развитой личностью, ищущей свое место в многоликом мире – да и современная цивилизация нуждается в таком типе «универсальных» людей.

Часто полагают, что космополит призывает к отказу от патриотических чувств в отношении своей страны, но заменяет их аналогичными по отношению к единому человеческому роду. Космополитическая идеология защищает такие общественные идеалы в глобальном масштабе, она не приемлет унижения, преследований и ущемлений в правах по вероисповеданию, цвету кожи, физическим и умственным недостаткам, убеждениям или заблуждениям, личным вкусам и пристрастиям, не оказывая духовного давления на других людей и стремясь к пределу общественного многообразия. Такая форма толерантности не видит простых путей интеграции человека в социальную среду и часто предполагает преодоление серьезных противоречий.

Структура толерантной личности нам представляется актуальным парадоксом глобального мира, предполагающим изменение критериев личностной идентификации ради ценностей общечеловеческого масштаба. Это предполагает серьезную трансформацию, или, как говорил Э. Тоффлер, «взрыв психосферы» личности, изначально воспитываемой на тождествах, примерах и традиционных образцах [16, с. 49]. Современный человек создал мир, чересчур сложный для себя как отдельно взятой личности, и в результате утратил способность понимания базовых закономерностей мира. Поэтому ставить вопрос о формировании личности человека в эпоху глобализации – это значит заниматься

адаптацией человека к многомерным общественным процессам.

Еще недавно такие «правила игры» в обществе формировались в масштабах государства, и этого было достаточно для самосознания гражданина. Сегодня отношения гармоничности и толерантности перерастают границы стран и континентов и становятся на порядок сложнее для отдельного человека. Идеологи космополитизма всегда настаивали на своей абстрактно-формальной декларации, подчиняющей всех людей одним и тем же законам при естественном несходстве разных индивидов. Положение о равенстве людей возникло в качестве гипотезы, гуманистического идеала, но сегодня это уже, пожалуй, практическое мерило не только гражданственности, но и общей цивилизованности человека.

У толерантности большой потенциал социально-культурной интеграции, создания «консенсусного» пространства, максимально комфортного для совместного проживания. Впрочем, по мнению ряда конфликтологов, задача состоит не в том, чтобы сконструировать беспроблемное общество на основе абсолютного равенства, а в том, чтобы в рамках существующей социальной системы научиться разрешать противоречия, в том числе между группами, составляющими большинство и его меньшинствами [13, с. 25]. Всеобщая справедливость является ценной идеей постольку, поскольку способы ее внедрения в жизнь согласованы с многообразием потенциалов личности, а в способности человека жить в многомерном мире как раз заложены основания плюрализма, характерного для эпохи глобализации.

Гуманистическая парадигма современной общественной жизни неизменно связана с преодолением в международном масштабе изоляционизма и ксенофобии — недоверия, порой фанатичного, ко всему чужому, непохожему. Этому должно способствовать развитие глобальных коммуникационных сетей, доступ к которым становится все легче и проще. Обратной стороной такой всеобщей толерантности становится социальный конформизм, неспособность личности к пониманию и выражению собственной идентичности. Такой ложный космополитизм в XX в. порой связывался часто с отрицанием национального суверенитета и насильственным обобществлением интересов.

В основе современной планетной толерантности как позитивного чувства необходимо лежит патриотизм, как бы естественно

перерастающий свои локальные и национальные границы. Глобализация неотвратно находит и создает удобные информационные и гносеологические условия для коммуникации «мирового общества», игнорировать которые значит отстать от социального прогресса [9]. Принцип толерантности позволяет участнику коммуникации увидеть планету не как внутренне индифферентную общечеловеческую массу, но как плодотворное единство многообразия, в котором находятся в отношениях взаимного дополнения не только люди обоих полов, всех возрастов и национальностей, но и политические движения, профессиональные функции и культурные стили.

Рисунок глобальных тенденций сложен и противоречиво отражается в социокультурной структуре личности. Глобализация может способствовать ощутимому расширению прав и свобод граждан, одновременно создавая опасность усиления тотального контроля над жизненным миром личности со стороны отдельных социальных сил. В обществе, построенном по такому принципу, неприемлемо культурное отчуждение, духовное опустошение, экзистенциальное одиночество. Космополитизм как форма свободного протекания деятельности личности в рамках масштабных тенденций являлся только видимой частью более сложного внутреннего мира личности, включенной в широкую систему общественных отношений. Общеизвестно, что для массовых социальных общностей характерна бытийная эфемерность, организационная аморфность, неустойчивость границ и расплывчатость идеологии — структура толерантной личности придает осмысленность и определенность таким отношениям. Создавая многомерный портрет индивидуума в процессе определения его социального статуса, мы придаем закономерность пестрой картине бытия и быта современного человека эпохи глобализации.

Структура и свойства «толерантной личности» как элемент широкой социальной интеграции

Человека, который утратил прежний социальный статус и не способен исполнить новую «роль», называют маргинальной личностью. В то же время человека, осознавшего свою идентичность с определенной социальной группой и принявшего отношения с представителями группы иного свойства,

обозначают как толерантную личность. Формирование такого типа отношений подразумевает сложную диалектику сходств и различий, этику принятий и отрицаний, а изучение «социальной мобильности» личности имеет значение для составления полного представления об устройстве современного общества.

При широкой социальной унификации происходит отождествление личности с массой по принципу схожести мышления, что порой трактуется как «обывательский космополитизм»: «Дорогой, но необходимой ценой за рост культурного разнообразия, — пишет А. Назаретян, — становится, во-первых, ограничение разнообразия живой природы, а во-вторых, гомогенизация глубинных смысловых пластов этнических, рациональных, религиозных и прочих макрогрупповых культур. Культурологам стоит обратить внимание на то, что сохранение исторической самобытности каждой культуры — задача, по-видимому, благородная, но нереалистическая и, будучи понята буквально, чреватая опасными последствиями» [12, с. 96].

Процессы, происходящие в культуре эпохи глобализации, трудно «отменить», однако при формальном подходе они могут легко переродиться в механизм воспроизводства такого способа сознания, который связан, в частности, с недостаточностью морального компонента в общественных отношениях, с личностной инфантильностью и деградацией психологии. Если такое «постмодернистское» мировоззрение ведет к разрыву ментальной «топологии» пространства, размыванию ценностной структуры социума, то массовая культура, в свою очередь, непосредственно гомогенизирует и содержание культуры, и содержание сознания [14]. Сегодня речь идет не только о возвращении к идее подлинного единства человечества, реализации синтеза единой культуры, но и о поиске более эффективной стратегии, когда множественность «точек опоры» могла бы обеспечивать реальную устойчивость здания нового миропорядка.

Перед личностью, находящейся в поиске своей структуры, неизбежно встает вопрос о том, насколько та или иная модель социального устройства эволюционно оправданна. Развивающаяся и все более сложная реальность требует и все более разносторонне развитых, творчески совершенных людей, а насильственная глобализация часто нивелирует эти потенции, как и вообще

моральные принципы гуманизма. Иногда негласно допускается, что эволюционировать будет исключительно социальная элита, представители которой сохранили способность совершенствования своих ментальных характеристик. Здесь уместно вспомнить Л. Карсавина с его концепцией «симфонической личности», усвоившей принцип единства многообразия. В противоположность европейскому «атомарному» социальному устройству, в его системе индивид мыслится в органичном единстве с семьей, сословием, народом, человечеством [6, с. 20–24].

Оставаясь «жителем планеты», человек регулярно вступает в отношения частного свойства с представителями родственных или различных социальных групп. И эти многообразные пересечения идентичностей в не меньшей степени влияют на коэволюцию человека и природы. На определенном этапе в диалогических коммуникациях оказываются кардинально значимыми те гуманитарные основы социальных отношений, которые в концепциях всеобщей конкуренции мало учитываются. В этом смысле соотношение между глобализацией и интеграцией удачно определяет Ю. Шишков: «Если глобализация — это новое качество интернационализации на стадии предельно возможного развития ее вширь, то интеграция — это наивысшая ступень развития ее вглубь» [19, с. 21]. Мировоззренческие дискуссии между сторонниками либеральной глобализации и защитниками гармоничного социоприродного развития разворачиваются в разной плоскости, и их участники часто перестают видеть общие приоритеты в развитии мирового сообщества.

Толерантный космополитизм сегодня представляется актуальной и востребованной идеей, подходящей для жизни и выживания мирового сообщества, находящегося в сложных процессах международного, межконфессионального и межкультурного обмена. Он не менее серьезен для общества, чем межличностное общение для индивидов, а включение его в систему жизненных приоритетов предполагает готовность принять другого, взаимодействовать с ним и идти «от различия к согласию» путем уважения и совместного диалога. Толерантность личности фундирована этнической, социальной и культурной неоднородностью, подспудным стремлением к стабильности общественных отношений. Она порой рассматривается и как возможность воспринимать и перерабатывать «чужие» представления, если они

исключают элемент насилия и не противостоят требованиям морали.

Коммуникативная деятельность на основе толерантности предполагает открытость социального опыта одного субъекта общественных отношений для другого при сохранении своеобразия и достоинства каждого из них и учете их индивидуальных интересов. Границы толерантности необходимо рассматривать через этику социальной ответственности, всегда замыкающейся на человеке как распространителе универсальных социокультурных норм и ориентиров. Причиной же кризисных отношений чаще всего является неконструктивность доминирующих типов связей ценностно-культурных оснований человеческого мира с разнообразными социальными институтами.

Иногда формируется парадоксальная ситуация: процессы организации и регулирования общества, призванные сформировать основания социального порядка, ведут себя «хаотично» и в результате провоцируют деструкции в самих основаниях воспроизводства личностного бытия, становящегося все более хрупким и ненадежным. Проблемным полем стали сами условия самоопределения человечества, наций, стран, отдельных людей, а также аксиологических оснований жизненного пространства человека, возможностей обеспечения его устойчивого развития в условиях радикальных трансформаций традиций и многолинейности развития глобальных коммуникаций [5].

Поиск нового типа самоидентификации закономерно привел к оживлению интереса к проблеме связи личности и общества, а также к концептуализации парадигм, обобщающих оптимальные модели перерождения и детерминации личности при минимизации глобальных рисков. П. Сорокин, в частности, обосновывал, что индивидуализация как доминанта в освоении системы «личность — культура» актуализируется только в пространстве интегрального социального порядка, в основании которого лежат ценности универсальной культуры. Социальная реальность охватывает не только отношения между индивидами, но и их внутренние мотивации к анализу граней общества через понятия «социальная роль», «социальная норма» и — как интегральный образ общества — «социальная система» [15, с. 51].

Глобальный порядок — это также сложноорганизованная система, целостное многоуровневое и многокомпонентное образование, в котором ценности личности

и многополярной культуры по-разному проявляются на каждом из уровней. Это не жестко закрепленная схема отношений со своими константами, а подвижное образование, предполагающее набор взаимосвязей, как в подсистеме «личность—культура», так и в подсистеме «общество—культура». Эволюция социального порядка, рост в нем гуманистического начала предполагает преодоление его одномерности, трансцендентный выход за границы ныне преобладающего социального уровня и формирование новых ценностей. В таком пространстве моделируется внутренняя структура личности, в которой равно выражены принципы свободы и ответственности. Именно так субъекты, отделяясь от предметной организационной и информационной среды, могут определять свою дистанцию по отношению к ее элементам. Чем более сложной является культура с ее конструктивными ценностями, тем более разнообразным по позициям становится пространство ее социального порядка.

«Толерантная личность» и «массовый человек» в перспективе глобальных изменений общества

Психологическая структура толерантной личности в процессе ее взаимосвязи с обществом шире, чем любая умозрительная схема. Личностные ценности в этом прочтении обеспечивают регулирующее и стабилизирующее действие, благодаря особой организации, имеющей иерархический характер. Ценностно-смысловая иерархия при этом выражает широту и глубину пространства личности [5, с. 167]. Развитие внутренней структуры толерантной личности связано с формированием нравственно-ценностного отношения к жизни и предполагает одновременное движение от эгоцентрических устремлений к общечеловеческим представлениям, такой идентификации с миром, когда из нестойких, эпизодически возникающих ситуаций возникает осознанный, сквозной жизненный смысл. Наиболее же устойчивый тип отношений возникает в культуре, интегрирующей все социальные взаимосвязи.

Альтер-эго толерантной личности эпохи глобализации часто называют тип среднего, «массового» человека, основной чертой которого является «замкнутость души», фрагментированность, лишаящая его возможности выйти за свои пределы, «переселиться» в своего ближнего. Атрофия внутренних ценностно-смысловых пространственных

структур отчуждает такого человека от общественной жизни и усиливает давление на личность со стороны общества. Но ее потенциалы активизируются при внедрении сбалансированной парадигмы толерантного сознания в максимально широких пределах, причем без подмены индивидуальности конформизмом. Аксиология допускает и такую глобальную архитектуру психологического механизма утверждения толерантности, при условии участия в воспитании социальных институтов.

Глобальная толерантность – это не пассивное принятие, а активный поиск точек соприкосновения с неясным, непонятым, чужим в условиях плюрализма, желание понять иную позицию и уяснить, что инаковость неустранима из жизни, что общественные различия не растворяются в общей идентичности, а сохраняют свою самобытность. Философия толерантной личности допускает множественность «истин» и воззрений в обществе. Важным моментом в понимании толерантности является то, что Р. Валитова обозначает как «отказ от привилегии первого лица» [2, с. 34]. Толерантность необходима в ситуациях, угрожающих социальной идентичности, при столкновении несовместимых интересов и конфликте ценностей, ее применение способствует тому, что антагонизм и негативная оценочность преобразуются в уважение и понимание.

В целом толерантный образ жизни можно рассматривать как интеграционный показатель нравственной активности личности по достижению социальной гармонии. Он оказывается необходимой частью парадигмы моральных стремлений человека в условиях неидентифицируемых этических установок и предписаний, для того чтобы понять, какое место занимает субъект в имеющейся системе обезличенных отношений между субкультурами. Границы толерантности очерчиваются посредством утверждения недопустимости нанесения вреда другим людям и зависят от социальной зрелости и психологической гибкости личности.

По Э. Левинасу, нравственная мера толерантности определяется целым набором обстоятельств: социокультурным фоном, внутренним состоянием субъекта, серьезностью контраста между воспринимаемым фактом и ожиданиями, состоянием и нравственной динамикой адресата толерантности. Истинная толерантность – это свободный выбор, совершаемый личностью не по принуждению, а в согласии с ее желаниями и совестью

[8, с. 184]. Таким образом, можно отметить скрытую в структуре толерантной личности возможность допущения релятивизма в теории и волюнтаризма на практике. Действительно, любая абсолютизация того или иного принципа в конце концов оправдывает его противоположность.

Феномен гармоничного усвоения инокультурных ценностей является сейчас одним из наиболее важных факторов. Вступая в контакт с чужой культурой, полезно, как считает Г. Гачев, исходить из «презумпции непонимания» [4]. Толерантность служит своего рода мостом, соединяющим частное и общее, различия и единство. Поиск путей и механизмов гуманной глобализации предполагает прежде всего формирование идеологии ненасилия и реализацию принципов глобальной этики. Толерантная личность в эпоху глобализации испытывает многократные перегрузки в связи с укрупнением масштабов общественных отношений, умножением внешних и внутренних факторов морали, и аксиологический механизм межгруппового взаимодействия остается прежним, несмотря на меняющиеся экономические, политические и культурно-духовные ориентиры современного мира.

Смысловая структура личности выходит за границы простых человеческих поступков и «распространяется» в культурном пространстве. Жизненные ориентации толерантной личности эпохи глобализации могут быть представлены как пестрая мозаика мировоззренческих позиций, которые постепенно складываются в устойчивое и относительно рациональное единство. Так зарождается новая интер-культурная модель личности с индивидуальной биографической конструкцией нового типа и глобальным взглядом на мир. Поиски в данном направлении призваны вести к сокращению разрыва между возрастающей сложностью проблем, стоящих перед человеком, и его способностью противостоять им. Вместе со стихийным движением глобализации возникает культура осознанного мироотношения и самоопределения человека, подразумевающего одновременно ситуативную адаптацию и высокую ценностную ориентацию.

Сегодня мировое сообщество переживает кризис как индивидуальных, так и коллективных идентичностей. Возникает все больше индивидов, характеризующихся ценностной индифферентностью, сознание которых оказывается иллюзорным и серьезно фрагментированным именно вследствие «чрезмерно толерантного» воспитания. Глобальная

толерантность, понимаемая как абсолютная ценность, становится определенной угрозой идентичности, ее регулятивным функциям и групповым стандартам, поскольку в эпоху глобализации традиционные механизмы социальной ориентации и интеграции в сознании человека отходят на второй план.

Дж. Клиффорд и Х. Бхабха предлагают модель «противоречивых космополитизмов», показывая, что глобализация неизбежно приводит к формированию национальных гибридов, подтверждающих этико-политическую неэффективность нации-государства [11]. В ее рамках необходимо найти полезные средства контроля при оценке новых артикуляций толерантности. Так, для нравственной личности в человеческом общежитии способность уважать других потребует определенного иронического дистанцирования от собственной культуры и значительной

саморефлексии, что, как кажется, не тождественно социальному релятивизму и конформизму.

Понимание глобального общества как единой системы социальных отношений, «жизненного мира» позволит лучше понять механизмы взаимной зависимости институтов и ценностей, значений и смыслов, теоретического и повседневного. Реконструкция взаимодействия и взаимозависимости отдельных подсистем социальной системы нуждается в сопоставлении с психологическим универсумом, в котором личность интерпретирует свои намерения, оценивает процессы и явления общественной жизни. В комбинации причастности и отчужденности, идентичности и смешения формируется мировоззрение современного человека, неизбежно захватываемого все новыми формами и тенденциями глобализации.

1. Бардиер Г.Л. Толерантность как социальное представление и этическая норма [Текст] / Г.Л. Бардиер // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2005. Вып. 4. С. 109–118.
2. Валитова Р.Р. Толерантность: порок или добродетель / Р.Р. Валитова // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 33–37.
3. Васильев В.В. Трудная проблема сознания [Текст] / В.В. Васильев. М., 2009. 272 с.
4. Гачев Г. Национальные образы мира (Космо-Психо-Логос) [Электронный ресурс] / Г. Гачев. URL: magazines.russ.ru/Волга/1999/2/gachev.html (дата обращения: 14.07.2012).
5. Джерелиевская И.К. Человек в социокультурной реальности [Текст] / И.К. Джерелиевская. М., 2005. 480 с.
6. Карсавин Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. СПб., 1993. 350 с.
7. Касьянова Е.И. Нравственные основы толерантности в современной социокультурной ситуации [Электронный ресурс] / Е.И. Касьянова: автореф. ... докт. филос. наук. СПб., 2009. URL: dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya... (дата обращения: 22.03.2012).
8. Левинас Э. По-другому, чем быть, или по ту сторону сущности [Текст] / Э. Левинас // Путь к Другому. СПб., 2006. 240 с.
9. Луман Н. Понятие общества. Почему необходима системная теория? / Н. Луман // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25–42.
10. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе. М., 2002. 526 с.
11. Миненков Г. Космополитизм и космополитическая идентичность: практики интерпретации [Электронный ресурс] / Г. Миненков / Тезисы доклада на конференции. Минск, 11 марта 2007 г. URL: n-europe.eu/content/?p=1439 (дата обращения: 13.04.2012).
12. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 91–98.
13. Ролз Дж. Теория справедливости / Пер. с англ. / Дж. Ролз. Новосибирск, 1995. 532 с.
14. Самохвалова В.И. «Массовый человек» — реальность современного информационного общества / В.И. Самохвалова // Проблема человека: мультидисциплинарный подход. Материалы научной конференции. М., 1998. С. 58–63.
15. Сорокин П.А. Система социологии [Текст] / П.А. Сорокин. М., 2008. 447 с.
16. Тоффлер Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития / под общ. ред. проф. О.И. Кирикова. Воронеж, 2007. С. 124–162.
17. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. М., 2000. 159 с.
18. Федотова, Н.Н. Толерантность как мировоззренческая и инструментальная ценность [Текст] / Н.Н. Федотова // Философские науки. 2004. № 4. С. 5–27.
19. Шишков Ю. Внешнеэкономические связи в XX веке — от упадка к глобализации / Ю. Шишков // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8. С. 14–21.

СОЦИУМ И ВЛАСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРАХОВ

УДК 316

П. А. АМБАРОВА

Темы власти, социума и страха неразрывны. Верность этого утверждения отражается в расхожем мнении о том, что власти нужно бояться. Поведение граждан и их реакции на действия властей определяются не только интересами, ценностными ориентациями, политическими и правовыми нормами, равно как и действия представителей властных структур зависят не только от типа политического режима, здравого смысла, целей государственной политики и личных интересов. В отношениях между властью, различными социальными группами и обществом в целом значительную роль играют социальные эмоции — уверенность в завтрашнем дне, страх, доверие, любовь, неприязнь и др. Политические отношения (не только в России, но и во всем мире) эмоционально окрашены, при этом палитра чувств и степень их выраженности чрезвычайно разнообразны. И страх играет в этих отношениях не последнюю роль.

А. М. Кантор полагает, что страх перед властью, характерный для россиян, происходит от экзистенциального страха потери матери, образ которой в российской культуре сливается с образом власти. Отлучение от матери, потеря ее или наказание, исходящее от нее (матери и власти), воспринимаются в неразрывной связи и чрезвычайно остро [4]. Нам же представляется, что, во-первых, страх характерен для властных и политических отношений во всем мире, а не только для России. Во-вторых, для современных россиян источником общественных страхов, и не только страха перед властью, служит отчужденность от многих жизненно важных объектов.

По мнению М. К. Горшкова, источником страхов, характерных для российского общества, является отчужденность от собственной жизни [8, с. 37]. Она заключается в невозможности управлять собой и уверенности в том, что жизнь управляема внешними силами и обстоятельствами, среди которых власть занимает не последнее место. Одновременно наблюдаются отчужденность и от самой власти, глубокий разрыв между обществом и властью, восприятие ее представителей как «чужих». О низком уровне доверия к институтам власти, чиновникам свидетельствуют данные социологических опросов, проведенных Левада-Центром [2],

Центром стратегических разработок [9], международной организацией Trust Barometer [13].

В структуре социальной регуляции эмоции вплетены в ценностно-нормативную подсистему и усиливают ее действие. Интуитивно или целенаправленно, но этот механизм воздействия на поведение людей используется субъектами политических отношений как особый инструмент политической борьбы и власти. В некоторых случаях он может выступать в качестве «палки о двух концах», действующей не только в интересах власти, но и определенной социальной группы, противопоставляющей себя как официальной власти, так и другим политическим оппонентам.

Несмотря на актуальность обозначенной проблемы в отечественной социологии, этому аспекту социальной регуляции не уделяется большого внимания, в отличие от американской социологии, в которой социология эмоций выделилась в отдельную специфическую отрасль знания [12]. В отечественной социологии социология эмоций не институционализована, хотя в последние десятилетия появились чрезвычайно интересные исследования социальных эмоций [1, 8, 11]. Актуальность их изучения заключается в том, что они позволяют по-новому взглянуть на самый широкий спектр социальных проблем.

Общественные страхи, выступающие разновидностью эмоций, в широком смысле можно определить как способ адаптации к социальной ситуации или социальной среде, обладающей для индивида или группы той или иной степенью неопределенности. Проявляются общественные страхи в многообразных состояниях — тревожности, тревогах, фобиях, паниках, слухах, опасениях. В быденном сознании любые проявления «тревожного ряда» воспринимаются как негативные, деструктивные, вызывающие неблагоприятные последствия для индивида и общества — социальную апатию, деморализацию и т. п. Поэтому естественным является стремление выйти из состояния страха или, по крайней мере, минимизировать его дисфункциональность. Именно это стремление избавиться от страха используется для управления и манипулирования сознанием и поведением населения. При этом актуализируются самые различные

виды общественных страхов — экологические, природные, технологические, экономические, политические, социально-психологические, иррациональные и другие.

Среди многочисленных социальных функций общественных страхов, на наш взгляд, особое значение имеет регулятивная. Она проявляется в нескольких аспектах:

1. Профилактика и купирование нежелательного и стимулирование желательного социального поведения. Страх может сдерживать те социальные движения, действия или феномены сознания, которые неудобны или опасны для власти и, напротив, формировать и направлять их в тех направлениях, которые соответствуют интересам власти. Яркими примерами политики запугивания служат действия властей во время трагедии в Крымске и в отношении панк-группы Pussy Riot. В первом случае власть, боясь реакции общественности на последствия халатного, безответственного и даже преступного поведения своих представителей, скрывала достоверную информацию о причинах и масштабах трагедии, а население и медперсонал, запуганные откровенными угрозами, боялись что-либо рассказывать журналистам и волонтерам, мотивируя свой отказ страхом репрессий по отношению к ним [7].

Во втором случае применялись показательные меры наказания и возможности прощения через публичное покаяние. Социолог Левада-Центра Н. Зоркая, комментируя результаты опроса, касающегося отношения населения к «панк-молебну», отмечает, что агрессия со стороны властей и лояльных по отношению к власти и РПЦ социальных групп свидетельствует об обществе, живущем в ситуации никуда не исчезающего в постсоветские времена насилия — государственного, ведомственного. Такое общество не способно принимать на себя ответственность за то, что происходит, а все недовольство выплескивает на других [10].

2. Мобилизация населения посредством концентрации интеллектуальных, психологических, культурных и прочих ресурсов и направлении их для решения актуальных проблем власти. Формы политической мобилизации населения могут быть самыми различными — агитационные призывы и предвыборные ролики с участием известных людей, нормативно-правовая поддержка лояльных общественных и религиозных организаций*, организация общественных и научных форумов, предназначенных для обсуждения

актуальных социально-политических проблем не только общества, но прежде всего — самой власти (доверия, лояльности населения по отношению к ней, основ идеологии и пр.). Примерами служат инициативы власти, связанные с созданием социальных сетей, различных культурных проектов, площадок для обсуждения общественных инициатив. Достаточно вспомнить известную встречу В. В. Путина с представителями общественности (организаторами литературно-музыкального вечера «Маленький Принц») в мае 2010 г.

3. Консолидация населения. Страх может стать основой внутри- и межгрупповой солидарности. Поиски врага — опасного, представляющего угрозу всем членам группы или общества в целом — один из наиболее часто применяемых инструментов сплочения общества, оправдания неудач, связанных с неэффективностью управления, а также переноса негативных эмоций и социальной напряженности с власти на другие социальные объекты.

Еще одно проявление регулятивной функции общественных страхов наблюдается в феномене межпоколенческой солидарности дискриминируемых этнических диаспор и меньшинств, например, среди евреев или депортируемых немцев. Социальные психологи и социологи считают, что социальные группы, пережившие травму, передают страх перед травмирующими историческими обстоятельствами через коллективную память. Наследование новыми поколениями знания о травме и страх перед ее повторением обеспечивает межпоколенческую сплоченность социальной группы.

4. Формирование имиджа власти можно рассматривать не как основное, но сопутствующее вышеперечисленным проявлениям рассматриваемой функции. Расхожее мнение, состоящее в том, что сильная власть — та, которую боятся, как раз отражает этот функциональный аспект использования страха как способа формирования имиджа власти. Исследователи отмечают, что лексика, используемая представителями власти, как нельзя лучше выполняет имиджевые функции по конструированию страха перед властью [1, 4]. Речь наполняется агрессивной тюремно-лагерной и «психиатрической» лексикой («двушка», «мочить в сортирах», «безумное общество», «шизанутые» и др.). Ту же смысловую нагрузку несут и фотографии высшего руководства страны, иллюстрирующие маскулинность и силу, например, фотографии президента страны в черных

* Речь идет, прежде всего, о законе об НКО, получающих поддержку от зарубежных фондов и организаций, а также ресурсах влияния на население Русской Православной Церкви.

очках, военной форме, занимающегося единоборством и др.

Все возможности использования общественных страхов направлены на завоевание, укрепление и удержание власти. В сочинениях Н. Маккиавелли подробно описывается, как можно пользоваться страхом в качестве инструмента власти. Технологии использования общественных страхов могут строиться с использованием уже бытующих в массовом сознании страхов или с помощью их конструирования. По мнению М.К. Горшкова, «чувство боязни, опасения — вполне естественное человеческое чувство, закономерный спутник современной повседневности» [8, с. 7]. Поэтому он полагает, что главный вопрос состоит не в том, как относиться к тем или иным массовым опасениям и страхам (они были и будут), а в том, почему в условиях данной конкретно исторической ситуации возникают и распространяются именно подобные фобии и угрозы. В этом случае действия власти состоят в выявлении, усилении и оформлении в рамках социальных практик эмоциональных реакций населения.

Властью формируются также мнимые, иллюзорные или «невротические» страхи, губительные для их носителей [5, с. 214]. Воображаемые страхи — такая же реальная социальная сила, как и страхи-реакции на действительно существующие угрозы. Может быть, еще более сильная, поскольку они латентны, легко меняются. Воображаемые страхи, прежде всего, становятся инструментом манипулирования общественным сознанием. С трудом поддаются фиксации и описанию последствия мнимых угроз. Они не очевидны и определяются социальными стереотипами, предрассудками. Оценки самих угроз и их последствий субъективны.

Алармистские настроения легко конструируются с помощью официальных выступлений и средств массовой информации. Например, страх терроризма, безусловно, имеет реальную основу, однако представления о его реальных масштабах и последствиях, риске и времени реального наступления не представляются очевидными. Однако страх терроризма — весьма удобный повод для манипуляций властей. Он был использован Д. Бушем в США после теракта 11 сентября 2001 г. для увеличения собственной власти и политического влияния США в мире, когда США позволили себе нарушить нормы международного права и совершить военные действия против любой страны без согласия ООН [5, с. 237]. В России угроза терроризма становится основанием для сворачивания демократических свобод и ограничения прав личности.

В контексте исследуемой темы важно отметить, что в основе самого терроризма лежит механизм запугивания. Это та самая «палка о двух концах», которую использует слабый в борьбе с сильным противником. Целью террористических акций является не только реальное уничтожение людей или стратегически важных объектов (в последнем случае агрессия была бы направлена только на материальные объекты). Другая цель — формирование тотального страха перед терроризмом, поскольку никто не может знать, с кем и когда он может себя проявить.

Власть не только использует страх перед различными стихиями или обстоятельствами, но и мощно конструирует его перед ней самой. По мнению исследователей, страх власти базируется на непредсказуемости ее решений и действий, возможности неожиданно наказывать и невозможности ей противостоять.

В формировании и реализации политики запугивания особая роль принадлежит страху перед временем. Например, страх перед смертью лежит в основе регулирования поведения людей как в светском, так и религиозном обществах. Апокалиптическое сознание и эсхатологические установки христианства дали возможность сформировать идеологию управления обществом, основанную на страхе смерти не только физической, но и духовной, при этом возможной дважды — в индивидуальной истории человека и истории всего человечества. (Еще Л. Фейербах указывал на то, что в основе возникновения и развития любой религии лежит страх). Страх смерти в виде лишения жизни используется как средство социального контроля и регулирования межгрупповой конкуренции практиками во всех обществах, начиная с самых ранних этапов их становления.

Страх перед временем издавна используется не только для поддержания социального порядка, но и сохранения власти [3]. Можно проследить эволюцию использования страха перед временем в качестве регулятора социальной жизни — от применения агрессивных форм (смертные казни, убийства) в традиционном обществе до манипулятивных технологий в современном обществе в виде переписывания истории и составления «правильного» прогноза социально-экономического и социокультурного развития.

Российские социологи полагают, что «подсистема страха» необходима всякой системе административно-директивного хозяйствования и особенно авторитарной политической [11]. Различные социальные институты — государство, экономика, образование, армия

или медицина – реализуют политику, одним из основных инструментов воздействия которой является целенаправленное, систематическое формирование и поддержание нужного уровня страха.

Общественно-политическая жизнь в современной России предоставляет богатый материал для исследования возникновения и содержания поведенческих стратегий различных социальных групп в ответ на политику страха. Социологические исследования отчетливо фиксируют раскол по линии активного сопротивления и пассивного принятия этой политики.

Исследование, проведенное М.К. Горшковым в 2008 г., свидетельствовало о постепенном, но неуклонном нарастании социальной пассивности. Сокращалось число россиян, готовых активно отстаивать свои интересы. Число тех, кто был готов в форс-мажорных обстоятельствах «идти на баррикады», в том числе отстаивать свои интересы с оружием в руках, уменьшилось с 9% в 1999 г. до 2% в 2009 г. Исследователи отмечали также заметный рост «пофигистских» настроений, нежелание что-либо предпринимать, как-то адаптироваться к новой реальности. С 3 до 18% выросло число тех, кто прямо говорил, что ничего делать не будет, даже если настанут трудные времена, а еще около четверти предпочитали об этом вообще не думать. Соответственно наблюдался «эффект улитки» (или «эффект мудрого пескаря»), проявляющийся в замыкании людей в своей частной жизни, семье, личных делах

и поиске ниш, где можно как-то переждать, пережить трудные времена [8]. Не менее важным для формирования стратегии пассивного реагирования являлся также фактор ментальности, а именно – эмоциональная сдержанность россиян.

Вместе с тем за последние два года у ряда социальных групп общества усилилась стратегия активного реагирования на политику страха, проявившаяся в росте протестных настроений и выступлений. Помимо известных масштабных митингов на Болотной площади, проспекте Сахарова, Марша миллионов, наблюдается рост менее масштабных выступлений, география которых охватила все крупные города России. Рост протестного движения в значительной степени обусловлен гражданской позицией многих его участников, их стремлением к созданию гражданского общества в России.

Однако стратегия активного реагирования на политику страха имеет под собой и иную, эмоциональную основу. В этом находят свое подтверждение социально-психологические законы преодоления страха со стороны испытывающих его людей, что выражается в возрастании их активности, и не в последнюю очередь – агрессии и расширении социальной базы протестного движения. Социологические исследования с очевидностью показывают рост числа россиян, поддерживающих социально-политический протест на вербальном уровне, и увеличение числа тех, кто реально участвует в нем [6].

1. Головаха Е. И. Социальное безумие: история, теория и современность [Текст] / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. Киев, 1994.
2. Доверие институтам власти. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/02-11-2012/doverie-institutam-vlasti> (дата обращения: 02.11.2012)/
3. Ильясов Ф. Н. Социология смерти/Ф. Н. Ильясов // Социологические исследования. 2010. № 9.
4. Кантор А. М. Власть и страх в политической культуре России/А. М. Кантор//Психологическая газета: Мир и мы. 2005. № 5 (105). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazetamim.ru/mirror/psy/amp;polit/Kantor1.htm> (дата обращения: 04.11.2012).
5. Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. М., 2009.
6. «Левада-центр»: все больше россиян одобряет протестные акции под лозунгом «За честные выборы». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/08-10-2012/levada-tsentr-vse-bolshe-ross> (дата обращения: 04.11.2012).
7. Миронов И. Крымск: власть страха и страх власти. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mk.ru/social/article/2012/07/24/728757-krjmsk-vl...> (дата обращения: 04.11.2012).
8. Россия на новом переломе: страхи и тревоги [Текст] / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М., 2009.
9. Россияне устали от пиара Путина. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uhhun.ru> (дата обращения: 02.11.2012)
10. Социолог: Наказание Pussy Riot требуют те, кто поддерживает Путина. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dw.de/dw/article/0,,16150314,00.html> (дата обращения: 05.11.2012).
11. Шляпентох В. Э. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) [Текст] / В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов. М., 1999.
12. Barbalet J. M. Emotional Payoff of Ritual [Text] / J. M. Barbalet//European Journal of Sociology. 2006. Vol. 47 (3). P. 446–451; Barbalet J. M. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach [Text]/J. M. Barbalet. Cambridge, 1999.
13. Trust Barometer 2012: Резкий спад общественного доверия к государственной власти по всему миру. [Электронный ресурс]. URL: www.dw.de/dw/artical/0,,16150314,,00.html (дата обращения: 04.11.2012).

ИЗМЕРЕНИЕ ЗАСЛУГ ЛИЦА, ПРЕДСТАВЛЯЕМОГО К ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАГРАДЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

УДК 316.662.4+35.089.7

А. В. РУЧКИН

В основе процедуры представления к государственным наградам в большинстве государств, в том числе и в Российской Федерации, лежит определение заслуг со стороны награждаемого и соответствие данных заслуг статутам государственных наград с учетом наличия либо отсутствия поощрений у новiciата. Изменение наградной системы России, произошедшее в конце последнего десятилетия XX века на правовом уровне, связанное с образованием Российской Федерации, выразилось в принятии нового законодательства о государственных наградах. Это Федеральные законы: «Об установлении звания Героя Российской Федерации и учреждении знака особого отличия — медали «Золотая Звезда», «Об установлении почетных званий «Летчик-космонавт Российской Федерации», «Заслуженный военный летчик Российской Федерации» и «Заслуженный военный штурман Российской Федерации», Указы Президента Российской Федерации: «О государственных наградах Российской Федерации», «Об утверждении форм наградного листа для представления к награждению государственными наградами Российской Федерации», «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации» и другие. Данные нормативно-правовые акты установили новые, отличные от наград Российской империи и СССР, государственные награды, закрепили на законодательном уровне государственные приоритетные отрасли, вклад в развитие которых особо значим для государства и общества на том или ином историческом этапе. Новизна принятых государственных наград современной России заключается не только в учреждении новых, ранее не существовавших, в том числе аналогичных, государственных наград и утвержденных описаниях знаков наград, но и в новых требованиях к социально значимому поведению, которое подлежит государственному поощрению.

Рассмотрим сущность двух основных понятий, которые составляют основу награждения: заслуга со стороны награждаемого

и соответствие заслуги иерархии награждения в зависимости от вклада в развитие государства и общества более подробно. В рамках функционирования государственных наград заслуга выступает критерием награждения, тем образцом поведения, которое одобряется институтом, учреждением, организацией или социальной группой, то есть формальным основанием возникновения отношений награждения между субъектом, имеющим правом на награждение, поощрение, и награждаемым субъектом. Иерархичность наград становится мерой заслуги, основанием оценки социально значимого действия награждаемого, исходя из установленных статут наград.

Понятию «заслуга» на данном этапе развития социологической мысли уделяется недостаточно внимания, нет его однозначной трактовки. В юридической науке дается следующее определение изучаемого понятия: «Заслуга — это добровольный, желательный, сознательно-волевой, добросовестный, социально-активный правомерный поступок, связанный со «сверхисполнением» субъектом своих обязанностей либо с достижением им общепризнанного полезного результата, превосходящего по своим масштабам результаты обычных действий, и выступающий основанием для применения поощрения» [8].

В данной статье мы будем опираться на авторское определение заслуги, под которой будем понимать волевой, социально значимый акт члена социума, который связан с добросовестным исполнением своих обязанностей, направленных на повышение блага общества, и результат которого представляет для общества особую ценность. В содержательном плане исследователи определяют заслугу как сложную правовую категорию, состоящую из следующих взаимосвязанных структурных элементов, характерных черт рассматриваемой категории:

- 1) заслуга сопряжена с социально активным правомерным поведением, с осуществлением позитивных обязанностей;
- 2) добросовестное отношение лица к своему долгу;

3) заслуга связана с «сверхисполнением» лицом своих обязанностей. «Сверхисполнение» означает «сверхнормодеятельность», «сверхнормативное» поведение, воплощающееся в общественно полезном результате, превосходящем по своим масштабам результаты обычных действий. В данном случае имеется в виду «отступление» от нормы не «вниз», что является правонарушением, а «вверх», что выражается в высококачественном выполнении обязанностей.

4) добровольность совершения заслуженного поступка;

5) заслуга является основанием для применения поощрительных мер;

6) заслуга представляет собой сознательно-волевой акт поведения (интеллектуально-волевой). Субъект осознаёт, понимает фактический характер своих действий, отдаёт отчёт в своих действиях и несёт ответственность за их совершение (интеллектуальный момент), может руководить ими (волевой момент);

7) общепризнанный полезный результат, превосходящий по своим масштабам результаты обычных действий [7; 8].

Наличие статуты орден, осуществление оценки заслуг награжденного с учетом масштабов определенной административно-территориальной единицы позволяет говорить о необходимости установления на уровне государства шаблонов поведения, ценностей и социальных норм, которые должны быть присущи деянию, образу жизни и моральному облику новичиата. Однако в Российской Федерации, как правило, нет четких требований к заслугам награжденных, они каждый раз определяются индивидуально. Но эта практика существовала на территории России не всегда. В период Великой Отечественной войны для получения того или иного знака отличия, входящего в структуру государственных наград, определялись конкретные количественные и качественные показатели деятельности, от реализации которых зависело получение награды [5].

Согласно Указу Президента РФ «Об утверждении форм наградного листа для представления к награждению государственными наградами Российской Федерации» [4], в форме существуют графы для характеристики его конкретных заслуг, которые изначально не сводятся к исполнению должностных обязанностей работника, за что он получает заработную плату. По умолчанию его деятельность должна быть направлена на повышение эффективности деятельности организации либо государственного учреждения или органа, то есть

должна быть выраженная позитивная девиация, характерная для либеральных социальных институтов [3, с. 17]. Исходя из представленной выше процедуры возбуждения ходатайства о награждении, уже на первом звене возникает проблема выдвижения кандидатов, поскольку трудовые коллективы, как правило, не созданы в современных организациях, ибо не предусмотрены его Уставами. В итоге — право на представление к государственной награде остается в руках у непосредственного руководителя, действующего согласно своим симпатиям, антипатиям и иным субъективным факторам. Далее оценка и согласование происходят лишь по формальным признакам, так как непосредственное знание о субъекте награждения, как правило, недоступно вышестоящим инстанциям. Однако данная оценка необходима, поскольку тот или иной акт может в разное историческое время расцениваться либо преступлением, либо подвигом, за которым следует награда [7, с. 22].

Принцип восходящего награждения (от менее к более значимой награде) аналогичен продвижению по службе в армии, так как постепенное улучшение своего статуса и своей роли в обществе держит награжденных в состоянии «зависимости и надежды для дальнейшей карьеры» [10, р. 32]. В Указе Президента России «О мерах совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации» оговаривается, что при представлении к награждению государственными наградами вид награды, то есть орден или медаль, степень награды определяется характером и степенью заслуг награждаемого. Повторное награждение одной и той же наградой не допускается, только более высокой степенью либо орденами и медалями, учрежденными для поощрения отваги мужества. Таким образом, как говорилось ранее, степень награды, ее место в установленной иерархии наград определяется иерархией действий, которая закрепляется положением о каждом виде поощрения. Иное предусмотрено только в том случае, если награда не имеет степеней либо уникальна в своем роде (например, является единственной наградой в определенной сфере социального действия). К таким наградам можно отнести, например, медаль РФ «За отвагу на пожаре».

В нормах права фиксируются основные положения, связанные с порядком учреждения, оценки заслуг и вручения государственных наград. Прерогатива учреждения и распределения знаков отличия также фиксируется и закрепляется законом, нормами

или обычаями. Однако не закреплено понятие «заслуги», «геройского поступка» или «подвига» (это отметили и эксперты – награжденные государственными наградами России), что, во-первых, не дает возможности более или менее объективной оценки действий будущего новiciата с участием заинтересованных социальных групп и организаций, а, во-вторых, не обуславливает награждение в зависимости от степени заслуги, ее значимости для государства и общества. Кроме того, несмотря на отсутствие юридического толкования понятий «заслуга», «исключительные заслуги», «подвиги», используемые в нормативных правовых актах [6], в общественном сознании, исходя из опросов награжденных и населения, данные понятия различаются в степени значимости для государства и общества, поэтому критерием оценки деяния при представлении к государственным наградам. Как отмечал О. Тофллер, награда выступает как оценка конечного вклада человека в становление государства и экономики с учетом потребностей общества на том или ином этапе развития [8, с. 127–128]. В условиях отсутствия методики оценки заслуг и соотношения их с государственными наградами значимость награды в зависимости от иерархии, установленной государством, остается на усмотрение органов государственной власти и не опирается на оценки заинтересованных социальных групп. Кроме того, существующие нормы определения деяния позволяют достаточно вольно трактовать требования к награжденному, его деяниям, морально-нравственному облику, что позволяет лицам, принимающим решение о награждении, опираться на субъективные (личные) критерии оценки:

- политические (членство в определенной партии, оппозиционность высказываний, близость к органам государственной власти и др.),
- экономические (эффект от деятельности новiciата и т. д.),
- социальные (морально-нравственный облик награжденного, его социальный статус) [7, с. 475].

В условиях отсутствия минимальных критериев «измерения» заслуги и соотношения ее с государственными наградами согласно статутам, на наш взгляд, необходимо сделать оценку более объективной и доступной для понимания общества, чтобы «приблизить» к обществу государственные награды, а также установить «социальную справедливость» при их распределении [1, с. 318]. Мы предлагаем оценивать заслугу (условно) по следующей формуле:

$$Z = \frac{C}{Y} * CЭЭ * Z_n, (1)$$

Где Z – заслуга,

C – цель развития той или иной отрасли, определенная государством в качестве приоритетной к развитию,

Y – условия (факторы), которые были созданы для новiciата для достижения поставленной государством цели,

CЭЭ – достигнутый от действий новiciата социально-экономический эффект,

Z_n – личные затраты, которые понес новiciат в ходе достижения цели.

Рассматривая отдельные составляющие измерения заслуги, следует отметить, что поскольку именно государство награждает тех или иных представителей общества, то именно оно должно устанавливать цели, которые необходимо достигнуть определенной отрасли (сфере деятельности) на том или ином этапе развития. Потребность в оценке цели была сформулирована П. Сорокиным, который указывает на необходимость установления сходства квалификации акта обеими сторонами (производителем и потребителем) в качестве услуги, а также единство морального сознания, чтобы идентифицировать акт как услугу [8]. Таким образом, идеал человека, его образ жизни, поведение формируют у другого индивида положительный облик, являющийся ориентиром для возможных действий, которые в дальнейшем будут квалифицироваться как услуга и будут подлежать поощрению.

Исходя из определения государственных наград, цели должны быть четко определены как основные направления развития для науки, государственного строительства, экономики, культуры, искусства и просвещения, сферы охраны здоровья и жизни, защиты прав и свобод граждан, воспитания, развития спорта, защиты Отечества и обеспечения безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные. Это позволит соизмерять деяния лица, представляемого к награде, с целями развития государства и общества, что сделает процедуру оценки заслуг более прозрачной и объективной для общества. Для каждой отрасли (сферы) в предлагаемой нами формуле оценки заслуги выстраивается реестр приоритетных направлений развития (целей), которые градируются по степени значимости и им присваивается ранг от 1 (наименее значимая цель) до 10 (наивысший приоритет достижения). Данный ранг, на наш взгляд, должен присваиваться не только и даже не столько органами государственной власти, сколько представителями научных и общественных

организаций на основе утвержденного ранее органами государственной власти перечня. Как вариант построения данной иерархии целей, возможно выведение среднеарифметических значений и присвоения рангов на основе присвоенных уровней значимости со стороны научных учреждений, общественных организаций и органов государственной власти. Это позволит не только сделать понятными цели развития для всего социума, но и учесть мнение общества.

Под условиями (факторами), которые были созданы для новичата для достижения поставленной государством цели, следует понимать:

- «гигиенические» факторы (по Ф. Герцбергу [13]). Уровень заработной платы у человека, градуированный, например, в зависимости от отношения к среднему уровню в субъекте Российской Федерации (также от 1 до 10), позволит понять степень комфортности проживания, отсутствия либо потребности в дополнительном заработке и так далее. Политика администрации и отношения с коллегами, подчиненными и начальством дает возможность оценить по 10-балльной шкале степень психологического комфорта. Остальные факторы оцениваются (ранжируются) аналогично. В совокупности средний арифметический ранг выведет общий уровень работы с точки зрения комфортности финансовых и психологических условий для человека, которого представляют на государственную награду. По мнению К. Маркса, необходимо оценивать социальное положение рабочего, который, возможно, не мог сделать большего в силу низкого социального положения в профессиональном сообществе. В ином случае, по Марксу, оценка действий с точки зрения приращения капитала приведет к отказу от поощрения экономически незначительных поступков и, как следствие, социальной напряженности [2, с. 43]. Этот аспект — социальное положение — учитывается, пусть даже частично, при оценке «гигиенических» факторов;

- оценка обеспеченности материально-техническими условиями, например, необходимое технологическое оборудование, реактивы, компьютерное оснащение, их соответствие современным требованиям, степень их износа, объем финансирования также позволит установить степень заслуги, поскольку для достижения цели при наличии всех материально-технических условий требуется меньше трудовых и интеллектуальных затрат, чем при низкой обеспеченности. Оценка может быть выстроена также по 10-балльной шкале;

- фактор времени. Оценка данного условия, на наш взгляд, также необходима, чтобы оценить степень трудовых затрат в расчете

на время, которое было затрачено. Данный фактор, на наш взгляд, позволит скомпенсировать, сделать наиболее объективной оценку материально-технических условий, когда при больших материально-технических затратах потрачено сравнительно небольшое количество времени и наоборот.

Нами устанавливается в данной методике оценки прямая зависимость степени заслуги от социально-экономического эффекта, который несет рассматриваемая заслуга: чем больше эффект, тем выше заслуга. Данный эффект может быть выражен количественно, в том числе в денежном эквиваленте, и затем установлены ранги от 1 до 10 по диапазонам количественного выражения величин. Стоит отметить, что данная методика оценки не может быть экстраполирована на заслуги, связанные со сферой искусства (театр, скульптура, архитектура и т.д.), поскольку материально-технические условия и вклад в отрасль может быть оценены лишь при помощи квалифицированной экспертной оценки.

Кроме того, нами предлагается учитывать личные затраты новичата при определении степени его заслуги (также по 10-балльной шкале): профессиональные заболевания, связанные с «физическим давлением», полученным во время достижения цели, а также личные проблемы — издержки (состояние депрессии, связанное с одиночеством, поскольку человек был нацелен исключительно на достижение цели; социальная изоляция, связанная с непониманием других членов общества в преобладании ценности «труд» и так далее). Необходимость учета данных факторов подчеркивается в моделях Карасека и Теореля (1991) и Зигриста (1996), поскольку в ином случае, по мнению исследователей, «нарушается равновесие между испытанным физическим и психологическим давлением и достигнутым результатом и последующим вознаграждением» [12, р. 19–38]. Конфликт интересов между государством и обществом при отказе первого учета рассмотренных выше затрат может привести к «удару по убеждениям трудящегося» [14, р. 18–19]. Кроме того, поскольку заслуга связана со «сверхисполнением обязанностей», за этим следует и «жертвование удовольствиями, издержки личности» [15, р.9], которые нуждаются в учете при измерении степени заслуги.

Полученный таким образом результат будет выражен в числовом показателе, что позволит определить место награды в установленной иерархии. Например, максимальный результат, который возможен в данной модели (если брать исчисление целыми числами) — 1000, что

соответствует, например, ордену Святого апостола Андрея Первозванного либо званию Героя России с вручением медали «Золотая звезда Героя Российской Федерации», либо ордену «За заслуги перед Отечеством» первой степени. Предложенное соотношение «заслуга – награда» условно (награды в ранговом промежутке могут быть иные как качественно, так и количественно), однако оно позволит установить четкую взаимосвязь между достигнутым результатом и «высотой» знака отличия в иерархии государственных наград. Установление этого соотношения необходимо, поскольку «награды формируют систему социального этикета, основанную на структурировании общества и нормировании поведения его членов по признаку формализованных и ранжированных заслуг отдельных лиц. Посредством установления наград и награждения ими общественные отношения оформляются в определенную систему социального этикета, указывают на место награжденных лиц в социальной системе, на их публичные заслуги» [10, с. 11–13]. Автор разделяет мнение П. Сорокина, который отмечает, что «благая положительность» наград может (и, на наш взгляд, должна) иметь различные степени, в зависимости от «высоты» подвига (простое одобрение, словесная похвала, вещественные дары, восхищение, уважение,

преклонение)» [8, с. 20–21], что мы и предлагаем осуществить введением указанной формулы в деятельность органов государственной власти при оценке заслуги представленного к награде, а также соотношения рассчитанной заслуги и награды. Кроме того, эта формула может быть использована трудовыми коллективами, руководителями предприятий и организаций для самостоятельной оценки заслуг при возбуждении ходатайства о поощрении члена коллектива той или иной государственной наградой.

Меняя во времени цели, проводя иную оценку социально-экономического эффекта с точки зрения значимости на том или ином этапе развития, государство через установление новых наград, упразднение существующих либо изменение статута может влиять на образцы поведения будущих новичагов, а также менять место уже награжденных в социальной структуре. Использование авторской методики с допущением ее условности в измерении и несовершенности применения к творческим профессиям позволит, тем не менее, сделать процедуру рассмотрения заслуг и присвоения государственных наград более логичной, объективной и понятной для общества, что, в свою очередь, сделает образцы поведения понятней для потенциальных кавалеров государственных наград.

1. Гидденс Э. Социология [Текст] / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
2. Маркс К., Энгельс, Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 г [Текст]. Соч. Т. 42. - М.: Политиздат, 1974.
3. Мкртумова, И. В. Девиации в современных социальных институтах: особенности социального конструирования [Текст]: автореферат на соискание ученой степени доктора социологических наук. - М., 2010.
4. Об утверждении форм наградного листа для представления к награждению государственными наградами Российской Федерации (с изменениями от 7 ноября 2000 г.) [Текст]: Указ Президента РФ от 25 ноября 1994 года № 2119// Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. 28 ноября. № 31. Ст. 3259.
5. Об учреждении военных орденов: ордена Суворова I, II и III степени, ордена Кутузова I и II степени и ордена Александра Невского [Текст]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938г.-1961г. - М., 1962.
6. О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации [Текст]: Указ Президента РФ от 07 сентября 2010 года № 1099 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. 13 сентября. № 37. Ст. 4643.
7. Ручкин А.В., Зерчанинова, Т. Е. Концептуальная модель наградного процесса [Текст] // Материалы II Международной научно-практической конференции «Государственное и муниципальное управление в Сибири: состояние и перспективы»: г. Новосибирск, 16-17 декабря 2011 г./ науч. ред. И.В. Князева; СибАГС. – Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2012. С. 393-395.
8. Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали [Текст]. - М.: Изд-во Астрель, 2006.
9. Тоффлер, О. Будущее труда [Текст] // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 127-128.
10. Трофимов, Е.В. Правовое регулирование государственных наград в Российской Федерации [Текст]: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2006.
11. Bentham J. Theorie des peines et des recompenses [Text]. Troisieme edition. Tome second. Paris, 1826.
12. Debrand T., Lengagne, P. Penibilite au travail et sante des seniors en Europe [Text] // Economie et statistique. - 2007. № 403-404. - Pp. 19-38.
13. Herzberg F. One More Time: How Do You Motivate Employees? // Work and the Nature of Man. NY.: World, 1966.
14. Mesurer les facteurs psychosociaux de risque au travail pour les maîtriser [Text]: Rapport du College d'expertise sur le suivi des risques psychosociaux au travail, faisant suite à la demande du Ministre du travail, de l'emploi et de la sante. - Paris 2008.
15. Morale populaire ou traite des droits et des devoirs de l'homme [Text] // Par S. Theubet, inspecteur de ses ecole du XIIe arrondissement. Paris, 1848.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.4.062

Д. А. КАЛУГИНА

Переживаемые трудности, связанные с кризисными явлениями в экономике, снижение количества студентов, реформирование системы образования привели к необходимости адаптации средних специальных учебных заведений в соответствии с новыми требованиями со стороны государства и общества.

В качестве первоочередных задач, стоящих перед техникумами и колледжами, на Форуме директоров средних специальных учебных заведений, подведомственных Министерству образования и науки РФ, были отмечены переход на новые федеральные государственные образовательные стандарты, подготовка квалифицированных преподавателей, преодоление последствий приближающейся «демографической ямы» [10].

Выполнение данных задач связано с изменениями социальных функций среднего профессионального образования со статусно-ролевыми позициями: интересы каких социальных общностей оно должно удовлетворять, насколько будет способствовать воспроизводству определенных социальных групп населения, насколько сможет защитить интересы социальных общностей, которые непосредственно включены в образовательный процесс и т. п.

Социальные функции среднего профессионального образования

В условиях расслоения общества, снижения территориальной мобильности малообеспеченных слоев населения, снижения количества бюджетных мест в вузах среднее профессиональное образование, безусловно, остается важным институтом социализации в российской образовательной системе.

Еще на стадии своего формирования оно удовлетворяло потребности выходцев из небогатых социальных слоев. В настоящее время в колледжи и техникумы поступают в основном дети рабочих, служащих, работников среднего звена и т. п., выпускники

9 и 11 классов общеобразовательной школы. Некоторые из них не обладают нужным уровнем знаний и умением организовать свою учебную деятельность для того, чтобы учиться в старших классах средней школы или в вузах. В колледжах обучаются и те, кто считает среднее профессиональное образование базой для продолжения обучения в вузе по заочной форме или экстерном, работая по выбранной профессии.

Задача среднего профессионального образования – удовлетворить их образовательные потребности, организовать учебную деятельность и обеспечить успешную социализацию и профессионализацию.

Осуществляя этот процесс, среднее профессиональное образование выполняет важную антропологическую функцию: сохранение молодых людей полноценными гражданами общества. Данная функция, которую Б. Саймон определяет как «формирование человека внутри общества» [14, с. 7], в течение долгого времени считалась латентной, но в условиях роста криминализации подростков, неблагополучия семей, «демографической ямы», уменьшения доступности бесплатного высшего образования она становится одной из первостепенных.

Учитывая большой процент студентов из неполных и неблагополучных семей, обучающихся в ссузах, можно сказать, что кропотливая работа педагогов среднего профессионального образования, с одной стороны, компенсирует учащимся недостаток родительского внимания, с другой – обеспечивает дальнейшее личностное развитие, пробуждает природный потенциал профессиональной активности, предостерегает от негативных социальных отклонений. Таким образом, функционирование института среднего профессионального образования предстает перед нами в двух аспектах, выделенных Ф. Кумбсом: гуманистическом – «научить человека жить более полной, более интересной жизнью» и инвестиционном – «увеличение вклада в дело благосостояния общества» [9, с. 25].

Важной особенностью функционирования ссузов является повышенное внимание к решению воспитательных задач. Каждый техникум и колледж разрабатывает концепцию воспитательной работы, в которой учитываются спортивное, культурное, патриотическое направления, планируются соответствующие мероприятия на уровне колледжа, отделения, группы. Преподаватели уделяют значительное внимание воспитательному процессу на занятиях, не разделяя процессы обучения и воспитания, и стараются выкроить время для внеаудиторного общения со студентами – поговорить на интересующие их темы, помочь в проведении культмассовых мероприятий, организовать экскурсии, посетить вместе театр, выставку и т.п.

Решение образовательных и воспитательных задач становится возможным в том случае, когда студент успешно вошел в социальную среду учебного заведения. Адаптация – это начальный этап процесса включения и интеграции индивида в социальную и образовательную среду, основанный на реальном, повседневном, регулярном взаимодействии с ней.

Вхождение в новую социальную общность сопровождается знакомством с новым коллективом, усвоением его норм и требований. К чему надо адаптироваться? Во-первых, к учебному процессу ссуза, который во многом отличается от школьного. Во-вторых, к новому коллективу, который в колледже довольно «разношерстный». В-третьих, к новым условиям жизни: самостоятельная организация учебы, быта, свободного времени. В-четвертых, к новым отношениям с родителями, поскольку подросток начинает выполнять роль автономной личности. Таким образом, функция создания благоприятной социальной среды, несмотря на ее латентный характер, является важной для оптимизации процесса взаимодействия в учреждениях среднего профессионального образования.

Профессиональная идентификация личности – функция, свойственная любому уровню профессионального образования. Ссуз в настоящее время является вполне приемлемым средством профессиональной идентификации, наделяя этот процесс вариативностью, мобильностью и экономической доступностью. Напомним, что, окончив ссуз, молодой человек получает законченное образование, которое позволит ему работать и материально обеспечивать себя или

сочетать профессиональную деятельность с построением дальнейшей образовательной и, возможно, карьерной траектории.

Современной тенденцией профессионального образования, в том числе среднего, является то, что оно зачастую становится предпосылкой для профессионального и статусного самоопределения молодежи. Причем для среднего профессионального образования этот процесс связан с меньшими затратами времени и материальных средств. Со статусно-ролевой позицией, приобретаемой выпускником профессионального учебного заведения, связана стратификационная функция образования, которая, по определению Г.Б. Кораблевой, «организует и регулирует процессы неагрегированного стратификационного деления в обществе» [8, с. 42].

Селективная функция в среднем профессиональном образовании проявляется в явной и скрытой формах. Выраженной формой является дифференцированный отбор молодых людей, потенциально пригодных к освоению определенной профессии, латентной – закрепление за уровнем среднего профессионального образования статуса образования для детей рабочих, мелких служащих, безработных, выходцев из неполных семей. В.Я. Нечаев поясняет, что инструментами селекции в данном случае выступают документы об окончании учебного заведения, финансовые и другие материальные ресурсы, протекционизм и пр. [11, с. 92]. С одной стороны, это естественный процесс воспроизводства социальной структуры общества, которому способствуют техникумы и колледжи: все население страны не может иметь высшее образование и высокий социальный статус. С другой стороны, среднее профессиональное образование может стать «социальным лифтом» для тех, у кого есть желание и способности учиться дальше и одновременно работать по полученной специальности. Кроме того, техникумы и колледжи способствуют образовательной мобильности студентов разного типа поселенческих структур за счет развитой сети ссузов, их представительств и филиалов, доступной стоимости обучения, предоставления мест в общежитиях.

Культурная функция. Представление о среднем профессиональном образовании будет неполным, если не рассмотреть его функции в сфере культуры. «Во-первых, выпадает главный содержательный объект усвоения опыта в социализации

и образовании – культурные ценности; во-вторых, без соотнесения социализации, образования с культурогенезом человека остается невыясненной роль институтов образования в социализации личности», – пишут В.И. Добренков и В.Я. Нечаев [3, с. 103].

Техникумы и колледжи сочетают общее и профессиональное образование. Преподавание основ наук, таким образом, приобретает профессиональную направленность, которая заключается в подготовке учащихся к активному участию в определенной области профессиональной деятельности. Реализация принципа профессиональной направленности учебной дисциплины способствует тому, что изучение и практическое закрепление теорий, понятий и явлений общеобразовательных дисциплин осуществляется во взаимосвязи со специальными дисциплинами и с учетом особенностей будущей профессии.

Следовательно, современная средняя профессиональная школа ориентирована главным образом на трансляцию сугубо прагматических данных разных наук, передачу нацеленных на быструю отдачу достаточно узких, по существу, фрагментарных, технократических знаний, умений, навыков, связанных с профессиональной деятельностью. Иными словами, идет процесс «наполнения» студента профессионально ориентированной информацией. Несмотря на присутствие в учебных планах ссузов гуманитарных дисциплин, задача формирования целостной картины окружающего материального и духовного мира, духовных и нравственных ценностей решается ими недостаточно.

И все же хотелось бы еще раз напомнить о социальной среде ссузов, попадая в которую молодой человек так или иначе воспроизводит определенный тип социального поведения: строит отношения с «однокашниками», наблюдает за поведением других, осуществляет свою учебную деятельность, приобщается к определенной культурно-исторической среде учебного заведения, выполняет определенные требования, приобретает профессиональные навыки. Таким образом, благодаря символическим феноменам культуры (идеям, ценностям, оценкам, нормам), воплощенным в практике, происходит интеграция учащихся и преподавателей в некие системы взаимодействия.

Одним из основных видов деятельности, который обеспечивает передачу опыта,

ценностей и знаний является общение. А.С. Запесоцкий пишет, что «общение выступает средством, обеспечивающим единство индивида с социумом, а в процессе взаимодействия с другими людьми человек осознает свою индивидуальность – в актах самоутверждения и признания» [4, с. 135].

Экономическая функция среднего профессионального образования. Специалисты со средним профессиональным образованием заняты в различных отраслях экономики и социальной сферы. Однако будущие потребности региональных рынков труда мало прогнозируются, а спрос со стороны абитуриентов и их родителей заставляет ссузы из года в год готовить специалистов по специальностям цикла «Экономика и управление». Отсутствие системы прогнозирования спроса на специалистов и необходимость ссузов выживать за счет обозначенных специальностей привели к серьезным структурным перекосам в подготовке кадров еще в начале 2000-х годов [5, с. 100–102].

Например, выпуск по группам специальностей «Машиностроение и материалообработка» снизился с 1990–2003 гг. с 46 до 16,1 тыс. человек, в 2010 выпуск по группе специальностей «Машиностроение, материалообработка и металлургия» в совокупности составил 22,6 тыс. человек. По группам специальностей «Автоматика и управление» в 1990–2003 гг. выпуск техников снизился с 17,7 до 7,7 тыс. человек, а в 2010 г. – до 5,8 тыс. человек [13, табл. 4.40]. Сейчас промышленность стала постепенно возрождаться и столкнулась с дефицитом рабочей силы: значительная часть работников ушла на пенсию и в бизнес-структуры, а новых кадров нет.

С другой стороны, выпуск специалистов гуманитарно-социального профиля возрос в 1990–2003 гг. с 2,5 до 68,1 тыс. человек (в 2010 г. – снижение до 41,1 тыс. чел.). По циклу специальностей «Экономика и управление» в 1990–2003 гг. рост составил с 123,6 до 193 тыс. человек, в 2010 году отмечается снижение до 130,9 тыс. человек [13, табл. 4.40]. Такое снижение можно объяснить тем, что с 2004 г. ссузы начали передаваться в региональное государственное управление, что позволило регионам корректировать набор на данные специальности.

В то же время, в эпоху всеобщей информатизации, выпуск специалистов по информатике и вычислительной технике рос незначительно: в 1990 г. – 13,9 тыс. человек,

в 2003 г. — 17,46 тыс. чел., и только в 2010 г. составил 28,0 тыс. чел. [13, табл. 4.40].

Таким образом, первая проблема, связанная с экономической функцией среднего профессионального образования, выражается в его рассогласованности с рынком труда. Факторами напряженности рынка труда выступают не только перепроизводство специалистов по ряду трудоизбыточных профессий, но и продолжающиеся (хотя и с некоторым снижением) подготовка и выпуск учебными заведениями специалистов по специальностям цикла «Экономика и управление».

На состоявшемся в январе текущего года совещании о подготовке квалифицированных рабочих кадров, востребованных в экономике, премьер-министр РФ В.В. Путин отметил, что «с учётом роста российской экономики и стоящих перед нами задач модернизации всех сфер нашей жизни и, прежде всего, конечно, производства стало совершенно очевидно, что отсутствие, недостаток высококвалифицированных рабочих кадров является преградой на пути развития экономики» [2].

Экономическая функция колледжей и техникумов в течение практически всех лет существования закреплялась их отраслевой принадлежностью. Но в настоящее время такая взаимосвязь скорее мешает развитию средней профессиональной школы: связи с базовыми предприятиями в основном разрушены, а региональные возможности не берутся во внимание. С 2004 г. ссузы постепенно переводят из ведомственного в региональное подчинение. С 2011 г. в региональное подчинение переведены и те колледжи и техникумы, которые подчинялись Министерству образования и науки РФ. Регионы сами, исходя из своих потребностей в специалистах по тем или иным специальностям, смогут формировать прием на бюджетные места, разрешить подготовку на договорной основе. Это позволит перейти к кластерному принципу подготовки кадров (о котором объявлено в 2011 г.). Кластер в экономике трактуется как объединение бизнес-структур, научных и образовательных организаций для совместного развития какой-либо отрасли экономики в пределах одного региона. При этом большая роль отводится профессиональному образованию: учреждениям среднего и высшего профессионального образования, соответствию их работы нуждам производственной и социальной сферы экономики [7].

Вторая проблема выполнения экономической функции институтом среднего профессионального образования связана со статусом специалистов, которых готовят учреждения среднего профессионального образования. Позволим себе не согласиться с Г.Б. Кораблевой, которая считает, что «функциональное назначение по организации, регулированию и контролю в области профессионального образования специалистов среднего звена для сферы производства и непромышленных отраслей, высококвалифицированных рабочих, служащих-специалистов, уровень среднего профессионального образования выполнил уже в 50–60-е гг.» [8, с. 158].

Данная функция среднего профессионального образования в настоящее время претерпевает изменения, но это не означает, что она исчерпала себя. Размывание статуса специалиста среднего звена от квалифицированного рабочего до младшего инженера еще в середине 2000-х годов привело к тому, что среднее профессиональное образование подменяло собой функции начального профессионального образования по подготовке квалифицированных рабочих кадров. С другой стороны, подготовка бакалавров-профессионалов в вузе лишает актуальности реализацию повышенного уровня среднего профессионального образования в колледже. Данная проблема сейчас находится на стадии решения.

С одной стороны, в условиях модернизации производства возрастает потребность в использовании выпускников средних специальных учебных заведений в особо сложных рабочих профессиях. С другой — наукоемкие технологии внесли коррективы и в основные функции инженерно-технических работников: востребованными станут специалисты среднего звена, готовые выполнять функции организаторов производства и инженеров по эксплуатации.

В ближайшее время в соответствии с новым законом «Об образовании» среднему профессиональному образованию предстоит важная трансформация: объединение со ступенью начального профессионального образования. Проект нового закона предполагает ликвидацию начального профессионального образования. Подготовка специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих будет осуществляться на базе техникумов, но уже на новом уровне. Рабочих будут готовить не только техникумы, но и старшая ступень

школ, предприятия, центры профессиональной подготовки (в которые трансформируются ПТУ и лицеи, не получившие статус техникума). Колледжи при условии выполнения соответствующих требований смогут осуществлять и подготовку бакалавров [6].

Подводя итог вышесказанному, напомним, что функции среднего профессионального образования не сводятся только к формальному выпуску дипломированных специалистов определенного профиля для обеспечения производственной сферы и сферы услуг, не менее важными являются его социальные функции. Значительное количество ссузов, достаточно равномерное размещение их по территории России, относительно короткие сроки и невысокие затраты на обучение позволяют удовлетворить образовательные потребности населения с ограниченными экономическими возможностями.

Уровень среднего профессионального образования в России по-прежнему представляет возможность получения образования тем молодым людям, которые не имеют достаточной подготовки или средств, чтобы учиться в вузе. В этом случае взаимодействие педагогов и студентов в колледжах и техникумах способствует коррекции знаний, полученных в школе, профессиональной ориентации и идентификации, повышению

общей культуры и личностному развитию учащихся. Общение со сверстниками, с преподавателями, освоение профессии, внеаудиторные мероприятия создают среду, способствующую успешной социальной адаптации и дальнейшей социализации молодых людей.

В настоящее время перед средним профессиональным образованием ставится новая стратегическая задача. В проекте «Образование» в разделе «Поддержка учреждений НПО и СПО» она обозначена как постепенное преодоление отставания в структуре, объемах и качестве подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена от требований конкурентоспособных предприятий различных отраслей новой экономики на основе выявления, поддержки и обеспечения развития государственных образовательных учреждений начального профессионального и среднего профессионального образования, внедряющих инновационные образовательные программы [12].

Таким образом, если в последние десятилетия сфера профессионального образования из «кузницы кадров» для народного хозяйства постепенно превращалась в социальную сферу образовательных услуг и поддержки молодежи, то в настоящее время требуется восстановление его экономической функции.

1. Бойко Л. И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества // Социологические исследования. 2002. № 3.
2. В.В. Путин о среднем профессиональном образовании в Санкт-Петербурге. 18.01.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.glavsprav.ru> (дата обращения: 02.11.2012).
3. Добренев, В.И. Общество и образование [Текст] / В. И. Добренев, В. Я. Нечаев. М.: ИНФРА-М, 2003.
4. Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. М.: Наука, 2002.
5. Зборовский, Г.Е. Профессиональное образование и рынок труда [Текст] / Г.Е. Зборовский, Е.А. Шуклина // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 99–106.
6. Как реформа скажется на профтехобразовании? [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.glavsprav.ru/spb/spo/journal/20/> (дата обращения: 02.11.2012).
7. Кластерный подход к подготовке кадров в системе СПО. 01.03.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://edu.glavsprav.ru> (дата обращения: 02.11.2012).
8. Кораблева Г.Б. Профессия и образование: социологический аспект связи / М-во общего и проф. обр-я РФ; Урал. гос. проф. пед. ун-т; Урал. гос. науч.-образоват. центр РАО; Ин-т социологии и эк-ки. Екатеринбург, 1999.
9. Кумбс Ф. Г. Кризис образования в современном мире. Системный анализ / пер. с англ.; под ред. Г.Е. Скорова. М., 1970.
10. Мы должны сохранить систему профессионального образования // «Аккредитация в образовании». Проблемы модернизации профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akvobr.ru/> (дата обращения: 02.11.2012).
11. Образование как фактор социальной дифференциации и мобильности («круглый стол») // Социологические исследования. 2003. № 5.
12. Проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (версия 3.0.5 от 04.05.2012 г.) // Официальный сайт Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/dok/proj/> (дата обращения: 02.11.2012).
13. Российский статистический ежегодник 2011. Табл. 4.40. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 02.11.2012).
14. Саймон Б. Общество и образование / пер. с англ.; общ. ред и предисл. В.Я. Пилиповского. М.: Прогресс, 1989.

ЭКСПЕРТНЫЕ ПРАКТИКИ В РЕГИОНЕ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 316.334.52

В. В. ОРЛОВА, А. В. ЛАРИОНОВА

К постановке проблемы

Изучение инновационных процессов на сегодняшний день в целом только подходит к осмыслению своих социогуманитарных, социокультурных оснований. Между тем, в мировой общественно-научной мысли все активнее ведется речь о построении новой социальной реальности — инновационного мира, в котором уже сегодня совершаются масштабные, стремительно разворачивающиеся инновационные преобразования. Как правило, инновационные преобразования рассматриваются преимущественно в русле естественнонаучного знания и технических (техничко-экономических) проблем, однако научно-технические проблемы, на исследование которых направлена сегодня значительная часть интеллектуального потенциала, в принципе неразрешимы без социокультурной основы [1]. На сегодняшний день множество исследований направленных на изучение инновационных процессов в обществе, влияние их на человека, это связано с изменением социальной действительности. В социологии, психологии складываются благоприятные условия, позволяющие систематизировать накопленный опыт и разработать модель анализа социальных практик молодежи в условиях инновационной среды, формирующая личностного «конструкта», способствующего вхождению в инновационный процесс.

Основная причина актуализации вопросов методологии исследования проблем молодежи в контексте инновационных процессов обусловлена прежде всего необходимостью поиска путей взаимoadaptации инновационного потенциала внешней среды и новаторского потенциала молодежной социальной группы. Заключается данное обстоятельство в следующих положениях: 1) концентрации на территории г. Томска нескольких крупных вузов; 2) запуска институциональных форм инновационной среды, таких как Томский консорциум вузов, НИИ, ОЭЗ (Томская технико-внедренческая зона) формирование инновационных кластеров в СФО, проект ИНО 2020 [14]. Концепция «ИНО Томск 2020» предполагает, в частности, создание

университетского кампуса в районе левобережья реки Томи, Президентского кадетского корпуса в Томске, строительство корпуса клиничко-диагностического центра учреждения Российской академии медицинских наук НИИ кардиологии, организацию скоростного движения на участке Новосибирск — Томск, железнодорожный обход Томска, вторые главные пути на участке Тайга — Томск, строительство автодороги Академгородок (Южная площадка особой экономической зоны (ОЭЗ) технико-внедренческого типа Томска) — аэропорт Томск. Основная задача — превратить наш регион в территорию интеллекта, высоких технологий. Проект обозначил приоритеты томской власти, которая хорошо понимает, что будущее региона именно за образованием, наукой, инновациями и, конечно, за молодежью. Существенный рост добывающих отраслей, традиционной промышленности в регионе маловероятен. Прорыв возможен только в «экономике интеллекта» (цит. президента Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) Анатолия Кобзева) [10]. По мнению председателя президиума ТНЦ СО РАН Сергея Псахье, реализация проекта «ИНО Томск 2020» придаст развитию региона новый импульс. «Статус федеральной площадки науки, образования и инноваций Томской области сегодня жизненно необходим. Проект будет позиционировать Томскую область как новую модель развития научно-образовательного комплекса. Причем не просто как объединение университетов и академической науки, а именно как территорию науки, образования и инноваций. Это будет действительно качественно новая модель», — цит. С. Псахье [11].

Молодежь в силу естественных причин (по определению) считается группой населения, обладающей новаторским потенциалом. Однако ни наличие новаторского потенциала у молодежи, ни попытки создания искусственных инновационных сред сами по себе не приводят к полезному росту инновационной деятельности. Под инновационной средой можно понимать широкий спектр факторов, которые традиционно принято делить

на социальные, политические, экономические и технологические (СТЭП-анализ). Для практического влияния, стимулирования инновационного потенциала молодёжной аудитории подобного деления не достаточно. Возникает необходимость операционализировать каждую группу факторов и не просто постулировать их влияние. Успешность жизни в современном мире определяется не только приспособлением к данностям окружающего мира, но и возможностью целенаправленно воздействовать на него в своих интересах, а также делать выбор и гибко переключаться между этими двумя модусами отношений к миру. Комплекс функций личностной саморегуляции, охватывающий все эти аспекты, наряду с другими получил в последнее время разработку в контексте проблемы личностного потенциала.

Большая часть научного потенциала страны сейчас сосредоточена в российских вузах. Одной из основных возможностей ускорения развития инновационных процессов является сотрудничество промышленных предприятий и организаций других сфер деятельности с вузами на предмет разработки и реализации инновационных проектов. В настоящее время практически все виды трудовой деятельности так или иначе связаны с проведением экспертиз. Врачи и преподаватели, управленцы (менеджеры) и инженеры, юристы и экономисты — все они в той или иной степени эксперты. Согласимся с мнением проф. Б.Г. Литвака, что экспертизы необходимы на всех стадиях управленческого цикла, в какой бы области деятельности ни принималось решение [15]. В современных условиях кардинально меняется модель развития экспертного сообщества и экспертной деятельности. Требуя осмысления и анализа новые экспертные практики в различных сферах и отраслях, преимущественно в части экспертного сопровождения управленческих решений всех уровней, с точки зрения перепроектирования среды, экспертной поддержки социальных, научных, инновационных проектов, инициатив, реализации методов экспертной оценки предпринимательской деятельности и др.

Уточним ряд терминов. Экспертиза представляет собой процедуру получения информации от экспертов; самостоятельное решение экспертами поставленных перед ними задач в ходе исследования. Экспертные оценки — суждение экспертов о различных сферах человеческой деятельности, предполагающих процедуру сравнения объектов, их свойств по выделенным критериям. Метод экспертных оценок — один из видов экспертного опроса, предполагающий использование экспертных

оценок. Основное содержание метода заключается в рациональной организации экспертами анализа проблем с последующей оценкой выделенных исследователем суждений и обработкой полученных данных.

Новый вектор развития экспертного сообщества, безусловно, связывается как с новыми реалиями, определяющими предмет проведения экспертизы и выбор экспертных методов и критериев оценки, так и с изменением характера и содержания самой экспертной деятельности. Как показывает практика последних лет, традиционный институт экспертной деятельности не всегда готов эффективно реализовать свои функции. Появилась потребность в пересмотре и развитии новых функций данного института. Между тем очевидно, что именно эксперты представляют собой наиболее важный стратегический и интеллектуальный ресурс развития страны и региона, они формируют систему современных требований и норм, участвуют в экспертизе нового качества, определяют направленность и содержание инновационных процессов.

Востребованность процедур экспертных практик обуславливает необходимость теоретического осмысления и разработки на этой основе методико-технологической базы осуществления экспертной оценки деятельности в области изучения молодежной проблематики. Экспертиза становится своеобразным организующим началом для инновационных поисков, проводимых с целью изучения потенциала молодежи, прогнозирования траекторий, поддержки и стимулирования. Инновационные явления в современном обществе характеризуются вариативностью форм и проявлений. Важным условием эффективности экспертного исследования является участие разработчиков инноваций в осмыслении и обсуждении всех аспектов полученной информации и перспектив ее использования для изучения проблем молодежи в контексте инновационных процессов.

В целом, выделим основные факторы, которые вызывают актуализацию обозначенного вопроса: необходимость экспертного сопровождения и поддержки разработки, корректировки и реализации региональных и муниципальных целевых программ по различным сферам и отраслям деятельности и инновационных проектов разного уровня; необходимость формирования интегрированного экспертного сообщества, опирающегося на принципы научного взаимодействия и социального партнерства.

Таким образом, освещение роли гуманитарных составляющих инновационной

проблематики видится актуальной задачей современного этапа развития этой области знания и деятельности. Решение данной задачи представляется возможным через изучение личности инноваторов и влияние на успешность в инновационной деятельности. Основанием изучения может служить системно-целостный подход и теория самодетерминации.

Системно-целостный подход и теория самодетерминации

Под целостной социальной системой понимается высокоорганизованная самоуправляемая саморазвивающаяся совокупность взаимодействующих социальных субъектов (личность – социальная группа – общество), формирующих особую социокультурную реальность и соответствующий ей тип общественных отношений, посредством которых она обеспечивает воспроизводство своих элементов, структурно и функционально идентичных ей, находящихся в отношениях единства и оппозиционности друг с другом, самой системой и окружающей средой.

Основными методами системно-целостного подхода при изучении целостной социальной системы (личность, социальная группа и общество) являются: системно-интегративный (выделение главного интегративного качества, обеспечивающего её целостность); системно-структурный (раскрытие специфики её внутренней организации и взаимосвязей её частей, в том числе и связей с более общим целым, подсистемой которого она выступает); системно-компонентный (анализ её состава, количественной и качественной характеристик компонентов, их координации и субординации); системно-функциональный (выявление её основных функций как единого целого); системно-генетический (установление источника её возникновения и формирования); оценочно-параметрический (характеристика современного состояния социальной системы); эволюционно-прогностический (определение тенденций и перспектив её развития и перехода на качественно новый уровень); социально-ценностный (выявление структуры социально значимых ценностей, норм и отношений).

Говоря о перепроектировании среды, уточним, что это наиболее творческая часть процесса, которая требует воображения, индуктивного мышления. В ходе перепроектирования процессов

группа отказывается от привычного и ищет неординарности. Вместе с тем, перепроектирование не подразумевает каких-либо алгоритмов, и формальностей, и нет необходимости начинать работу с чистого листа. Инновационная деятельность – это деятельность, связанная с применением, внедрением новых идей (инноваций), затрагивающая все виды научной, технологической, организационной, финансовой и коммерческой деятельности, которая протекает в ситуации высокой конкуренции, неопределенности, давления, постоянных изменений условий и требует от личности оптимизации всех его ресурсов.

То есть «изменяющаяся личность в изменяющемся мире» [16] должна обладать гибкими механизмами саморегуляции и самоорганизации, которые позволяют ей, оставаясь в основном стабильной, сохранять потенциал большой гибкости и реагирования на то, что с ней происходит, которая способна не только адаптировать себя к изменяющимся обстоятельствам, но и изменяющиеся обстоятельства к себе и к своим собственным ценностно-смысловым ориентациям.

Проблема исследования практик приобретает свою значимость с наступлением в социальных науках эры «прагматического поворота»* в конце XX в. В этот период в области социальных наук взгляд исследователей обращается к проблемам проявления общественной жизни, функционирования социума в рамках созданной и создаваемой им среды; в центр анализа попадает уже не только общество как таковое, а повседневность как сфера проявлений, феноменизации общественных практик. Основные теоретические подходы к исследованию практик, в том числе рассмотрение практик как раскрывающих и фоновых (Д. Юм, Л. Витгенштейн), концепция «габитуса», идея гибкой, подвижной идентичности фрагментарности субъекта (П. Бурдьё), постструктурная методология (М. Фуко), концепции индивидуализации и рефлексивности (Э. Гидденс).

Для познания сложных целостных систем необходимо выделить два комплекса существенных признаков, относящихся к: а) целостным социальным системам в общем и б) выражающих специфику целостной личности:**

• Общие признаки целостных социальных систем:

1) наличие общественных отношений как особого типа связей между элементами

* Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008.

** Сомкин А. А. Целостная личность и современный социум: единство и оппозиционность: автореф. докт. дисс-и по филос. Саранск, 2011.

социальной системы (политических, экономических, правовых, культурных, моральных и др.); 2) наличие объективного и субъективного факторов (объективных законов общественного развития и субъективных желаний и стремлений отдельных людей); 3) сознательная самоорганизация; 4) особая иерархичность; 5) относительная автономность от природы; 6) операциональная замкнутость (относительная независимость поведения и реагирования на внешние раздражители); 7) социальное и биологическое самовоспроизводство; 8) нелинейность развития («зигзагообразность»); 9) вариативность развития.

• Особенные признаки, выражающие специфику целостной личности:

1) сознательная самоуправляемость; 2) ролевая включённость в систему социальных связей; 3) включённость в систему социальных ценностей конкретного общества; 4) социальная регулятивность поведения (моральная, правовая, религиозная, административно-управленческая); 5) наличие типологических и индивидуальных характеристик; 6) наличие индивидуальной свободы и социальной ответственности; 7) способность к перестройке уровней функционирования; 8) психологическая и социальная открытость (диссипация); 9) способность к «внутренней» и «внешней» социальной оценке; 10) социальная трансцендентность (способность выходить за пределы «наличного» бытия в условия иного существования: в прошлое, будущее, в параллельные фантастические миры и т.п.); 11) контингентность (вариативность описаний социальной системы самой себя и окружающей среды вследствие неоднозначности, разнонаправленности и непредсказуемости развития социального мира); 12) способность к вербальной и другим формам коммуникации; 13) индивидуальный уровень развития интеллекта, способностей и профессиональных навыков.

Предпосылки изучения инновационных процессов

Первые и базовые представления об инновационном развитии пришли из экономики и были связаны с концепцией экономического блага, теорией экономических циклов, значением нововведений для экономического роста и ролью предпринимательской активности. Вопросы сущности и структуры инновационных процессов начали рассматриваться в западной экономической науке в 30-е гг. XX в. Экономист Н. Д. Кондратьев в своей теории «больших циклов» впервые показал, как динамика экономической структуры общества

реагирует на базовые нововведения (ключевые изобретения) и как затем это влечет за собой реализацию вторичных, модернизирующих социально-экономических нововведений [5]. Важную роль сыграли идеи экономиста и социолога Й. Шумпетера (1950-е гг.), который отводил предпринимательской деятельности важную роль в воспроизводстве экономических циклов и преодолении экономических спадов, видя при этом предпринимателя центральной фигурой, запускающей «эффективную конкуренцию» при помощи введения в оборот инноваций: продуктовых, технологических, оргуправленческих, логистических [6].

Социально-психологическую сторону инновационных процессов исследовал гуру менеджмента П. Друкер, указывающий на социальную ценность инновационной деятельности, меняющей стиль мышления и стиль жизни многих людей. При этом подчеркивается роль интеллекта, изобретательности, нестандартности мышления участников инновационной деятельности [3].

Взаимосвязь инновационного и общественного развития различными исследователями осмыслялась по-разному. А. Ахиезер, И. В. Бестужев-Лада вводят понятие социальных нововведений [2], В. Келле предлагает определение требований к инновационной системе России [5], А. В. Луков разрабатывает концепцию социального проектирования и прогнозирования [7].

Важно подчеркнуть практический характер «инноватики»: она не является сугубо научной областью, а тесно связана с решением практических задач, осмыслением конкретного опыта разных стран, корпораций и компаний по управлению инновационными процессами, достижению конкурентных преимуществ, удержанию лидерских позиций на рынках.

На сегодняшний день изучение инновационных процессов в целом только подходит к осмыслению своих социогуманитарных, социокультурных оснований. Как правило, инновационные преобразования рассматриваются преимущественно в русле естественнонаучного знания и технических (технико-экономических) проблем. Между тем основные механизмы ускорения или торможения сложных и противоречивых процессов перехода к новым формам организации жизни общества лежат в социокультурной сфере. По мнению многих современных исследователей, научно-технические проблемы, на исследование которых направлена сегодня значительная часть интеллектуального потенциала, в принципе не разрешимы

без социокультурной основы, а её разработка только начинается [1]. Таким образом, освещение роли гуманитарных составляющих инновационной проблематики видится актуальнейшей задачей современного этапа развития этой области знания и деятельности. Можно представить это следующим образом: научно-технические, экономические разработки, обладая инновационным потенциалом, обнаруживают свои реальные возможности при наличии определённых мотивов, социокультурных ситуаций. Общеизвестный пример – изобретение пороха, который изначально предназначался в Китае в качестве начинки для пиротехники и лишь потом стал использоваться для изготовления снарядов взрывного действия.

Томск является перспективной площадкой для осуществления экспертных практик, поскольку является студенческим городом и таким образом сконцентрировал в себе перспективную учащуюся молодёжь, кадровый потенциал будущего развития общества. При очевидной и естественной для инновационной деятельности дефицитности экспертизы развитие рефлексивных механизмов могло бы уменьшить присущие ей риски.

Ярким примером дефицита социокультурных представлений в рамках инноватики может служить настойчиво поднимаемая последние несколько лет проблема формирования инновационной среды [8]. Среда как некое целостное, взаимоусиливающее пространство, где увязаны гуманитарные и технические аспекты, пока не поддается осмысленному проектированию, так как до сих пор воспринимается как некая материальная инфраструктура, и обсуждения городской среды или университетской среды все еще происходят на уровне натуральных вопросов о том, «что нужно снести, а что построить», без восстановления контекстов (например, исторических), без обсуждения концептуальной и смысловой нагрузки проектируемой среды. Уйти от формализованного и стереотипно-административного взгляда на город и его среду призвал эксперт В. Н. Княгинин, предложив проектировщикам инновационной среды Томска сначала «увидеть» город в других важных аспектах, «перерисовать карту города в «языке знаний». Этим была подчеркнута насущная необходимость разработки инструментария, адекватного стоящим перед проектировщиками задачам [12]. Сама «креативность», понимаемая как ценная компетенция, способная капитализировать культурные процессы,

является примером заимствования, не концептуализированного в российском социокультурном контексте, представляя собой некий «черный ящик», содержание которого каждый проектант волен вообразить сам. Тем же свойством обладают многочисленные примеры успешного инновационного опыта, звучавшие на XIV Томском инновационном форуме INNOVUS [13] (например, перепроектирования городской среды и «вдыхания второй жизни» и новых смыслов в умирающие, с точки зрения инноватики, индустриальные города, звучавшие на разных площадках), которым отводилась роль ярких картинок обманчиво легкого и копируемого чужого успеха. К сожалению, такие иллюстрации в должной мере не способны отобразить внутренние механизмы реализации инновационных проектов и социокультурных факторов их эффективности.

Теория самодетерминации в изучении личностного потенциала

Одним из структурных элементов формирования личностного «конструкта», способствующего вхождению в инновационный процесс, на наш взгляд, является самодетерминация.

Широкое распространение теория самодетерминации получила на Западе, теорию создали два американских ученых – Э. Деси и Р. Райан. На сегодняшний день теория самодетерминации состоит из пяти мини-теорий: 1. Теория когнитивной оценки (Cognitive Evaluation Theory, CET). 2. Теория организмической интеграции (Organismic Integration Theory, OIT). 3. Теория каузальных ориентаций (Causality Orientations Theory, COT). 4. Теория базовых психологических потребностей (Basic Psychological Needs Theory, BPNT). 5. Теория содержания целей (Goal Contents Theory, GCT). Центральным звеном в теории самодетерминации выступает постулирование о существовании у человека трех базовых потребностей – в автономии, компетентности и связанности с другими людьми.

В отечественной психологии теория самодетерминации почти не разработана, она представлена в нескольких публикациях отдельных авторов. Наиболее существенный вклад в разработку теории самодетерминации в отечественной психологии внесли следующие авторы: Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Мандрикова, Е. Н. Осин, А. В. Плотнокова, Е. И. Рассказова, Е. Р. Калитеевская, О. Е. Дергачева (исследование личностной автономии и потенциала), Т. О. Гордеева (представление и обобщение

основных положений теории самодетерминации, личностный потенциал).

На наш взгляд, важность исследований самодетерминаций не вызывает сомнений, так как собственная активность человека, его способности самостоятельного выбора направления саморазвития напрямую связаны с инновационным поведением личности. По словам самих авторов (Э. Деси, Р. Райан), «теория самодетерминации нацелена на определение факторов, которые питают человеческий потенциал, определяющий рост, интеграцию и здоровье, и на исследование процессов и условий, которые способствуют здоровому развитию и эффективному функционированию индивидов, групп и сообществ».

При определении содержания личностного потенциала неизбежно возникает вопрос о его структуре. Д. А. Леонтьев (2007), на основе теоретических и эмпирических исследований, проводимых в течение нескольких лет, выделил такие компоненты структуры:

1. Потенциал самоопределения – ресурсы личности, позволяющие успешно ставить цели на основании собственных выборов, интересов и предпочтений, а не довольствоваться принятием заданных извне целей: внутренняя мотивация и самодетерминация. Главной функцией самоопределения является расширение спектра возможностей действия, которые может раскрыть для себя субъект, спектра потенциальных смыслов, которые может нести в себе ситуация, и самоопределение по отношению к ним, раскрытие потенциала свободы [17].

2. Потенциал реализации – ресурсы личности, обеспечивающие переход к целенаправленной деятельности, доведение поставленной цели до успешного осуществления: конструктивное мышление и оптимизм как личностная диспозиция, самоэффективность, самоконтроль. Главной функцией потенциала реализации является сужение спектра возможностей, совладание с их избыточностью путем осуществления выбора и переход к его реализации, преодоление неопределенности, раскрытие потенциала ответственности [17].

Компоненты самоопределения и реализации выполняют две различными образом организованные функции саморегуляции жизнедеятельности, которые отражают сменяющие друг друга фазы единого цикла экзистенциального взаимодействия субъекта с миром.

3. Потенциал сохранения (совладания) – ресурсы, обеспечивающие сохранение устойчивости и цельности личности в неблагоприятных ситуациях, совладание с ними: продуктивные копинг-стратегии (стратегии совладания).

Данный компонент проявляется в ситуации противостояния неблагоприятным стрессогенным и травмирующим событиям. Основная его функция выражается в гибком совладании с деформирующими воздействиями, принуждающими индивида к изменению своих действий в мире при сохранении смысловых ориентаций и базовых структур личности [17].

Как отмечает сам Д. А. Леонтьев, несмотря на всю важность тематики личностного потенциала, проблема его операционализации еще не имеет на настоящий день однозначного решения, необходим постоянный поиск соответствия между функциональным и компонентным анализом, т.е. ответ на вопрос, как измеряемый методикой конструкт соотносится с функциями личностного потенциала [17]. Операционализация личностного потенциала может происходить только через рассмотрение и выделение отдельных его компонентов и функций. Поэтому на данном этапе разработанности проблемы, сложно определить четкую структуру личностного потенциала, что обуславливает необходимость проведения многочисленных эмпирических исследований с применением различных средств и методов. Это позволит установить взаимосвязь отдельных компонентов с личностным потенциалом, степень их взаимовлияния и существенно прояснить пробелы в понимании личностного потенциала.

В качестве методик, направленных на выявление личностных детерминант, способствующих вхождению в инновационную среду, отметим следующие.

Методика «Мониторинг трудовых мотивов». К важным психологическим параметрам молодежи, обуславливающим ее готовность к инновационной деятельности, относится мотивация. Сознательное планирование карьеры является одним из важнейших аспектов самореализации личности. Оно задает направленность на поиск и формирование сред, необходимых для саморазвития и самореализации.

В структуру методики заложены восемь шкал:

1. Стремление к материальному благополучию.
2. Стремление к признанию окружающими.
3. Стремление к ответственности и самостоятельности.
4. Уровень зависимости от руководителя.
5. Стремление к карьерному росту.
6. Стремление к достижению успеха в работе.
7. Стремление к личностному росту.
8. Уровень зависимости от группы.

Автоматизированная экспресс-профориентация «Ориентир». Методика экспресс-профориентации, разработанная И. Л. Соломиным, предназначена для диагностики профессиональных склонностей и представлений о профессиональных способностях молодежи и взрослых людей.

Российская версия опросника каузальных ориентации (РОКО) Э. Деси и Р. Района в адаптации Д. А. Леонтьева, О. Е. Дергачевой, Л. Я. Дорфмана. Методика дает информацию о сравнительной выраженности одного из трех способов принятия решения в ситуации выбора: опора на самостоятельные внутренние критерии (автономия), опора на внешние критерии и основания (контроль), выжидание и уход от решения (безличная ориентация).

Анкетирование. Разработка анкеты, направленной на выявление степени участия молодежи в инновационной деятельности.

Университеты в Сибирском регионе (СФО) (Томский государственный университет, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томский

политехнический университет) принимают активное участие в создании взаимодействия между университетами, инновационными парками, бизнесом. Созданы учебно-научно-инновационный комплекс, включающий наукоемкие компании, научно-исследовательские институты, бизнес-инкубаторы, конструкторские бюро, лаборатории. Появляются новые области для совместной работы: студенты привлекаются компаниями для прохождения преддипломной практики, компании финансируют исследования университета и формулируют темы студенческих проектов.

Разработки отечественных и зарубежных школ философии позволяют сформулировать принципиальные условия и пути создания среды для осуществления экспертной деятельности: проектирование социальных коридоров – эффективно спроектированных траекторий, осваивая которые, молодые люди присваивают инновационный опыт творческой деятельности; создание адекватной рефлексивной развивающей среды, способствующей развитию креативного мышления, самодетерминации и самоидентификации молодежи.

1. Аузан А. Национальные ценности и модернизация [Текст] / А. Аузан. М.: ОГИ; Полит.ру, 2010. 192 с. 11; Лапин, Н.И. Сверяем человеческие измерения модернизации [Текст] / Н.И. Лапин // Мир России. 2011. №2. С. 25–34.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Социокультурная динамика. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.; Бестужев-Лада И.В. «Алгоритм» социального нововведения // Социологические исследования. 1991. №9. С. 13–32.
3. Друкер, П.Ф. Бизнес и инновации [Текст] / П.Ф. Друкер. М.: Вильямс, 2009. 432 с.
4. Келле, В.Ж. Инновационная система России: формирование и функционирование [Текст] / В.Ж. Келле. М.: УРСС, 2003. 148 с.
5. Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения [Текст] / Н.Д. Кондратьев. М.: Экономика, 2005. 376 с.
6. Лапин, Н.И. Теория и практика инноватики [Текст] / Н.И. Лапин: Учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2008. 328 с.
7. Луков, В.А. Социальное проектирование и прогнозирование [Текст] / В.А. Луков: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 240 с.
8. Морозов, К. Место, где определяется стратегия [Текст] / К. Морозов // Первый экономический. 2011. № 15. С. 8–12.
9. Орлова, В.В. Образовательные учебные заведения и их роль в социализации сибирской молодежи [Текст] / В.В. Орлова // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2010. №8. С. 31–35
10. Проект «ИНО Томск 2020» сделает регион территорией высоких технологий [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/nano_news/20111019/464033719.html (дата обращения: 10.11.2012).
11. Создаётся центр кластерного развития в рамках «ИНО Томск 2020» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nanonewsnet.ru/blog/nikst/cozdaetsya-sentr-klasterного-razvitiya-v-ramkakh-ino-tomsk-2020> (дата обращения: 12.01.2012).
12. XIV Томский инновационный форум INNOVUS проходил 26–27 мая 2011 г. в г. Томске. Заявленная тема: «Инновационная Россия – 2020: Как запустить экономику знаний?» [Электронный ресурс]. URL: <http://innovus.biz/ru/forum-2011/programm/main/round-innovative-city/> (дата обращения: 10.11.2012).
13. XIV Томский инновационный форум INNOVUS проходил 26–27 мая 2011 г. в г. Томске. Заявленная тема: «Инновационная Россия – 2020: Как запустить экономику знаний?». Организаторы: Администрация Томской области, Администрация Президента РФ, Министерство экономического развития РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2005 года № 783 «О на территории г.Томска особой экономической зоны технико-внедренческого типа» Концепция «ИНО Томск 2020», Центр кластерного развития в Томске [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/sez/main/zone01/zone1_04/doc20051221_06 (дата обращения: 10.11.2012).
15. Литвак, Б.Г. Экспертиза в России [Текст] / Б.Г. Литвак / Заводская лаборатория. 2000. Т. 66. № 7. С. 61–66.
16. Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Мзд-во Моск. Ун-та, 1990.
17. Леонтьев, Д.А. Восхождение к экзистенциальному миропониманию [Текст] / Д.А. Леонтьев // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. М., 2007. С. 3–12.

ВЛАСТЬ И СОЦИУМ – КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ

УДК 316-323

С. В. ЗЕНКО

1. «Структурный конфликт»

Одной из главных особенностей развития России в условиях социальных преобразований является необходимость диалога (понимание и признание общих интересов) между властью и обществом. Европа в связи с этим испытывает сегодня кризис власти, как результат «перегрева» социальных преобразований и неэффективности социального управления. Партийная конкуренция оказалась в итоге дестабилизирующим фактором: каждое последующее правительство строило свою деятельность на росте социальных расходов. Демократия проходит сегодня очень жесткую проверку. «Большинство аргументов против демократии как системы политических институтов, способствующих экономическому росту, так или иначе связано с перераспределением доходов, порождаемым расширением участия граждан в принятии политических решений» [5, с. 147]. Насколько реальна в связи с этим угроза централизации власти не только в ЕС, но и в России?

В России ситуация несколько иная, но не менее сложная – недофинансирование социальных расходов (особенно до 2006 г.) привело к резкому выдвиганию бюрократического аппарата, как следствие роста избыточного капитала (доходов и профицита федерального бюджета). Власть в итоге должна готовиться к очень сложному диалогу с обществом в ближайшей перспективе, поскольку структура современного российского общества чрезмерно дифференцирована. Речь идет о «сильном структурном конфликте», который наблюдается в обществе и, который «может существовать ценою напряженности и даже нестабильности. Но есть определенные пределы этой терпимости...» [8, с. 276]. В основании такого конфликта, как нам представляется, заложен особый «ритуал перехода», когда «статусные критерии» определяются не уровнем образования, компетентности, знания, опыта акторов, а внешними обстоятельствами – близостью их к определенным кругам и отдельным личностям. «При таких ассиметричных социальных отношениях одна из сторон получает прерогативы власти. Они зависят не от индивидуальных, субъективных качеств данной личности,

а исключительно от занимаемого ею определенного, а именно наделенного властью над другими людьми, социального статуса» [10, с. 391]. В конечном итоге власть так или иначе активно участвует в формировании социальной структуры общества и вправе утверждать, что гражданского общества нет и диалога вести не с кем.

Осуществление диалога с властью как основной формы преодоления возможного кризиса власти и общества тем не менее лежит через социальные преобразования – снижение уровня дифференциации общества за счет перераспределения достигнутого уровня социальных расходов, поскольку дальнейший их рост будет резко ограничен либо прекратится. В этом плане проблемы ЕС – это и наши проблемы. Т.е. социальные изменения должны идти в направлении: снижение доходов – снижение социального статуса отдельных акторов: как правило, завышенный социальный статус гарантирует и высокие доходы. Рост доходов бюрократии как результат ее чрезмерного «давления» на экономику повышает ее статус и доверие власти: она оценивает «эффективность» управления (профицит бюджета, снижение госдолга, повышение реального дохода отдельных граждан и т.д.) как заслугу своего аппарата. Однако это следствие влияния внешних факторов и роль бюрократии (аппарата) здесь иная: нарастание кризиса в обществе будет определяться тем, «в какой степени государство интегрирует интересы всех слоев общества, а не действует в пользу одних групп и в ущерб другим группам» [5, с. 272]. Заинтересована ли в этом бюрократия, и если нет, то не является ли это источником растущей дифференциации в обществе?

Политическую конфигурацию, которая сформировалась в российском обществе, известный экономист Ю. Кочеврин определил как «государственный централизм». «С точки зрения процесса принятия решений о введении новых регуляций и изменений уже существующих конструкция государственного централизма способствует замыканию его внутри государства как организации...» [5, с. 273]. Таким образом, проблема концентрации и централизации капитала, собственности

и, соответственно, принятия управленческих решений для российского социума снова обрела «повседневность», но уже на более высоком «организационном» уровне. В результате государство превращается в некую корпоративную систему. «Основой для таких представлений выступает именно достигнутая централизация и проникновение государства в бизнес...» [5, с. 273]. В конечном итоге диалог власти с обществом должен быть организован в направлении роста демократии, т.е. ослабления государственного централизма. Проблема, однако, в том, насколько необходим сам отказ от государственного централизма в условиях перманентных мировых экономических кризисов и готова ли российская власть на отказ от «централизма»? Т.е. как снизить дифференциацию в доходах (как источник структурного конфликта) и одновременно сохранить легитимность власти, «опирающейся» именно на этот конфликт, в основе которого лежит централизация собственности и общественных доходов?

Постановка данной проблемы «озвучена» сегодня как необходимость проведения модернизации — это настраивает общество на позитивный диалог с властью. Но неясна до сих пор сама парадигма модернизации: формирование новых собственников через ослабление давления государства на экономику и общество или простое увеличение бюджета в пользу сохранения прежней структуры управления? Но в таком ракурсе диалог с властью и модернизацию в целом, как одну из форм этого диалога, нельзя теоретически обосновать — власть не мотивирована на диалог с социумом до тех пор, пока обращает свой взор на мировые рынки сырья, поскольку источник (средства) дает нам рынок сырья — своих средств, по сути, нет. «Федеральное государство обращается вовне, к глобальной экономике...» [4, с. 6].

По сути, в стране утвердилось уникальное капиталистическое общество — корпоративное государство (мы отметим ниже лишь некоторые его черты). Чиновник, попав в корпоративное сообщество, совершенно не мотивирован на социальные изменения (на ускорение социальной мобильности и снижение социальных конфликтов), что и менеджер крупной компании, который думает только о прибыли своей компании, и его интересует одно: как бы повысить долю рынка за счет конкурентов. Не выработан критерий социальных изменений — аппарат «отвечает» только за общий экономический рост и прочие индикаторы. Следовательно, диалог в итоге

должен идти от социума, «снизу». Сегодня важно не прервать «обозначенный временем» эволюционный характер развития общества. Насколько это реально?

Сегодня ситуация не намного лучше, чем в начале 90-х, хотя ресурсов для предотвращения «спонтанной трансформации» достаточно. Трудность ситуации в том, что существенно изменилась природа государства — оно стало менее «зависимым» от общества в результате невиданной эксплуатации природных ресурсов. Доля природной ренты (доходов от продажи сырья в целом) в федеральном бюджете доходит до 40–50%, если сюда добавить значительную долю косвенных налогов (НДС, акцизы) — около 25%, то на долю налогов на трудовые ресурсы, основной капитал, прибыль приходится не более 20–30%. Цель модернизации — повысить долю последних, т.е. перейти на рельсы современной экономики. Очевидно, это сделает власть более зависимой от развития человеческого капитала и общества в целом, что предполагает рост и социального капитала (доверие власти и институтам), и снижение «структурного конфликта». Готова ли власть на это? Что лежит в основании этого конфликта?

Основной отрицательный результат корпоративного государства («государственного централизма») — это значительный рост бюрократического аппарата, в том числе и в социальной сфере. По этому поводу хорошо высказался С. Перегудов: «Весьма модные... рассуждения о повышении роли «среднего класса» по существу лишь закрепляют нынешнюю гегемонию его наиболее влиятельной части, каковой является... все та же бюрократия» [9, с. 160]. Создание мощного среднего бюрократического класса — это стратегия власти: чем глубже и шире бюрократия проникает в общество, тем надежнее социальная опора (власть делит социальные риски с разросшимся «бюджетным классом»). В результате распределение социальных статусов вполне вписывается в систему «пожизненного найма».

Кадровое управление экономикой и обществом, минуя рынок, ставшее ментальностью в свое время, достигло в современной России невиданного размаха. Механизм аттестации и/или самоконтроля, который еще имел место в начале реформирования, полностью утрачен — достаточно привести пример с аттестацией в правоохранительных органах: был получен противоположный результат. Но подобный результат аттестации может быть и в любой социальной сфере и госуправлении. В результате любые резкие

социально-политические изменения могут привести к обратному результату, или к резкому противостоянию в обществе. Как же в таком случае осуществлять модернизацию и вообще вести диалог, если поведение власти изначально нелегитимно? Власть изначально сформировала «правила игры», изменить которые она не может, поскольку они определяют сам механизм управления обществом.

По сути мы вернулись к ранней эпохе индустриализации, когда основы традиционного общества еще сохранялись. «Россия развивается в рамках и в логике индустриальной модели, а в этой системе координат у нее нет серьезных конкурентных преимуществ – ни по трудовым ресурсам, ни по природно-климатическим параметрам» [7 с. 9]. Система «статусного» разделения труда стала определяющей в формировании нового российского общества – работник может лишиться своего места в результате неправомочных действий, но не потеряет своего статуса, пока существует система «подбора кадров» («патронаж») и аттестации кадров. Условием такого разделения труда, безусловно, является «государственный централизм», резко ограничивающий рынок труда распределением статусов и «набором кадров». Здесь важно отметить, что в сферу «государственного централизма» попадает значительная часть крупного капитала, где государство в лице «наблюдателей» имеет значительное влияние. Так, к примеру, чтобы реализовать инвестиционный проект в регионе, часто делается ставка не на уровень специализации и кооперации в регионе, снижение инвестиционных издержек, а на возможность использования статуса губернатора, федерального представителя (наблюдателя) по привлечению крупного бизнеса. В результате к воспроизводству общественной стоимости, управлению, к высокооплачиваемому труду на региональный рынок допускаются «избранные», достигшие ранее определенного социального статуса. В целом, в основании формирования социальной структуры (взаимоотношения различных акторов) общества заложена общая модель «патронажа». По сути, это форма или способ разделения труда, частично сохранившийся и на Западе, когда выстроенная властью «вертикаль» четко разделяет людей на членов вертикали и остальных. Данная система во многом является наследием традиционного общества, где работники остаются в личной юридической зависимости от работодателя либо объединены общей концепцией: «Не разглашать тайну следствия». Речь

идет «о господстве бюрократии, которая превращается в замкнутую касту, защищающую свои собственные интересы...» [10, с. 389]. В этой модели чиновник остается «на пожизненное кормление». Так, В. Путин, сформировав новое правительство, оставил прежнее в качестве помощников. Но, с другой стороны, эта форма корпоративного управления характерна и для крупных современных закрытых организаций – они редко меняют кадры. В этом суть, если вернуться к российским реалиям, «кадрового» управления экономикой и обществом: «государство демонстративно отказывается от прав собственника и ограничивает свои возможности влиять на деятельность госкорпорации лишь двумя способами: кадровой политикой и политикой бюджетных субсидий» [1, с. 103]. Неслучайно русским профессионалам легче устроиться на высокооплачиваемую работу на Западе, чем в России – проблема только в не престижности нашей высшей школы.

Таким образом, в основании структурного конфликта (дифференциации российского общества) лежит система «патронажа» (вертикаль власти), обусловленная «государственным централизмом». Российский социум стал очень уязвим в плане потери социального равновесия – социальная конструкция (вертикаль власти) может рухнуть в результате резкого перераспределения достигнутого уровня социальных расходов (перераспределением статусов) в результате резкого снижения доходов бюджета. Формирование новой системы (структуры) управления социумом может затянуться, что усилит сепаратизм в обществе. Все проблемы федеральной власти будет вынуждена решать региональная власть, не имея достаточных резервов и средств, что может усилить социальные конфликты в целом.

2. Формирование социального капитала как условие сохранения экономической безопасности государства и социальной стабильности в обществе

Социальные изменения как условие снижения любых социальных конфликтов можно обосновать только через налаживание диалога власти с социумом. Кто в результате может быть инициатором диалога, вернее, вызова на диалог? Реальных субъектов может быть несколько, но реальный участник диалога пока один – это крупный капитал, поскольку процесс формирования партии среднего класса может быть долгим, а времени может не быть, либо принять неадекватную форму – открытый протест властям. Формой диалога

может быть соперничество власти и «капитала» за социальный капитал. Снижение «государственного централизма» может существенно ослабить власть и усилить влияние как крупного капитала (богатого класса), так и среднего класса, если власть примет его сторону. И это может быть барьером для налаживания диалога вообще — власть не привыкла к равным отношениям. Победа В. Путина на президентских выборах во многом была обеспечена влиянием символического капитала — перед возможной угрозой очередного переворота народ поверил в необходимости прихода В. Путина. «Символический капитал... является не чем иным, как капиталом в том виде, в котором его воспринимают агенты... т.е., когда этот капитала узнается и признается как нечто само собой разумеющееся» [2, с. 26]. Символический капитал, как и социальный капитал, повышает доверие к государству и к самой власти. У крупного капитала нет такого высокого доверия. Крупный капитал в итоге вынужден укреплять связи с регионами, вкладывая туда реальные капиталы, накапливая и социальный капитал (доверие населения и региональной власти). Формируется так называемый социальный капитал «второго рода» — «клубное благо» [6, с. 38]. В целом исследователи выделяют два рода социального капитала: «социальный капитал... в форме норм, правил поведения, общих для всех хозяйственных субъектов; как деперсонифицированное доверие» в форме... организующего коллективного действия хозяйственных субъектов, преследующих частные интересы, в интересах достижения общих для них целей» [6, с. 38–40]. Именно последний определяют как «клубное благо» — доверительные отношения региональной власти и бизнеса. «Сложившаяся к настоящему времени реальная модель отношений власти и бизнеса характеризуется тем, что сформировались три относительно обособленные зоны их взаимодействия: «белая», «черная» и «серая» [5, с. 449]. В нашем случае речь идет о «серой» зоне («неформальных практик поборов с бизнеса»), как следствие недофинансирования регионов и попытка региональной власти компенсировать дефицит ресурсов [5, с. 456]. Очевидно, рост автономии регионов (значительное снижение отчислений налогов в федеральный бюджет) может привести к обратному результату — к формированию микрокорпоративных государств, в основании которых будет «клубное благо». Необходим механизм «сдержек и противовесов» со стороны федеральной власти. Это возможно

в случае, когда «политическая рента» (административный ресурс) будет сосредоточена в немногих руках. Но получается замкнутый круг («ловушка») — власть для повышения своего иммунитета вынуждена сохранять «централизм», укрепляя региональный аппарат «своими» людьми, что сегодня и происходит со сменой губернаторов, что одновременно сдерживает движение к демократии, к диалогу с социумом. Обратный процесс предполагает сокращение (поэтапное) федерального и регионального аппарата управления. В этом случае уровень государственной централизации снижается за счет снижения расходов (налогов) на управление. Очевидно, с резким снижением государственных доходов в результате мирового кризиса «вертикаль» может «рухнуть», и формирование регионального управления начнется с «нуля». Очевидно также, что регионы вынуждены готовиться к подобному сценарию, и укреплять «клубное благо» либо формировать новую команду.

Итак, крупный собственник того или иного капитала в определенной степени участвует в формировании социальной структуры общества — власть через политический капитал (административный ресурс) формирует «собственную» систему разделения труда (через социальные статусы), крупный капитал «покупает» (социальный обмен) эти статусы посредством «клубного блага», т.е. прямого или косвенного включения представителя власти в свой бизнес. Непрочность данной социальной системы очевидна — она основывается на высокой концентрации и централизации ресурсов и ограничивает саму перспективу социальных изменений, прежде всего, налаживания диалога между властью и социумом. В то же время, насколько сильны, к примеру, позиции российских олигархов в укреплении или изменении социальной и политической структуры общества? В этом аспекте положение крупного капитала более предпочтительно — он не обременен поиском источников, но обременен поиском профессионалов — экспертов, способных осуществить «грандиозный замысел». В этом случае у власти больше шансов — в ее структурах может работать любой непрофессионал, поскольку государство обладает «монополией на насилие». Есть также еще один фактор, укрепляющий позиции власти — это использовать крупный капитал в качестве главного источника роста «доверия» к государству (речь идет о повышении налогов для богатых). Однако следует признать ограниченность действия данного фактора — часть

высших чиновников превратилась в богатый класс. Очевидно, потенциал власти и крупного капитала в накоплении социального капитала и влияния на социальные изменения, в целом, одинаков. В случае конкуренции за социальный капитал с крупным капиталом средний класс может быть союзником власти. Таким образом, формирование и укрепление социального капитала может быть единственным направлением устранения структурного конфликта и поддержания социальной стабильности. Становится очевидным, что решение данной проблемы (поддержания социальной стабильности) переместится из федерального центра в регионы, что автоматически снижает давление и власти, и федеральной бюрократии на общество — вертикаль власти рухнет. Возможна ли такая ситуация — покажет время. Но очевидно одно — федеральная власть должна сделать ответный ход.

Итак, власть управляет обществом через, наделенные «социальные статусы». Условием для развития такого общества является «государственный централизм» (в нашем понимании — «корпоративное государство», как результат централизации и проникновения государства в бизнес). Данная модель государства основывается на избыточном капитале в результате эксплуатации природной ренты в частных интересах и системы корпоративного управления. Очевидно, что процесс «разгосударствления» должен быть четко обозначен и представлен обществу. Это и будет условием для формирования новой парадигмы социального изменения (управления), нацеленного на сохранение социальной стабильности за счет «снятия» социальных конфликтов и снижения влияния бюрократического государства (корпоративного)

в результате конкуренции федеральной власти с региональной за социальный капитал. Их конкуренция в итоге будет способствовать росту социального капитала в обществе, но их дальнейшее слияние (сращивание) в рамках корпоративного государства (укрепление вертикали власти), может усилить «структурный конфликт» и риски развала общества в случае мирового кризиса. Средний класс становится некой третьей силой, способной разрешить «структурный конфликт» в результате «новой волны» разгосударствления как системы «сдержек и противовесов». Власть испытывает угрозу «ловушки» (кризиса), когда диалог с социумом станет невозможным. Но власть пойдет на диалог с социумом только по причине угрозы своей экономической безопасности. Однако ждать этой угрозы — не в интересах власти: у нее не так много времени для сохранения и своего статуса, и социальной стабильности, и она вынуждена идти на диалог с обществом. В этом случае инициатива регионов может быть решающей — накапливая социальный капитал, региональная власть может существенно подорвать влияние федеральной бюрократии в обществе и взять на себя роль «миротворцев». Это неизбежно приведет к конкуренции с федеральной властью, что в целом может быть как позитивным моментом для общества в целом, так и негативным. В результате власть вынуждена идти на диалог с обществом, но с меньшими социальными издержками — значительно снижая влияние бюрократии, т.е. государственных расходов, но это предполагает совершенно новую модель управления обществом, анализ которой требует отдельного и очень сложного разговора.

1. Адашева, С. Государственные корпорации: можно ли оценить корпоративное управление? [Текст]/С. Адашева, Ю. Симачев//Вопросы экономики. 2009. № 6.
2. Бурдые, П. Социология социального пространства [Текст]/П. Бурдые. М., 2005.
3. Бузгалин, А. Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? [Текст]/А. Бузгалин//Общественные науки и современность. 2011. № 3.
4. Буровой, М. «Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму» [Текст]/М. Буровой//Социологические исследования. 2009. № 4.
5. Институциональные ограничения экономической динамики [Текст]. М.: ТЕИС, 2009.
6. Курбатова, М. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона [Текст]/М. Курбатова, С. Левин, Е. Каган//Общественные науки и современность. 2010. № 6.
7. Мау, В. Экономическая политика 2007 г.: успехи и риски [Текст]/В. Мау//Вопросы экономики. 2008. № 2.
8. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст]/Т. Парсонс. М., 1998.
9. Перегудов, С. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства [Текст]/С. Перегудов//Полис. 2011. № 3.
10. Штомпка, П. Социология: анализ современных обществ [Текст]/П. Штомпка. М., 2005.

МЕСТНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

УДК 342.55

С. Н. БАРАНЕЦ

Решение задач стабилизации социального строя, сложившегося в нашей стране, привело к осознанию необходимости переоценки потенциальных возможностей всех социальных институтов, в том числе и относящихся к политической системе пореформенного российского общества. К началу второго десятилетия XXI века в России созданы предпосылки для перехода к новому этапу государственного строительства. Однако достижение стабильности, в том числе и в политической сфере, зачастую оказывается задачей менее сложной по сравнению с задачей поддержания стабильного состояния общественного организма для обнаружения и реализации социально приемлемых векторов его дальнейшего развития. Институт местного самоуправления, сердцевину которого составляет феномен местной власти, также может и должен быть переосмыслен с точки зрения задействования скрытых в нем резервов и возможностей для достижения заявленных руководством страны параметров будущего российского общества.

Понимание особой роли местного самоуправления и его оценка как своего рода медиатора между обществом и государством, обеспечивающего управляемость всей общественной системы, пока еще не стало бесспорным и повсеместным. Сомнение в возможностях местных сообществ решать вопросы собственного жизнеобеспечения в своем праве и под свою ответственность порождается, помимо прочего, своеобразной и неоднозначной историей российской муниципальной идеологии, которая и поныне вращается в крайностях от апологии полуанархических представлений о природе и сущностных проявлениях местной власти до обоснования концепций всеохватывающей этатизации данной формы организации общественно-политической жизни. Признаваемая многими экспертами политическая роль местного самоуправления, способного повлиять на меру согласованности и/или противостояния общегосударственных и локальных целей, потребностей и интересов, на мой

взгляд, может быть оценена в ее подлинном значении лишь в связи с развертыванием заключенного в местной власти потенциала, способного определять собой как конфигурации политических сил, так и характер взаимодействий между участниками политических процессов.

Тема политического потенциала самоуправляющейся и самодостаточной по потенциалу местной власти представляется особенно важной в современных условиях, отличающихся отнюдь не только усилением процессов локализации, дифференциации и фрагментирования социальной жизни, но и становлением глобального мирового сообщества. Атомизация общественных процессов соединена в России с социально-интеграционными тенденциями и поисками оснований для сотрудничества между людьми и социальными группами глубокой диалектической связью. Новые способы коллективной самоорганизации и коллективных действий являются своеобразной общественной реакцией на усиливающееся, несмотря на развертывание специальных программ и поиск соответствующих технологий, отчуждение в отношениях социальных групп, что проявляется как в изменениях объективного состояния и самооценок самих этих групп, так и в регулярной смене ориентаций их авангардных субъектов. Местные сообщества и местные властные обстоятельства предстают в пространстве объективированного социального взаимодействия «точками сгущения» различных политических и неполитических интенций, сил и интересов. На «малых землях» поселений катализируются большие социально-политические подвиги, а иногда, напротив, «умирают» продвинутые социальные инициативы. По этой причине борьба за местные человеческие и организационные ресурсы, поиски договоренностей и понимания между лидерами и актерами в нашей российской слободе «Глобальной Деревни» уже зачастую становятся критически необходимым условием выживания

региональных государственных режимов и проверкой на прочность региональных политик.

Надо отметить, что в исследованиях темы местного самоуправления последних двадцати лет отчетливо наблюдаются две конъюнктурные волны. Первая связана с романтикой «революции наизнанку», когда учреждалась новая власть, и для немногих сохранивших тогда привычку к рефлексии ее приключения, опыты и метаморфозы в отношении к народным источникам своей легитимности были поводом для серьезных размышлений [см., напр.: 2, с. 281–290]. Активное желание тогдашнего руководства страны освоить европейский опыт породило склонность к имплементации в российские социальные практики философско-идеологических постулатов Европейской хартии о местном самоуправлении. Прочтение происходящего в России в европейском контексте создавало впечатление свежего взгляда на вещи, но сам феномен местной власти в России оказался не переосмысленным, а транспонированным путем простого «вычитания» советского опыта и восприятия социальных явлений местного масштаба сквозь категориальные описания процессов муниципализации в Европе.

То, что получилось в результате теоретической «возгонки» живого социального опыта, вполне отвечало требованиям исторического момента. Местная власть приняла идею муниципализации как безальтернативную и директивно установленную тогдашним руководством страны, а соответствие европейским муниципальным стандартам как целевую установку и своего рода критериальный набор для отличия «правильного» в российском местном самоуправлении от «неправильного».

Передача власти на рубеже тысячелетий новой когорте лидеров обозначила весьма своеобразный разворот в той сфере научных изысканий, которая занималась анализом проблем местного модуса и праксиса властвования. Оказалась востребованной идея тотальной ревизии и реинтерпретации концептуальных оснований всей системы местного самоуправления и государственной муниципальной политики [4, с. 83–118], юридически значимым результатом чего стала «новая редакция» упомянутого федерального закона. Внимание научной общественности сосредоточилось вокруг обсуждения оснований, принципов и норм данного правового акта, результатом чего явился новый, второй по счету всплеск работ по муниципальной

тематике. Косвенным образом формы, способы существования и самореализации местной власти стали предметом политологического, социологического и даже философского интереса, хотя преобладала (на мой взгляд, неоправданно) все же тема межбюджетных отношений. Намеренная деполитизация исследовательского поля муниципальной тематики сыграла свою роль: с одной стороны, потенциальные возможности местной власти становились фигурой умолчания, с другой стороны, реальная практика государственного строительства, в том числе и в муниципальной сфере, показывала примеры больших возможностей «упертых» муниципалов в том, что касалось противостояния административной практике государственных органов.

При этом нарастало понимание того, что западный концептуальный опыт, даже будучи адаптирован для российских условий, не охватывает всего многообразия идейно-тематических пластов, актуализирующихся в связи с социально-политическими флуктуациями и бифуркационными подвижками в недрах российского социума. Так, западная институциональная парадигма в приложении к проблематике местной власти демонстрирует свою ограниченность: следование правилам никогда не было для российского самосознания особо почитаемой и предпочтительной ценностью. Западно-ориентированная сравнительная политология пасует перед протяженностью и многомерностью российского политического пространства, а также не имеет возможности инструментально охватить и теоретически воспроизвести своеобразную временную ритмику воплощения в жизнь исповедуемой в России немалым числом ее граждан идеи предпочтительного служения местным (общинным и семейным, по сути) интересам, даже если это идет во вред и противоречит общему интересу. Кроме того, методология в России становится орудием идейно-политической борьбы, а апелляция к «очевидности» проявлений местной жизни — не просто описательным «кейсом», но и весомым аргументом в теоретическом споре. В контексте научных изысканий это означает необходимость намеренного рассредоточения внимания на всем, что может оказаться важным, даже если это «что-то» является маргинальным явлением или побочным эффектом. Такие исследования крайне сложны, и опытов подобной «деконструкции» новой муниципальной реальности пока не так много [см., напр.: 5],

однако есть признаки того, что в ближайшее время следует ожидать «смены вех» и нового роста внимания к этому важному аспекту социальных наук.

Важно отметить, что, несмотря на отождествление понятия «местный» и «муниципальный», установленное в «главном» российском законе о местном самоуправлении, в политологическом и социологическом дискурсах будет правильно их не просто различить, но и противопоставить. Дело в том, что природа местной власти и устройство органов местного самоуправления совпадают только отчасти. Власть многогранна, и понятия местной власти и власти органов муниципальной природы, по крайней мере, комплементарны. Местная власть структурна, она присутствует как социальный факт всегда и везде, во всех населенных людьми территориях, тогда как власть муниципальная, будучи специально организованной как власть подзаконная и оставаясь «по конституционному определению» внесистемной для органов государственной власти, является по своей сути одним из институциональных проявлений государственности, а потому не может быть адекватно истолкована в отрыве от нее [см. на эту тему: 1, 99–122].

Политический потенциал местной власти обозначает, по моему мнению, меру соответствия ценностных установок субъектов политического действия, способных к осознанию, манифестации и защите собственных интересов самоорганизовавшегося или учрежденного местного сообщества, принципам, целям и задачам доминирующих носителей государственных прерогатив и компетенций. Местное сообщество в своей жизнедеятельности, будучи по определению неким организованным целым и выступающее как опора и объект заботы органов власти муниципального образования, в своем протоинституциональном облике власти местных авторитетов явлено как латентный социально-политический механизм и присутствует в пределах административно-территориальных границ в виде распределенных сетевых структур. Эволюция местных сообществ в сторону обретения ими своей политической субъектности происходит обычно путем осознания ими собственного политического интереса, воспитания своеобразной политической воли и выработки способов самозащиты своих привычек бытования. При этом поводы и генерирующие факторы для проявления позиции «опоры на собственные силы», т.е. самоорганизации и самоуправления, могут

обнаруживаться как изнутри сложившейся субрегиональной системы социальных отношений политического свойства, так и в сопротивлении организующим усилиям субъектов государственного управления.

Учет непредсказуемости политических устремлений и действий местной власти — необходимое, но уже отнюдь не достаточное условие успеха государственной политики, реализуемой в региональном масштабе. Мера готовности к переменам и мера привычности сопротивления изменениям — два полюса в способах существования носителей авторитета не местах. Сам этот авторитет (то есть признаваемое другими право на власть) по своему отношению к существующему политическому режиму (как федеральному, так и региональному) может быть выявлен и описан для объяснения в лояльной, протестной, а также криминальной формах. По отношению к основным способам жизнедеятельности людей при осуществлении ими своего повседневного бытования в социуме такой авторитет может быть воспринят и проанализирован через призму наличествующих на отдельно взятой территории структур политического влияния политических лидеров (в том числе и партийного типа), бизнес-сообщества («автохтонного» или представительского вида) и элементов гражданского общества, в том числе в виде временных гражданских коллективов по месту жительства, возникающих для решения актуальных задач и «растворяющихся» по мере того, как поставленные цели оказываются достигнутыми. Для маркирования, измерения и интерпретирующего понимания потенциальности местной власти необходимо предложить (или разработать) адекватные инструменты, которые, учитывая природу организации и эволюции власти местного масштаба, органичной местным сообществам, не могут быть заимствованы из арсенала знаковых политического администрирования. При этом хорошая государственная политика (то, что в развитых демократических государствах на Западе принято обозначать как «good governance») в отношении местной власти в современных условиях обязана становиться разнообразной, гибкой и индивидуализированной, в то время как элемент манипулирования, субъективного программирования и принуждения к безусловному исполнению нормативных законодательных установок по мере укрепления государственных институтов будут, с большой долей вероятности, существенно ограничиваться, в том числе

и рутинным применением регулярных «контрольных закупок» в отношении регламентированных услуг, полномочий и функций. Немало надежд связывается и с воспитанием у новых поколений россиян такого уровня и качества гражданской культуры, при котором употребление государственных институций и навыков обращения с государственными механизмами для обустройства собственной жизни не угрожает устойчивости социального организма как целого.

С учетом сказанного нынешний этап общественной эволюции в его российской специфике может быть, по моему мнению, оценен как период относительно мирного сосуществования различных жизненных укладов и стратегий выживания на фоне обустройства переформатированных классовых структур, соответствующих современному социализирующемуся капитализму. Декомпозиция социальной реальности, доставшейся в наследство от советского государства, практически завершилась к концу первого десятилетия XXI века. Наступило и пока не исчерпано время дивергентного поиска новых моделей организации местного социума, соединенного с усилением «скрепляющей» функции государственной власти, для которой характерно нахождение соответствующего моменту баланса между центробежными и центростремительными общественными тенденциями. Конечно, в идеальном случае субъектам государственного властного влияния хочется иметь дело с саморегулируемыми и воспроизводящими нормальность человеческого существования социальными машинами, которые при этом способны генерировать инновации и быть открытыми для воздействия модернизационных технологических сдвигов глобального масштаба. Но в таком случае естественной опорой государственной власти, заинтересованной в обновлении общественных порядков, может и должна стать та властная составляющая в муниципальных образованиях и местных сообществах, которые не только фундируют собой муниципально организованную социальность на всей территории страны, но и обладает при этом собственным политическим ресурсом и может по этой причине выбирать свои пути и способы реализации ценностных установок, равно как и нормативных законоположений. Государственная политика в отношении местной власти в ближайшее время, по-видимому, будет подвергаться существенной корректировке, при этом, на мой взгляд, главной

экспериментальной площадкой для отработки новых форм взаимодействия федеральной, региональной и местной власти могут стать, по ряду причин, прежде всего крупные городские агломерации.

Естественным следствием корректировки государственных подходов к реализации предназначения местной и муниципально конституированной власти является запрос на новый тип лидеров, способных катализировать и/или реализовать целевые ориентиры государственности. Для выявления и ангажирования в сферу публичной политики способных к ней, социально приемлемым образом ориентированных и лично пригодных индивидуальных субъектов выработано немало эффективных методов. Однако основания для доминирования какого-то одного из них — к примеру, механизма «социальных лифтов» всегда могут быть подвергнуты сомнению и критическому переосмыслению. Субъекты политического действия нередко мотивированы объективными предпочтениями тех, кто составляет их массовую социальную опору или порождающую среду. При этом политические опыты и эксперименты прошедшего века породили, наряду с другими, правомерное сомнение в возможностях демократии как формы правления ради благополучного обустройства человеческих дел. Стало понятно, что механизмы активной защиты социальности способны быть обращены против нее самой, и одновременно стало неприемлемо игнорирование негосударственных форм конфигурирования политического пространства и политического времени. Эффективность же государства все более связывается в будущем с его умением быстро услужить всегда чем-то так или иначе недовольному носителю человеческих и инвестиционных ресурсов, а теперь также и гражданских атрибуций, чтобы оптимальным способом обеспечить удовлетворение заявленных ими потребностей [см.: 6]. С такой ситуацией человечество еще не сталкивалось, а потому опыт, к которому можно было бы обратиться и который можно было бы актуализировать, просто отсутствует как таковой.

Как мне представляется, потенциальные возможности, равно как и принципиальные ограничения, присущие местной власти в Российской Федерации, наиболее зримо проявляются во взаимодействии с «субнациональным» уровнем властных структур. Собственная компетенция региональных властей в отношении системы местного

самоуправления на подведомственной им территории законодательно относительно невелика, касается правового регулирования и формально ограничена рекомендациями в адрес независимых в пределах собственной компетенции органов муниципальной власти, однако на деле практически повсеместно предполагает осуществление повседневного и полновесного административного контроля за деятельностью органов и должностных лиц местного самоуправления. Постоянно балансируя на грани злоупотребления правом и превышения полномочий, региональная государственная власть, которую чаще всего олицетворяет фигура высшего должностного лица, в большинстве случаев не встречает сопротивления своим «принуждающим к закону» инициативам и достаточно редко сталкивается с фактами упорного отстаивания местной властью собственных интересов территориальных сообществ.

Однако такое положение вещей носит, судя по всему, временный характер. В этой связи региональная власть рано или поздно начнет выработать принципы и основные направления государственной политики в отношении местной власти и ее муниципальных институтов. Примеры из новейшей политической истории Ленинградской области, для многих являющейся «продвинутой и эталонной» в обосновании и способах реализации своей муниципальной политики, демонстрируют практически весь спектр возможных политических конфигураций в отношениях между государственной, муниципальной и местной властью, а также технологических способов удержания их в состоянии относительной устойчивости (стабильности). Одновременно

с этим выявляются субъектные констелляции, а также объективные обстоятельства, которые влияют на расклад региональных и сопряженных с ними федеральных политических сил, определяя тем самым действенность и эффективность региональных политических институтов и отдельных государственных деятелей. Перипетии и нюансы «малых» по масштабу, но весьма существенных по своей объективной политической значимости поступков, ситуаций и процессов, происходящих «на местах», могут послужить катализатором серьезных политических сдвигов в раскладе региональных политических сил, но могут оказаться и «камнем преткновения» для реализации модернизационных целей и программ [3, 106–178].

Таким образом, муниципальная среда и местная власть способны существенным образом скорректировать траектории развития социальных процессов на территории субъекта Российской Федерации, используя для этого средства и субъектов воздействия, которые могут проявить себя не менее влиятельными и эффективными, чем политические технологии государственного управления и государственные менеджеры. На нынешнем этапе государственного строительства в России местная власть и ее авторитеты становятся важным объектом изучения в качестве «агентов влияния» и субъекта имплементации государственного интереса, в силу своего особого положения открытости для диалога и договоренностей со всеми политическими силами. От того, кто и как сумеет ее «приручить» или «построить», зависит устойчивость складывающегося политического режима и темпы перехода страны к новому качественному состоянию.

1. Балобанов, А.Е. Об институционально природе местного самоуправления [Текст]/А.Е. Балобанов//15 лет российской государственности и развитие местного самоуправления. Сб. статей/под ред. А.Е. Балобанова, Э. Маркварта, Е.И. Шугриной. М., 2008. 300 с.
2. Барабашев Г.В. Местное самоуправление. М.: Изд-во МГУ, 1996. 352 с.; Местное самоуправление: Политологический подход.: Сб. статей/под ред. В.М. Долгова. Саратов, 1994. 78 с.; Павлова М.А. Местное развитие: международный и национальный опыт: Реф. обзор. М., 1992. 46 с.
3. Баранец, С.Н. Районный масштаб: зона реформ (философско-социологические этюды) [Текст]/С.Н. Баранец. Серия «Библиотека местного самоуправления», Выпуск 64. М., МОНФ, 2008. 188 стр. [Электронное издание]. URL: <http://www.mpsf.org/files/books/bms1463.pdf> (дата обращения: 10.04.2012).
4. Государственный совет Российской Федерации (материалы заседания Государственного совета Российской Федерации и официальные документы). Октябрь, 2002 г. М.: Изд-во «Известия», 2002. 418 с.
5. Кордонский, С.Г. Россия. Поместная федерация [Текст]/С.Г. Кордонский. М.: Европа, 2010. 312 с.; Его же: Со словная структура постсоветской России [Текст]/С.Г. Кордонский. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
6. World Economic Forum. The Future of Government. Lessons Learned from around the World. Report. [Cologny/Geneva, Switzerland. 2011]. URL: http://www3.weforum.org/docs/EU11/WEF_EU11_FutureofGovernment_Report.pdf (дата обращения: 16.04.2012).

МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И МЕСТНОГО СООБЩЕСТВА

УДК 342.55

К. А. АНТИПЬЕВ

По мере развития местного самоуправления в нашей стране всё очевиднее становится тот факт, что его социальная основа — местное сообщество — находится в состоянии апатии и крайней атомизации. Многие учёные и политики идут дальше и утверждают, что в России есть местное самоуправление без местных сообществ [4]. То есть имеется муниципальная собственность, муниципальный бюджет, органы местной власти, но социальная основа местного самоуправления так и не сформировалась. И несмотря на постоянные изменения, затрагивающие систему местного самоуправления, накапливающийся практический опыт, граждане имеют смутные представления и о местном самоуправлении, и о формах участия в нём. Муниципальная власть в свою очередь рассматривает население лишь как пассивный объект управления, играющий несущественную роль. Исключения делаются лишь в предвыборный период, когда муниципальная власть «идёт в народ», давая всевозможные обещания решения проблем и улучшения жизни. Но при этом в большинстве своём не имеет реальных ресурсов, что приводит к обратному эффекту. Ярким подтверждением тому является неуклонно снижающаяся явка на муниципальные выборы.

По-нашему мнению, одной из наиболее значимых проблем местного самоуправления является низкий уровень взаимодействия между местным сообществом и муниципальной властью. Разумеется, подобная проблема есть и на уровне федеральной и региональной властей, однако местная власть и политически, и социально, и территориально должна быть ближе к интересам и мнениям граждан. На основании имеющихся научных публикаций, собственных социологических исследований и исследований других учёных выделим несколько моделей взаимодействий между местным сообществом и муниципальной властью: конфронтационную, модель автономной активности, индифферентную и партнёрскую.

Основой конфронтационной модели является наличие конфликта между местным сообществом или его частью и местной

властью. Местные жители самоорганизуются с целью отстаивания своих прав и интересов, которые нарушаются либо самой местной властью, либо при её попустительстве (невмешательстве) другими субъектами. То есть местная власть, так или иначе, втягивается в данные конфликты. Причинами такой самоорганизации может быть конфликт местного сообщества с бизнес-структурами, местной властью, этническими диаспорами, «силовиками».

Поводом для конфликта с бизнес-структурами может служить уничтожение прилегающих к жилью лесных массивов или усложнение доступа в зоны отдыха, размещение вблизи жилых домов производственных объектов, разрушение исторических зданий и другие. Сюда можно отнести и различные другие локальные протесты, связанные с точечной застройкой территории, обманутыми дольщиками и другие.

Конфликт с местной властью зачастую провоцируют управленческие решения местных чиновников, ущемляющие права местных жителей, или самоустранение представителей власти от решения проблем. Так, в 2002 г. прошло достаточно организованное выступление в Воронеже: 25 тысяч человек вышли на митинг против высоких цен монополий, которые при покровительстве местной власти взвинтили тарифы на ЖКХ. Подобные факты в ряде регионов, по прогнозам, будут носить массовый характер [7]. Уровень доверия и авторитета местной власти характеризуется как достаточно низкий, что подтверждают и данные социологических исследований, и данные избирательных комиссий о явке на муниципальные выборы. В ходе проведённого в 2009 г. в Пермском крае исследования задавался вопрос об удовлетворённости гражданами тем, как городская (районная) власть решает местные проблемы. Ответы на этот вопрос среди опрошенных распределились следующим образом: 2,7% — да, вполне удовлетворен; 56,8 — не совсем; 35,9 — нет, не удовлетворен; 4,3 затруднились ответить (0,2 — не ответили). На вопрос анкеты: «Как вы считаете, прислушивается ли местная власть к жителям?» были получены

такие ответы: 3,5% — да, мнение жителей для власти важно; 63,5 — иногда прислушивается; 25,6 — нет, не прислушивается, не заинтересована в этом; 6,9 — затруднились ответить (0,5 — не ответили) [1, с. 28]. Показательно и то, что в 2011 году была зафиксирована очень низкая явка на выборы депутатов Пермской городской Думы. Избирательным правом воспользовалось лишь 23% горожан. Явка на муниципальные выборы в других муниципалитетах края составила лишь 31,5%. Исходя из этих данных, дистанция между местным сообществом и властью очевидна.

Конфликт с этническими диаспорами. Поводом обычно бывает неконтролируемое изменение социально-этнической структуры, вызванное сильным притоком мигрантов из постсоветских республик и российского Северного Кавказа. По многочисленным данным, сегодня в нашей стране не менее 10 миллионов мигрантов [6]. Из них менее миллиона находится на легальном положении. Проникновение диаспор в местный бизнес и структуры власти, низкая адаптация приезжих вызывают недовольство местного сообщества. Поводом может быть любой бытовой конфликт между «своими» и «чужими». Такие конфликты вспыхивают с достаточно высокой регулярностью, и информация о них быстро расходуется по СМИ. Сюда можно отнести конфликты в: г. Кондопога (Карелия); г. Москва (Манежная площадь), с. Карагай (Пермский край), п. Сагра (Свердловская область) и в целом ряде других.

Конфликт с «силовиками». Причинами является высокая коррумпированность силовых структур: покрытие преступлений, отказ от возбуждения уголовных дел. Сюда можно отнести и резонансные преступления, совершённые «людьми в погонах»: ДТП с гибелью людей, необоснованное насилие и др.

Такая самоорганизация всё чаще встречается в современной России и сильно ударяет по авторитету местной власти. Эскалация конфронтации происходит, когда местные власти либо закрывают глаза на возникшую проблему, либо стоят на позициях стороны, противостоящей интересам жителей (бизнесменов, диаспор, коррумпированного чиновничества). Самоорганизация жителей была бы невозможна, если возникшие проблемы непосредственно не затрагивали бы «болевы точки» местного сообщества.

Конфронтационная модель порождает лидеров, инициативные группы, вокруг которых происходит дальнейшее сплочение

жителей. Самоорганизация начинает снижаться после того или иного решения проблемы. Такая самоорганизация опасна для местных органов власти, особенно если информация о ней выходит за пределы населённого пункта, а тем более региона. Известны примеры, когда подобная конфронтация начинала приковывать к себе внимание региональной власти, федеральных политиков и даже первых лиц государства. Жители видят, что через протест, противостояние можно привлечь внимание к своим проблемам или даже решить их. В рамках такой модели происходит постепенная политизация ранее аполитичных жителей, которые начинают высказывать недовольство не только местной властью, но и неспособностью самой государственной машины реагировать на ситуации. Показательно, что не местные СМИ, а именно Интернет стал существенным каналом самоорганизации на почве социально-политической активности противостояния власти. Постоянно растёт число граждан, получающих информацию о местных проблемах и решениях местных органов власти из сети Интернет. Согласно данным наших исследований, среди респондентов младше 35 лет большее влияние имеет такой источник информации как Интернет. Если в 2002 г. им как источником информации о деятельности местной власти пользовалось лишь 5,0% респондентов [2, с. 78], то в 2009 — уже 12,2% [1, с. 29]. При реализации такой модели местная власть воспринимается жителями как враждебная сила, с которой следует бороться. Особенно очевидным влияние Интернета на сознание граждан стало после выборов в Государственную Думу в конце 2011 г., когда на форумах и социальных сетях оперативно вывешивали информацию (как истинную, так и ложную) о фальсификациях и нарушениях.

Основой индифферентной модели является отсутствие серьёзных «раздражающих» и объединяющих местное сообщество факторов и восприятие муниципальной власти как неизбежной обузы. Многие представители местного сообщества обладают высокой степенью безразличности к участию в решении вопросов местной жизни, их обсуждению с властью. Деятельность общественных организаций, инициативных групп находится на низком уровне и чаще всего не находит поддержки у жителей. Участие части местного сообщества в общественной деятельности воспринимается скорее как чудо. Местное сообщество в большинстве

населённых пунктов очень аморфно, стабильные горизонтальные связи между его членами и группами минимальны. Местную власть подобная ситуация устраивает, так как для внешнего окружения создаётся благоприятное впечатление.

С одной стороны, такая модель делает муниципальную власть ещё более неподконтрольной, с другой — любое, даже самое положительное начинание власти будет рассматриваться гражданами либо безразлично, либо враждебно.

Что же мешает населению более активно принимать участие в решении местных проблем? По мнению опрошенных нами в 2009 г. респондентов, прежде всего это: недоверие к власти (55,5%); отсутствие необходимой информации (46,2%); концентрация на личных (семейных, повседневных) проблемах (32,1%); неверие в свои силы (16,7%); 5,2% дали другие ответы и 5,8% затруднились ответить на поставленный вопрос. Как видим, основой безразличия является всё то же недоверие власти и отсутствие необходимой информации (тоже со стороны власти) [1, с. 28].

Основой модели автономной активности служит наличие на локальной территории достаточно сильных, авторитетных и разнообразных некоммерческих организаций и инициативных групп граждан. Самоорганизация граждан в такой модели осуществляется на основании решения каких-либо проблем своей территории проживания самостоятельно, без привлечения местных властей. Жители стремятся решать свои проблемы, лишь изредка обращаясь к местной власти. Инициаторами решения местных проблем становятся инициативные жители, общественные организации граждан. К проявлениям такой активности можно отнести: создание домовых (уличных) комитетов, ТСЖ, проведение субботников, благоустройство придомовых территорий и т.д. Такая активность не является политизированной, но местная власть одобрительно относится к ней, так как жители не просят финансовых средств и не требуют в своё распоряжение организационные возможности власти. Тревожным для местной власти является то, что такая модель может порождать авторитетных неформальных лидеров, желающих контролировать местную власть или самим стать властью. Однако, как показывает практика, подобная модель охватывает лишь часть местных жителей, большинство из которых при высоком недоверии к власти сами

действовать по улучшению условий своей жизни не готовы.

Какая же часть взрослого населения местного сообщества города (района) принимает участие в решении этих вопросов? По мнению большинства опрошенных нами, таких насчитывается до 25%. Чаще всего это участие в ежегодно проводимых субботниках. 74,2% респондентов прямо заявили, что в решении местных вопросов они не участвуют. Вместе с тем, каждый третий респондент (34,2%) хотел бы участвовать в муниципальном самоуправлении [1, с. 29].

Местное самоуправление, местная инициатива проявляется и в деятельности общественных, некоммерческих организаций. К сожалению, участие граждан в их деятельности незначительно: согласно нашему исследованию, таких всего 10,7%. Действительно, общественная активность не пользуется высокой популярностью у граждан. Так, по данным исследования других авторов, подавляющее большинство опрошенных (91%) полностью разделяют точку зрения о том, что активная гражданская позиция жителей, их энтузиазм способствуют улучшению социальной ситуации в муниципальных образованиях [4, с. 53]. Данный показатель свидетельствует, что, несмотря на многие недостатки этого вида управления, способность части граждан к «автономной активности» присутствует, но её массовости быть не может.

Последнюю модель можно назвать «партнёрской», она базируется на признании необходимости сотрудничества с местной властью. Мы осознанно используем термин «сотрудничество», так как о часто провозглашаемом «партнёрстве» в его содержательном плане речи просто быть не может. Сотрудничество может быть реализовано только посредством законных механизмов: публичные слушания, нормотворческая инициатива, создание гражданами ТОСов и другое. К сожалению, большинство граждан, пока еще недостаточно хорошо представляет себе систему властных и организационных отношений, сложившихся в современной России. Например, как показывают общероссийские опросы ВЦИОМ, большая часть населения страны (46%) отождествляет местное самоуправление с «представительством государства на местах, предназначенное для исполнения распоряжений государственной власти». Считают, что местное самоуправление — это «форма осуществления народом своей власти», 41% респондентов [3].

Рассматриваемая модель выгодна преимущественно местной власти, так как она позволяет подчеркнуть связь власти с интересами местного сообщества, декларировать учёт мнения жителей и поддержку гражданских инициатив. Но часто такое сотрудничество на практике носит декоративный характер, используется преимущественно в период предвыборных кампаний. За год-полтора до выборов депутаты представительных органов местного самоуправления, желающие переизбраться, и их конкуренты пытаются устанавливать контакты с общественными организациями, ТОСами и общественными активистами. В случае успеха с установлением контактов они используют имеющиеся на территории органы ТОСы, общественные организации, местные СМИ. В первую очередь делают ставку на «преданный электорат» – пенсионеров. ТОСы, домовые (уличные) комитеты, общественные объединения граждан в свою очередь стараются в предвыборный период максимально использовать средства кандидатов и их связи для решения своих проблем. Но после выборов интерес к взаимодействию с гражданами резко начинает падать, и сами граждане остаются разочарованные таким взаимодействием. В партнёрской модели младшим партнёром всегда становится местное сообщество.

Исходя из анализа данных собственных исследований 2002 и 2009 гг., исследований ВЦИОМ и ФОМ, материалов периодической печати, можно сделать вывод, что в настоящее время преобладающими моделями

являются первые две – конфронтационная и автономной активности. Пока же социальная база местного самоуправления крайне слаба. В местном сообществе присутствует готовность к ситуационному групповому возбуждению, но почти полное равнодушие к участию в решении более общих проблем. То есть, если отключат тепло, или на месте детской площадки решат построить автостоянку, или нетрезвый представитель полиции задавит пешехода, то граждане готовы самоорганизоваться, чтобы выразить возмущение. А вот на системный контроль за качеством муниципального заказа, участие в общественных объединениях и даже участие в муниципальных выборах, граждане в общей массе чаще всего проявляют пассивность. Негативное влияние на местное самоуправление оказывает стремление ряда политических партий искусственно политизировать его. Такая линия противоречит самой сути местного самоуправления как важнейшего элемента гражданского общества.

В заключении можно сделать вывод о том, что нужна стратегия государственного строительства, определяющая роль и место местного самоуправления. Такая стратегия должна стимулировать развитие более эффективной модели взаимодействия муниципальной власти с местным сообществом. Есть некоторая уверенность в том, что подобное предложение, судя по печати, найдёт своё отражение в обновляемой «Стратегии социально экономического развития страны до 2020 г.».

1. Антипов К.А. Местное самоуправление в оценках жителей Пермского края (по результатам социологического исследования) [Текст] / К.А. Антипов // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 11. С. 27-30.
2. Антипов К.А. Местное самоуправление в современном российском обществе. Пермь: Изд-во ПГТУ, ПСИ, 2002. 148 с.
3. Бызов Л.Г. Представление россиян о местном самоуправлении и его роли в системе власти [Электронный ресурс] / Л.Г. Бызов. URL: http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/11456.html?no_cache=1&cHash=0d511e1d88 (дата обращения: 12.12.2011).
4. Горный М. Местное сообщество и местное самоуправление [Электронный ресурс] / М.Горный // Пчела. Обзорные деятельности негосударственных организаций Санкт-Петербурга. 2003. №1 (41) URL: <http://www.pchela.ru/podshiv/41/control.htm> (дата обращения: 01.11.2012).
5. Мерсиянова И.В. Проблемы формирования социальной базы местного самоуправления в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. №1. С.52-66.
6. Пряхина Е. В человеческом измерении [Электронный ресурс] / Е. Пряхина. // Российская газета. 2011. 27 октября. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/27/a540151.html> (дата обращения: 01.11.2012).
7. Смирнов С. Госдума рождает протест [Электронный ресурс] / С.Смирнов. // Газета. 2012. 01 августа. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/08/01_a_4705533.shtml (дата обращения: 01.11.2012).

ИДЕОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА

УДК 323

М. К. АРЧАКОВ

Для политической жизни современного общества характерно многообразие идей, взглядов, убеждений, верований. Они имеют большое значение, но не сами по себе, а в связи с теми действиями людей, которые направлены на достижение определенных политических целей. Речь идет о формировании политического сознания, важным элементом которого выступает политическая идеология.

Будучи системой верований, убеждений, взглядов, идеология отражает общественно-политическую реальность через призму интересов больших социальных групп. А это предполагает познание и осознание этих интересов, разработку программных целей и средств их достижения. Следовательно, идеология представляет собой систему идей, теорий, ценностей, отражающих общественное бытие через призму интересов и целей определенной социальной общности; совокупность по преимуществу систематизированных представлений той или иной группы граждан, выражающую и призванную защищать их интересы и цели с помощью политической власти или воздействия на нее.

Выражая интересы определенных социальных групп, политические идеологии нацелены на объединение общества в целом. Однако поскольку в социально-структурированном обществе существуют различные социальные группы и классы, интересы которых не совпадают, постольку в нем постоянно происходит идеологическая борьба. А одна из важнейших задач идеологической борьбы состоит в том, чтобы особым интересам господствующих групп и классов придать форму всеобщего интереса и тем самым внедрить в сознание людей идею общности интересов всех социальных групп данного общества. Поэтому идеология предполагает борьбу за единство мировоззрения и ценностных установок, а также экспансию — навязывание этого мировоззрения (ценностных установок) с помощью социальных институтов.

Кроме того, любая идеология (как собственно и политика) выстраивается на основе противопоставления устойчивых архетипов «свой» — «чужой» во все времена присущих массовому сознанию.

Архетип «чужой», — это прообраз, который сопровождает человечество с первобытных времен. У примитивных сообществ он наделялся таинственными сверхъестественными силами, его следовало опасаться, поскольку «чужой» выступал в качестве некоего представителя враждебных сил, окружающих человека. С тех

пор он неотвязно преследует людей в разных жизненных ситуациях, олицетворяя угрозу, разрушение и смерть. «Чужой» — это представитель другой страны, нации, расы, класса, религии, убеждений, традиций и т.д. То есть «чужой» — это человек другой социальной общности.

«Чужой» существует потому, что есть «свой». Принадлежность к «своей» общности определяется через «свою» культуру, ее традиции, ценности, идеалы. В массовом сознании «чужому» приписываются мистические, враждебные, губительные для окружающих свойства, а также стремление достичь желаемого любыми средствами и любой ценой.

Отсюда противостояние «свой» и «чужие» приводит к появлению архетипа «врага», дополняется устойчивой верой в то, что любой выпадающий из «своей» общности автоматически становится «врагом», т.е. носителем ложных идей, взглядов, идеалов, частью враждебного «чужого» мира. В силу чего при абсолютизации противостояния «свой» — «чужие» и стремлении все общественные катаклизмы объяснить враждебными происками представителей других рас, наций, религий, классов, а также в кризисных исторических ситуациях различные идеологии приобретают экстремистские черты.

По нашему мнению, экстремизм — это идейно обоснованный вид политической деятельности определенных социальных субъектов, поставленных в критические, чрезвычайные условия существования и использующих нелегитимные и противоправные формы политического насилия для коренного изменения сложившейся ситуации. Поэтому экстремизм не может быть умеренным и всегда ориентирован на насильственное разрешение конфликта.

Экстремистская группа (организация, партия и т.п.) ищет выход из критической ситуации в попытке ее преобразования на основе осуществления прямого физического насилия с целью существенного улучшения статуса определенной социальной группы (интересы которой эта экстремистская организация отстаивает или претендует на это). В связи с чем базовым элементом деятельности подобной группы (организации, партии) выступает экстремистская идеология, выполняющая функцию обоснования применения нелегитимного политического насилия.

В современной науке еще не сложился четкий взгляд на проблему определения сущности экстремистской идеологии. Некоторые исследователи политического экстремизма, например, В.С. Мартынов, или вообще отрицают наличие экстремистской идеологии, утверждая, что

«не может быть отдельно существующего экстремистского политического мышления или экстремистской идеологии» [3, с. 84], или пытаясь определить сущность экстремистской идеологии, просто указывают на некоторые определенные идеи, которые можно представить в качестве общих критериев экстремизма. В качестве таких критериев обычно предлагаются «идеи социального, расового, национального неравенства, идеи фашизма, фундаментализма, геноцида и т.д.» [5, с. 111].

Нередко, не раскрывая понятия «экстремистская идеология», отдельные авторы сводят данную идеологию к различным проявлениям деятельности: «экстремисты пытаются апеллировать к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или иного учения (религиозного, политического и т.д.), пытаются обосновать свою деятельность на основе эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей, обращения к чувствам и предрассудкам людей, а не к их разуму» [1, с. 35].

Поверхностным нам кажется подход, который описывает лишь внешние, формальные признаки экстремистской идеологии. Так, например, В.А. Бурковская дает следующее определение экстремистской идеологии: «Идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки: 1) «однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов решения проблем; 2) разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гипертролизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, не соответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм» [2, с. 15].

На наш взгляд для выяснения сущности экстремистской идеологии необходимо, прежде всего, остановиться на проблеме ее становления. Появление экстремистской идеологии связано с непримиримыми противоречиями между различными социальными группами, в ходе обострения которых существование таких групп резко ухудшается или вообще оказывается под угрозой уничтожения.

Поэтому экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических условиях может принять любая идеология (любой социальной группы), правая или левая, буржуазная, мелкобуржуазная или пролетарская и т.д. Однако возникновение экстремистской идеологии всегда связано с отсутствием стремления к поиску компромисса между конфликтующими сторонами. Иными словами, экстремистская

идеология обосновывает необходимость применения нелегитимного насилия, как единственно оставшегося средства исправления сложившейся ситуации. Тогда как возможность заключения компромисса между враждующими сторонами отрицается полностью. Таким образом, экстремистская идеология является бескомпромиссной и не имеет умеренных форм.

Становление экстремистской идеологии, по нашему мнению, может происходить двумя путями: во-первых, путем трансформации радикальной идеологии (приобретение экстремистских черт) и, во-вторых, путем создания «новой» экстремистской идеологии на основе идеологической эклектики с привлечением различного рода идей, теорий, учений.

В первом случае для того, чтобы представить формирование экстремистской идеологии, нам необходимо обратиться к структуре идеологии. В идеологии, как правило, выделяют три уровня: «теоретико-концептуальный. На этом уровне формируются основные положения политической теории, обосновываются определенные ценности и идеалы, которые лежат в основе предлагаемого типа общественного устройства. Программно-директивный. На этом уровне социально-философские принципы и идеалы переводятся в конкретные политические программы, лозунги и требования политических элит, политических партий, формируя, таким образом, стратегию и тактику политической борьбы по отношению к солидарным или враждебным классам и социальным группам. Поведенческий. Внедрение в общественное сознание определенных идеологических установок в виде программ, лозунгов и требований приводит к определенному типу политического поведения» [6, с. 353].

По нашему мнению, любая идеология, в первую очередь, выступающая с позиций радикализма, при определенных исторических условиях, особенно если эти условия связаны с чрезвычайной критической ситуацией для какой-либо социальной группы (например, вопрос о ее дальнейшем существовании) приобретает экстремистские черты (призывы к осуществлению нелегитимного насилия). Соответственно, процесс проявления данных экстремистских черт связан с поведенческим уровнем идеологии. Именно в условиях общественной нестабильности, системного кризиса, чрезвычайных ситуаций происходит трансформация радикальных идеологических установок, которые теперь связываются исключительно с применением насилия; «вбрасывание» их в массовое сознание в виде лозунгов, призывов, требований, что в итоге приводит к формированию определенного типа поведения, которое проявляется через экстремистскую деятельность.

Вместе с тем формирование экстремистской идеологии не является прерогативой только радикально настроенной политической оппозиции. Поскольку экстремистские черты может приобрести любая идеология, даже в определенный момент официальная, государственная, присущая правящей партии или режиму. Это связано с определенными историческими условиями, а именно со сложившейся критической ситуацией для существования определенной правящей группы. В условиях, когда удержание власти данной группой ставится под вопрос, противостояние в обществе нарастает, оппозиция переходит к вооруженному провоцированию конфликта, правящий режим может прибегнуть к применению нелегитимного насилия (террор проправительственных структур, необоснованные репрессии и т.д.) для подавления политической оппозиции. Причем применение насилия в этом виде может обосновываться идеологическими установками, приобретающими явные экстремистские черты.

Таким образом, в целом, можно предположить, что в период обострения борьбы за власть, общественной нестабильности, чрезвычайной ситуации любая идеология может приобрести экстремистские черты. Причем базовые уровни идеологии (теоретико-концептуальный и программно-директивный) могут остаться без особых изменений, но на поведенческом уровне будут доминировать внедряемые в массовое сознание идеологические установки, обосновывающие применение нелегитимного политического насилия и способствующие таким образом появлению и развитию экстремистской деятельности. Следовательно, дальнейшая трансформация идеологических установок приводит последователей той или иной идеологии к убеждению, что достижение поставленной политической цели (завоевание или удержание власти, борьба за дальнейшее существование и т.д.) возможно лишь и только благодаря применению нелегитимного насилия (апологетика насилия).

Второй путь связан с созданием экстремистской идеологии, что называется «с чистого листа», когда идеологи, пытаясь привлечь разнообразные теории, учения, идеи формируют некую идеологическую конструкцию, призванную обосновать применение ничем не ограниченного насилия для достижения поставленной политической цели. То есть данная конструкция создается уже изначально как экстремистская и поэтому не имеет так называемого этапа трансформации или перехода, например, от радикальной формы идеологии к экстремистской.

На наш взгляд, процесс формирования экстремистской идеологии связан со своеобразной идеологической эклектикой. Согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой: «Эклектизм

(эклектика) — неорганическое, чисто внешнее соединение внутренне не соединимых взглядов, точек зрения, методов» [4, с. 894]. Для вновь создаваемой экстремистской идеологии, как правило, не характерна системность изложения теоретических идей и взглядов. Здесь важна «действенность» идеологии, возможность использования различных идей, теорий, учений для обоснования применяемых средств и методов достижения цели.

Например, подобной эклектикой отличалась идеология такой известной западногерманской экстремистской организации, как РАФ (Фракция Красной Армии). Так, на формирование идеологии РАФ оказали значительное влияние как марксистская теория, развитая в трудах В. И. Ленина, так и теоретические конструкции «новых левых», а также программы революционной борьбы движений «третьего мира».

Таким образом, можно отметить, что формирование идеологической платформы западногерманской левоекстремистской организации РАФ пошло по второму пути, связанному с созданием уже изначально экстремистской теоретической конструкции, призванной на основе своеобразной идеологической эклектики обосновать невозможность ведения легальной политической борьбы и поэтому необходимость применения нелегитимного политического насилия.

Несмотря на различные пути формирования, любой экстремистской идеологии, по нашему мнению, присущи характерные особенности (черты), позволяющие ее идентифицировать именно как экстремистскую идеологию:

1. Наличие идей социального, национального, расового и религиозного превосходства, выраженных в форме четких установок, провозглашающих и закрепляющих в соответствующих программных документах убеждение, что только представители данной социальной группы (класс, раса, нация, конфессия и т.п.) имеют право на достойное существование, управление государством, определение пути развития общества, тогда как другие социальные группы подлежат ограничению в правах и свободах, безграничной эксплуатации, насильственному подавлению или геноциду. Причем данные идеи социального, национального, расового и религиозного неравенства должны провозглашаться публично с использованием, как собственных агитационных материалов, так и других средств массовой информации.

2. Провозглашение и навязывание всему обществу такой формы общественного устройства, в которой наиболее полно реализованы интересы определенной социальной группы за счет интересов всех остальных представителей общества.

Причем нередко этот общественный идеал подвергается определенной мифологизации. Безусловно, любая идеология так или иначе мифологизирует социальную действительность, предлагая свой вариант строительства идеального общества. Но у экстремистских организаций мифология играет особую роль в создании определенного общественного идеала. Так, для многих экстремистских групп характерно стремление повернуть общество к некоему «идеальному состоянию», той или иной иллюзорной реальности (например, восстановить дореволюционную Россию, возродить прежний СССР, построить «новый» Третий Рейх, воссоздать Халифат периода праведных халифов и т. п.). В результате социальная реальность приобретает искаженные, утопические очертания. Вместе с тем, необходимо учитывать, что провозглашение того или иного, пусть даже особо утопического, общественного идеала еще не свидетельствует о формировании экстремистской идеологии. Но если основным средством навязывания такого идеала выступает осуществляемое той или иной группой нелегитимное политическое насилие, то вполне можно говорить о наличии экстремистской идеологии.

3. Преобладание деструктивных задач по разрушению враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий. Особенностью любой экстремистской идеологии является доминирование критической части над позитивной. Причем критическая часть, связанная с оценкой существующей социальной реальности, определяет ее как чрезвычайную для данной социальной группы и напрямую увязывает ее разрешение с единственно действенным средством – применением нелегитимного политического насилия. Неслучайно экстремистская идеология всегда реализуется через определенное действие (насилие) и без него, по всей видимости, существовать не может.

4. Присутствие в идеологических построениях своеобразной теоретической эклектики. Нередко та или иная экстремистская идеология базируется на интеллектуальных положениях, заимствованных из теоретических построений разных мыслителей, но редуцированных

до примитивного уровня. Это предполагает и достаточно упрощенную форму изложения, в которой отсутствуют строгая логика, развернутое теоретическое изложение и обоснование. Следовательно, для экстремистской идеологии большое значение играет не строгая теоретическая конструкция, а набор разного рода идей, положений, догм, которые в довольно упрощенной форме обосновывают ту или иную политическую цель и необходимость использования насилия для достижения данной цели.

5. На поведенческом уровне устойчивая ориентация на применение нелегитимного политического насилия в различных его формах: прямое физическое насилие, уничтожение или повреждение материальных объектов в политических целях, морально-психологическое насилие. Отсюда оправдание ничем не ограниченного насилия и призывы к его использованию.

Так, любая экстремистская организация, определив «врага», призывает к его ликвидации, уничтожению. Уничтожение врага, во-первых, выступает средством объединения и сплочения группы, во-вторых, позволяет индивиду-неудачнику, уничтожая других, устранить собственные недостатки, потому что именно страх собственного несовершенства заставляет человека так страстно ненавидеть его в других. Именно поэтому для экстремистов, террористов, религиозных фанатиков нет и не может быть невиновных, жертвы виновны уже потому, что они не соответствуют неким высшим идеалам. Следовательно, допустить возможность существования обозначенных жертв – значит подвергнуть сомнению собственную идеальность и ценности группы, с которой экстремист себя идентифицирует.

Таким образом, экстремистская идеология – это теоретическая конструкция, обосновывающая различные способы преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее оппонентов в ходе чрезвычайной исторической ситуации. В силу чего экстремизм должен рассматриваться как неадекватная форма преодоления исторически сложившегося положения, угрожающего существованию определенной социальной группы.

1. Арухов З. С. Экстремизм в современном исламе [Текст] / З. С. Арухов. Махачкала, 1999.
2. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России [Текст] / В. А. Бурковская. М., 2005.
3. Мартынов, В. С. Умножение зла добром [Текст] / В. С. Мартынов // Свободная мысль. 2008. № 5.
4. Ожегов С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 8000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1995.
5. Сазонов И. А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления [Текст] / И. А. Сазонов // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 2.
6. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие [Текст] / Под. ред. А. З. Дибирова. Махачкала, 2009.

О ПРИРОДЕ МОРАЛИ И РОЛИ ПРАВА В ЕЕ ФОРМИРОВАНИИ

УДК 340.12

Б. С. ШАЛЮТИН

О типичных заблуждениях в понимании соотношения права и морали

Существует ряд распространенных заблуждений, препятствующих действительному пониманию соотношения права и морали. Одно из них – легизм, согласно которому существование и возникновение права неразрывно связано с деятельностью и возникновением государства. Такой подход, казалось бы, позволяет легко и просто различить правовые и моральные нормы: «Право – это система порядка в обществе, наделенная государством принудительной силой, а мораль – система представлений о поведении в обществе, не обладающая такой силой» [6, с. 88]. Пока «не убий» не поддерживается государством, это лишь моральная норма, когда же ее формулирует и гарантирует государство, она становится также и правовой. Соответственно, моральная регуляция трактуется как внутренняя, а правовая – как внешняя, утверждается, что в основе первой лежит свобода, а второй – принуждение, что первая исторически предшествует второй. При этом обычно понимается, что государство берет под свою защиту не все, а лишь самые главные моральные нормы. Соответственно, мораль оказывается своего рода критерием и основанием права, а право – минимумом морали*. Такого рода взгляды сегодня в России весьма распространены: «Право основывается на общественной морали (нравственности)» [11, с. 147]; «Без моральных скреп любая правовая конструкция разрушится, словно картонный домик, ибо в основе любых правовых отношений лежат отношения моральные» [11, с. 148] «Право – это часть морали, обладающая потенциальной принудительной силой... но мораль не всегда есть право (та часть морали, которая не может быть подкреплена принуждением)» [6, с. 88]; «Право не должно противоречить морали... Многие правовые нормы закрепляют не что иное, как нравственные требования» [5, с. 10]; «С точки зрения общей системы ценностей, сложившихся в современном обществе, право должно отвечать требованиям морали» [1, с. 336]; «Юристы по роду своей деятельности изучают, толкуют, применяют прежде всего правовые нормы – это их специальность. Но они для оценки поведения субъектов правовых отношений и правильного разрешения возникающих коллизий

постоянно обращаются и к этическим критериям, ибо в основе права лежит мораль» [7, с. 215] и т.д. Однако понимание того обстоятельства, что право возникает вместе с обществом [14; 15], что оно является важнейшим фактором, конституирующим саму социальную ткань, лишает основы все эти утверждения.

Еще одна важная причина, мешающая корректной демаркации морали и права, связана уже не с проблемами правопонимания, а с содержанием морали. Известный современный английский этик Алан Монтефиоре говорит: «Если мы попытаемся перевести термин «мораль» с достаточно высокой степенью точности на язык иной культурной традиции или другого исторического времени, то мы столкнемся с существенными трудностями. Даже общее понятие того, что «мы» обычно называем моралью, не всегда можно реконструировать или объяснить на другом языке или в терминах другой традиции, т.е. отличной от того, что можно было бы назвать в самом широком и, конечно, нестрогом смысле современным «западным» миром и того, что порождено им» [8, с. 136].

Несомненный факт, который констатирует А. Монтефиоре, если вдуматься, есть нечто весьма удивительное. Он означает или столь кардинальное различие культур, что этот фундаментальнейший механизм регуляции в других культурах вообще отсутствует как нечто цельное, или что термин «мораль» как базовый концепт западной этики, на самом деле есть один из «идолов площади», то есть неправильно образованных понятий, которые лишь уводят от истины. Причем или – не исключающее. Попробуем в какой-то мере разобраться в этой ситуации.

Сегодня почти общепризнанным стало понимание того, что фундаментальной ошибкой трактовки морали в истории западной философии является ее крайняя рационализация. Критика рационалистической этики высказывается и в работах современных российских авторов, особенно А. А. Гусейнова: «Обоснование морали, – пишет он, – традиционная, к тому же центральная, тема философской этики» [3, с. 48]. При этом «обоснование – сугубо рациональная процедура. Уже в самом вопросе неявно заложена мысль, что мораль обязана оправдаться перед разумом, получить от него как бы

* Идея, восходящая к римлянам, ясно проговоренная Шопенгауэром, хотя в истории правовых учений ее почему-то обычно связывают только с Еллинеком и Соловьевым.

вид на жительство. Тем самым разум оказывается в царском кресле еще до того, как доказаны его права на трон» [2, с. 127]. Между тем, «мораль укоренена не в разуме, или, по крайней мере, не только в разуме». Она имеет «иную природу, иной источник, чем познающий разум» [2, с. 127].

Согласно Гусейнову, следует «принять мораль как атрибутивное свойство человека, как изначальную основу человеческой идентичности, которая для своего существования не должна получать санкцию познающего (чуть было не написал «надзирающего») разума» [2, с. 141]. Именно эта попытка всепроникающей интервенции разума в мораль, его метастазы, стремящиеся прорасти едва ли не в каждую клеточку нравственных отношений, привели к трансформации понимания (и, соответственно, понятия) морали, а отчасти и ее самой, поскольку, как точно замечает А. Гусейнов: «Этика, будучи знанием о морали и в качестве знания о ней, является также частью (моментом) самой морали» [4, с. 3]. Сегодня несамодостаточность познающего разума как базового регулятора человеческого поведения, в том числе якобы образующего фундамент морали, банальная истина, которой сопротивляются только «идолопоклонники разума*». Но если мораль имеет «иную природу, иной источник...», то каков же он?

О сопереживании как предпосылке морали и о роли права в ее становлении

Почти все этические учения предполагают провозглашение добра в качестве конституирующей (или одной из конституирующих) моральной ценности. «Мораль, согласно общепринятому пониманию, — это представление людей о добре и зле» [6, с. 88]; «Главное в морали — это представление о добре и зле» [7, с. 215]. Это достаточный резон, чтобы начать разговор о морали с понятия добра.

Из всего многообразия контекстов употребления этого понятия выберем наиболее простой. Что означает, что я добр к какому-либо? Наличие у меня действительного бескорыстного стремления к тому, чтобы ему было хорошо. Что может лежать в основе такого стремления? Ответ давно дал А. Шопенгауэр, которому и предоставим слово:

«Когда... [некто] совсем не стремится ни к чему иному, кроме как к тому, чтобы этот другой не потерпел ущерба или даже получил помощь, поддержку и облегчение. Только эта цель налагает на поступок или воздержание

от него печать моральной ценности, которая поэтому основана исключительно на том, что поступок совершается или не совершается просто на пользу и во благо другому лицу... Очевидно, это возможно лишь благодаря тому, что этот другой становится последнею целью моей воли, совершенно такую же, как в других случаях бываю я сам; благодаря тому, следовательно, что я совершенно непосредственно желаю его блага и не желаю его зла, столь же непосредственно, как в других случаях только своего собственного. А это необходимо предполагает, что я прямо вместе с ним страдаю при его горе как таковым, чувствую его горе, как иначе только свое, и потому непосредственно хочу его блага, как иначе только своего. Но это требует, чтобы я каким-нибудь образом отождествился с ним, т.е. чтобы по крайней мере до некоторой степени упразднилась та полнейшая разница между мною и всяким другим... Разобранный здесь процесс не вымышлен и не схвачен из воздуха, а есть процесс действительный, даже вовсе не редкий: это повседневный феномен сострадания, т.е. совершенно непосредственного, независимого от всяких иных соображений участия прежде всего в страдании другого, а через это в предотвращении или прекращении этого страдания... Лишь поскольку данный поступок берет начало в этом источнике, имеет он моральную ценность, а всякое действие, обусловленное какими-либо другими мотивами, лишено ее. Коль скоро возбуждается это сострадание, благо и зло другого становится непосредственно близким моему сердцу, совершенно так же, хотя и не всегда в равной степени, как в других случаях единственно мое собственное: стало быть, теперь разница между им и мною уже не абсолютна. Во всяком случае, процесс этот достоин удивления, даже полон тайны. Это поистине великое таинство этики, ее первофеномен...» [17, с. 205–206].

Поскольку никакого другого убедительного ответа на вопрос о том, откуда возникает бескорыстное стремление делать добро другому, без которого о морали говорить не приходится, в этической литературе не существует, мы приходим к выводу, что в основании морали лежит сопереживание**.

Способность сопереживания исходно возникает у высокоразвитых животных, чье поведение формируется в значительной степени после рождения. Пока особь не научится жить самостоятельно, сопереживание работает как механизм, обеспечивающий ей родительскую опеку и защиту. Дальнейшая животная эволюция расширяет функции сопереживания. Но это,

* Выражение А. Шопенгауэра.

** Сострадание — одно из его важнейших проявлений, однако само по себе сострадание объясняет лишь направленность против зла, но не позитивную направленность к добру, поэтому, на наш взгляд, термин «сопереживание» здесь более точен.

конечно, не означает, что в животном мире есть мораль. Акцентируемые обычно нравственное размышление и основывающийся на нем свободный выбор неверно абсолютизировать, однако их атрибутивность морали неоспорима.

Нравственное размышление, непосредственно предшествующее моральному действию или относительно отвлеченное, может включать в себя определение места некоторой ситуации в нормативном пространстве, сопоставление оценок ситуации в свете различных систем моральных норм, оценку норм в свете ценностных абсолютов, корректировку норм, моральных категорий и т. д.* Одна из существенных характеристик нравственного размышления заключается в том, что оно носит по преимуществу нормативный характер и представляет собой соотнесение нормативных высказываний с фактическими или с другими нормативными. Однако существовали ли в доправовой период нормативные высказывания?

Как отмечает Ф. Хайек, «человек, безусловно, не знает всех правил, которые управляют его действиями, в том смысле, что он не способен выразить их словами» [12, с. 61]. Это несомненно: неграмотный человек строит свою речь в соответствии с правилами грамматики, о существовании которых он не подозревает. По мнению Хайека, «в примитивном обществе вряд ли в меньшей степени, чем в животных сообществах, структура социальной жизни определяется правилами поведения, которые проявляют себя только в фактическом соблюдении. И лишь когда несогласие между индивидуальными умами достигает значительной степени, возникает необходимость выразить эти правила в такой форме, чтобы их можно было сообщать, преподавать, корректировать отклоняющееся поведение и договариваться при расхождении мнений о надлежащем поведении. Несмотря на то, что в истории, безусловно, не было такого периода, когда человек жил, не имея законов, которым он подчинялся, но на протяжении сотен тысяч лет он жил без законов, которые он «знал» — в том смысле, что был способен их сформулировать» [12, с. 61–62].

В постприродном доправовом и досоциальном мире [см.: 14] регуляция поведения осуществлялась через эмоции, группа представляла собой неразрывное единство, возможные внутригрупповые конфликты были не более чем ситуативными, рефлексии над правилами не требовалось и, следовательно, необходимости в их вербализации не возникало. Более того, нормативное высказывание имеет сложную логико-лингвистическую структуру, которая могла сформироваться только

в длительном процессе становления в рамках таких социальных процедур, которые ее требовали и создавали соответствующий мощный вектор логико-лингвистической эволюции, осуществляющий селекцию логических новаций и вербальных форм их фиксации, позволяющих формулировать и устанавливать деонтическую модальность. Поскольку в постприродном мире такой вектор отсутствовал, можно с полной уверенностью считать, что сами нормативные высказывания сформировались только в ходе развития (даже не становления) права.

Нравственное размышление, разумеется, в целом протекает по общим законам логики — иначе по отношению к нему применение термина «размышление» было бы некорректно. Соответственно, через него рациональная регуляция поведения проникает и в мораль. Поскольку рациональная регуляция предполагает и способность выбора, и поскольку обе эти способности формируются в процессе становления права, то историко-генетическое и функциональное отношение между правом и моралью выглядит совсем не так, как это принято считать.

Сопереживательная регуляция возникла задолго до юридической. Именно преодоление ее ограниченности стало правом. Сформировавшиеся в рамках становления права рациональная регуляция поведения и способность выбора, которые homo juridicus перенес в систему сопереживательной регуляции, вывели последнюю на уровень морали. То есть не право как целостный регулятор, а элементы, хотя и возникшие в его рамках, но достаточно автономные, чтобы они могли войти и в другие регулятивные системы, конституировали мораль на основе базовой и сущностной для нее сопереживательной регуляции.

Нравственное размышление как элемент системы моральной регуляции обладает в сравнении с юридическим кардинальной спецификой, фиксируемой Шопенгауэром: «При этом сострадание всегда остается наготове выступить, и поэтому, если когда-либо в единичных случаях принятое нами правило справедливости***(стр.66) начинает колебаться, то для поддержки его и для оживления справедливых намерений ни один мотив (оставляя в стороне эгоистические) не действует так сильно, как почерпнутый из самого первоисточника, из сострадания» [17, с. 211]. Сопереживание — своего рода критерий истины нравственных размышлений. «Если моя душа восприимчива до этой степени к состраданию, то последнее удержит меня, где и когда я для достижения своих целей захотел бы воспользоваться в виде средства чужим страданием» [17, с. 210]. По отношению

* Под несколько иным углом зрения об этих операциях говорит С.М. Шалютин [16, с. 222].

к нравственной сфере оно выступает как своего рода первоначало. И дело не только в том, что «сострадание всегда наготове», но и в том, что нравственные нормы и нравственные категории суть сконцентрированный опыт сопереживательного поведения, который они несут в себе в снятом виде. Таким образом, нравственное размышление синтезирует в себе рациональный и сопереживательный компоненты.

Наличие в моральной регуляции атрибутивного сопереживательного компонента коренным образом разделяет право и мораль. Право — чисто социальный регулятор. Мораль — регулятор социально-антропологический. Поэтому субъектами права могут выступать и нефизические лица, тогда как субъектами нравственного отношения и нравственного поведения — только люди.

Не менее существенной является и специфика морального выбора, также в значительной мере обусловленная сопереживательным основанием морали, который, в свою очередь, неразрывно связан с еще одним ее важнейшим и обычно игнорируемым или не понимаемым свойством — тем, что мораль регулирует отношения только в кругу своих. Самое страшное моральное преступление — предательство. Но предать можно только своего, чужого предать невозможно по определению. Аналогичным образом мораль осуждает, например, ложь: нельзя не вообще лгать, а лгать своим. Штирлица, искусно лгавшего всему его окружению, мы не осуждаем, поскольку это окружение нам враждебно. Эта ограниченность морали кругом своих имеет и иной, но тоже весьма важный аспект: мораль не действует на чужого — именно потому, что чужой не сопереживает: «Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы...».

Кто такие свои? С точки зрения охвата круг своих тождествен кругу тех, кому мы сопереживаем. С точки зрения формирования этих кругов, здесь есть двусторонняя зависимость. Если самоидентификация вписывает нас в общность, члены которой тем самым оказываются для нас своими, то при определенных обстоятельствах независимо от нашей воли у нас возникает сопереживание по отношению любому входящему в эту группу, например, в случае угрозы его жизни или здоровью. В то же время, если в силу тех или

иных обстоятельств сопереживание возникло по отношению к кому-то, кто ранее не входил в круг своих, он стал своим человеку, у которого возникло это чувство. Со-переживание, то есть совместное переживание, и есть та связь, которая поддерживает единство множества индивидов, являющихся по отношению друг к другу своими. Принятие кого-либо как своего и означает распространение на него презумпции сопереживания, а возникновение сопереживания по отношению к кому-либо, в свою очередь, означает его включение в число своих.

Рационалистская интерпретация морали, игнорирующая ее сопереживательную основу, не позволяет правильно осмыслить границы нравственной регуляции в смысле круга субъектов, отношения между которыми она может или не может регулировать. «Воинствующий рационализм» адресуется автономной разумной воле индивидуального субъекта, видя в ней персонафикацию универсального разума. При этом, даже если он соотносит этого субъекта с другими субъектами, они оказываются такими же персонафикациями. В рамках логики этического рационализма люди тождественны, и нет даже инструментария их дифференциации. Поэтому рационалистическая этика имманентно содержит претензию на всечеловечность (что, помимо всего прочего, несет опасность порождения насилия).

Не запрещено дискутировать, возможна ли единая охватывающая всех людей мораль. Однако фактом является то, что реальные нравственные системы работают по-другому. Поэтому, если не перепрыгивать на позицию морализаторства, а оставаться в рамках исследования реально работающих регулятивных механизмов, то рационалистическая интерпретация морали оказывается совершенно неадекватной и препятствует пониманию других этических проблем, в частности — характера морально выбора.

В развитых обществах у каждого человека есть не один круг своих, а несколько. Системы моральных норм у разных своих могут существенно различаться. В таком случае моральный выбор — это выбор не просто системы норм, но и тех, кто тебе более свои. Это обстоятельство делает моральный выбор несопоставимым

** Мы не вполне уверены в том, что категория справедливости является моральной. Есть большой резон в позиции В. С. Нерсесянца, утверждающего, что «справедливость — внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не неправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т.д.)» [10, с. 28]. Стоит упомянуть, что и Харт, хотя и относил справедливость к нравственности, подчеркивал, что справедливость составляет в ней «отдельный раздел» [13 с. 159], и что «суть моральной критики в терминах справедливости или несправедливости обычно отличается от других типов моральной критики и обладает особой спецификой, отличающей ее от других типов общей моральной критики» [13, с. 160]. Возможно, истина в том, что императив справедливости, возникнув в рамках становления права (что несомненно), также интегрируется в мораль, определенным образом модифицируясь, в результате чего возникает то, что называют моральной справедливостью. Однако более детальное обсуждение уведет нас слишком далеко в сферу философии морали, что не входит в задачи данной работы.

более трудным в сравнении с другими актами выбора.

Непонимание специфики морального выбора имеет много негативных последствий, в том числе вполне практических. В качестве примера можно привести проблемы, возникшие в России в связи с введением судов присяжных. Человеческий индивид не является отдельно субъектом юридическим и отдельно моральным. Присяжный, принимая решение, руководствуется не только правом, но и моралью. А мораль предполагает определение круга своих. В тех обществах, где характер самоидентификации жестко вписывает индивида в некоторую группу, ярко выражено отграниченную от других, морально-сопереживательная регуляция подминает правовую, и присяжному становится безразлична юридическая сторона вопроса. «Застарелый конфликт между племенной моралью и универсальными требованиями справедливости на протяжении всей истории проявлялся в виде повторяющихся столкновений между чувствами преданности и справедливости. И поныне преданность таким особым группам, как классы или профессии, а также клан, нация, раса или религиозные сообщества, является величайшим препятствием для универсального применения правил справедливого поведения» [12, с. 314]. Когда подсудимый свой, а потерпевший чужой, — присяжный примет решение в пользу подсудимого. Когда подсудимый чужой, а потерпевший свой, — он примет решение против подсудимого. Если ситуация такова, что работает «самосознание отдельного человека как признающее сущностную идентичность с другими в такой степени, как будто другие составляют часть его самого» [9, с. 365], то на самом деле здесь нарушается

фундаментальнейший принцип современного процессуального права: *nemo iudex in propria causa**. Суд присяжных может быть орудием вершения справедливости лишь в развитом гражданском обществе, где «принадлежность к особым группам есть дело добровольное» [12, с. 314]. В российских дискуссиях относительно судов присяжных отсутствует один из фундаментальных аргументов, что обусловлено теоретической ошибкой частичного смешения морали и права, непонимания природы их радикального различия и, соответственно, неадекватного проведения демаркационной линии.

* * *

Итак, ошибочными являются распространенные взгляды на соотношение морали и права, состоящие в том, что мораль предшествует праву, является его критерием, а право представляет собой «минимум морали», то есть совокупность важнейших моральных норм, взятых государством под силовую защиту. В действительности мораль и право — принципиально различные по своей природе регуляторы поведения. Право представляет собой систему обязательств, взятых на себя свободными равными субъектами перед лицом друг друга. Становление правовой регуляции является фактором формирования общества, конституирует способность выбора и рационального управления поведением. Онтологической предпосылкой морали является способность сопереживания, унаследованная людьми от животных. Мораль возникает через интеграцию в сопереживательную регуляцию поведения способностей выбора и рационального управления поведением, возникших в логике становления права.

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999.
2. Гусейнов А. А. Мораль и разум // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб., 1999.
3. Гусейнов А. А. Обоснование морали как проблема // Мораль и рациональность. М., 1995.
4. Гусейнов, А. А. Понятие морали [Текст] / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. Вып. 4. М., 2003.
5. Кобликов А. С. Юридическая этика. Учебник для вузов. М.: НОРМА, 1999.
6. Лившиц Р. З. Теория права: Учебник. М.: Бек, 2001.
7. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2002.
8. Монтефиоре А. Личная тождественность, культурная тождественность и моральное рассуждение // Мораль и рациональность. М., 1995.
9. Myers, F. R. Emotions and the Self: A Theory of Personhood and Political Order among the Pintupi / F. R. Myers // Ethos. V. 7. 1979. P. 365.
10. Нерсесянц В. С. Философия права. М.: ИНФА-М, 1997.
11. Поляков, А. В. Общая теория права [Текст]: Учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
12. Хайек, Ф. А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики [Текст] / Ф. А. Хайек. М.: ИРИСЭН, 2006.
13. Харт Г. Понятие права [Текст] / Г. Харт. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 159.
14. Шалютин, Б. С. Правогенез как фактор становления общества и государства [Текст] / Б. С. Шалютин // Вопросы философии. 2011. № 11.
15. Шалютин, Б. С. Становление права [Текст] / Б. С. Шалютин // Государство и право. 2011. № 5.
16. Шалютин, С. М. Машины. Люди. Ценности [Текст] / С. М. Шалютин. Курган, 2006.
17. Шопенгауэр А. Об основе морали // Свобода воли и нравственность. М., 1992.

* Никто не может быть судьей в собственном деле.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ОПЛАТЫ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 342.734

В. А. ВАСИЛЬЕВ

Российская Федерация, являющаяся в соответствии с Конституцией социальным государством, приняла на себя обязанности по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина, включая те, которые относятся к социально-трудовой сфере. В соответствии с ч. 3 ст. 37 Конституции РФ к числу основных конституционных прав работников относится право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. Запрет дискриминации в оплате труда включает в себя критерии, определённые ст. 19 Конституции РФ, запрещающей любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

В соответствии со ст. 133 Трудового кодекса РФ (далее ТК РФ) минимальный размер оплаты труда не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного населения. В статье 421 ТК РФ оговорено, что порядок и сроки поэтапного повышения минимального размера оплаты труда до размера, предусмотренного ч. 1 ст. 133 настоящего Кодекса, устанавливаются федеральным законом. Таким правовым актом стал Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», также определивший, что минимальный размер оплаты труда поэтапно повышается до величины прожиточного минимума. Несмотря на неоднократные повышения минимального размера оплаты труда (МРОТ), выравнивания с прожиточным минимумом не произошло (см. табл. 1).

Еще в 2007 году участники Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений со стороны профсоюзов настаивали на включении в соглашение пункта, согласно которому МРОТ должен был бы достичь прожиточного минимума к 2008 году. Однако Правительство Российской Федерации, ссылаясь

на увеличение безработицы и другие плохо управляемые тенденции в экономике, настаивало на продлении этого срока до 2011 года [6]. По данным Комитета Государственной Думы по труду МРОТ (в наст. время – 4611 руб.) составляет 63% от прожиточного минимума трудоспособного человека. По сравнению с предыдущими периодами положительные изменения имеются. Например, в 2005 г. МРОТ (720 руб.) составлял 30% прожиточного минимума (2363 руб.) Но деструктивные последствия от несоответствия МРОТ и прожиточного минимума если и меняются, то в незначительной степени. Установление заработной платы ниже прожиточного минимума означает как ограничения в потреблении, развитии для работников и членов их семей, так и низкую эффективность общественного производства. Сегодня мы в 2–3 раза отстаём по производительности труда от экономически развитых стран. Этот разрыв сокращается там, где осуществлена модернизация производства, используются высококвалифицированные и высокооплачиваемые работники. Низкая оплата труда – это застой в экономике, в развитии общества, деградация личности.

Пытаясь стимулировать работников и одновременно снизить налоговую нагрузку, работодатели нередко прибегают к официальной выплате только части реальной заработной платы, и именно её размер указывается в трудовом договоре. Остальная часть зарплаты выплачивается «в конверте». Работники, находясь в условиях жесткой конкуренции на рынке труда, пристальное внимание уделяют размеру заработной платы, а не её легальности. Таким образом, они попадают в зависимость от работодателя, поскольку тот может по своему усмотрению распоряжаться серой частью зарплаты – может лишить премии или выплачивать компенсацию за неиспользованный отпуск, исходя из белой или всей зарплаты, в меньшем размере оплачивать листки нетрудоспособности [2].

Таблица 1
Динамика изменения МРОТ в России с 2000 по 2011 год

Срок, с которого установлен минимальный размер оплаты труда	Сумма минимального размера оплаты труда (руб., в месяц)	Нормативный акт, установивший минимальный размер оплаты труда
с 1 июня 2011 г.	4611	ст. 1 Федерального закона от 01.06.2011 № 106-ФЗ
с 1 января 2009 г.	4330	ст. 1 Федерального закона от 24.06.2008 № 91-ФЗ
с 1 сентября 2007 г.	2300	ст. 1 Федерального закона от 20.04.2007 № 54-ФЗ
с 1 мая 2006 г.	1100	ст. 1 Федерального закона от 29.12.2004 № 198-ФЗ
с 1 сентября 2005 г.	800	ст. 1 Федерального закона от 29.12.2004 № 198-ФЗ
с 1 января 2005 г.	720	ст. 1 Федерального закона от 29.12.2004 № 198-ФЗ
с 1 октября 2003 г.	600	ст. 1 Федерального закона от 01.10.2003 № 127-ФЗ
с 1 мая 2002 г.	450	ст. 1 Федерального закона от 29.04.2002 № 42-ФЗ
с 1 июля 2001 г.	300	ст. 1 Федерального закона от 19.06.2000 № 82-ФЗ
с 1 января 2001 г.	200	ст. 1 Федерального закона от 19.06.2000 № 82-ФЗ
с 1 июля 2000 г.	132	ст. 1 Федерального закона от 19.06.2000 № 82-ФЗ

Закрепившая право на труд Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., гласит, что «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи, и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения» (ст. 23) [3]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый 19 декабря 1966 г., ратифицированный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. и вступивший в силу 3 января 1976 г., конкретизирует понятие «достойная жизнь» в отношении каждого человека. Ст. 11 названного правового акта определила, что под этим понимается «достаточный жизненный уровень для него самого и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище и непрерывное улучшение условий жизни».

Конституция РФ содержит норму-декларацию о том, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Незначительна правовая ценность этой нормы, поскольку

её нельзя применить на практике в связи с её неопределённостью. Учеными обоснованно отмечается, что «здесь скрывается серьёзный недостаток Конституции РФ, где вместо нормы-принципа, которая должна пронизывать всё правовое поле государства и все отрасли законодательства, фиксируется норма-декларация, негодная к применению ни законодателем, ни судьями, ни правоприменителями» [4].

Положения об оплате труда, содержащиеся в названных ранее международных актах не нашли отражения и в ст. 37 Конституции РФ. Предусмотренное этой статьёй право каждого на вознаграждение не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда не идентично праву на удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное существование человека и его семьи, включающее достаточное питание, одежду и жилище, и непрерывное улучшение условий жизни. Не гарантирует ст. 37 Конституции права каждого человека на получение возможности зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает.

В конституциях ряда стран, например, Великобритании, США, Японии не оговаривается, каким должен быть размер оплаты труда. В ст. 27 конституции Японии, принятой

парламентом страны, вступившей в силу 3 мая 1947 г., закреплено, что «заработная плата, рабочее время, отдых и другие условия определяются законом». Законодательством установлен минимум оплаты труда в 2000 долларов. Это стартовый размер, который в последующем увеличивается не только в связи с приобретением опыта, но и в зависимости от таких факторов как создание семьи, рождение ребёнка, покупка жилья и др.

В конституциях США и Великобритании также не оговорено, какой должна быть оплата труда. Но в этих странах традиционно значительна роль профсоюзов, имеют большое значение коллективные договоры, соглашения о труде. В ряде конституций других стран закреплено право работников на вознаграждение за труд для обеспечения достойного существования. Так, в ст. 36 конституции Италии 1947 г. установлено, что трудящийся имеет право на вознаграждение, соответствующее количеству и качеству его труда, и достаточное для обеспечения ему и его семье свободного и достойного существования. Конституцией Индии, принятой Учредительным собранием в 1949 г., определено, что государство стремится обеспечить с помощью соответствующего законодательства или экономической организации или любым другим способом всем сельскохозяйственным, промышленным и другим рабочим работу, прожиточный минимум, обеспечивающий удовлетворительный уровень жизни и полное использование досуга, социальных и культурных возможностей.

Некоторые учёные полагают, что необходимо закрепление в Конституции РФ права на вознаграждение за труд, которое бы обеспечивало существование человека. По их мнению, такая формулировка, (а не привязка МРОТ к прожиточному минимуму на конституционном уровне) позволила бы гражданам оспаривать и размер самого прожиточного минимума [1].

Такое предложение нельзя не отнести к дискуссионному. Вызывает сомнение, что внесение такой поправки в Конституцию РФ позволит гражданам успешно оспаривать размер прожиточного минимума. Использование в указанной ситуации термина «существование» — философской категории, синонима бытия материи и сознания, вряд ли способствовало бы её разрешению. И сегодня уровень жизни многих граждан даёт основание полагать, что они существуют. Главное заключается в том, обеспечивает ли получаемое работником вознаграждение достойное существование его и членов семьи. В ч. 3 ст. 37 Конституции

после слов «и на вознаграждение без какой бы то ни было дискриминации» следует указать: «достаточное для обеспечения ему и его семье достойного существования», исключить положение не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда».

Акцент на правах человека, доминирующий в современных условиях в анализе большинства проблем, с которыми столкнулась юридическая наука, усиливает необходимость разработки и утверждения в законодательном порядке государственных гарантий в социальной сфере. Стандарты в социально-трудовых отношениях призваны стать стандартами качества жизни. В Государственной Думе Федерального Собрания РФ был подготовлен проект Федерального закона «О минимальных государственных стандартах». Предполагалось, что Закон должен способствовать реализации гарантий и прав граждан в таких областях, как здравоохранение, образование, культура, жилищно-коммунальное хозяйство и др. Законопроект был принят в июне 2003 г. лишь в первом чтении.

С принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, кардинально изменившего всю систему социальной защиты граждан, из ст. 6 Бюджетного кодекса РФ от 31 июля 1998 г. было исключено понятие минимальных государственных стандартов. Если учесть, что под стандартами, о которых идет речь, понимались услуги, которые должны предоставляться на безвозмездной и безвозвратной основе за счет бюджетов всех уровней на определенном минимально допустимом уровне на всей территории России, то в настоящее время размытость, недостаточная конкретность социальных обязательств не позволяет очертить круг полномочий граждан в указанных отношениях.

Малорезультативным по этим причинам может оказаться в этих случаях и осуществление представительства, защиты прав и интересов работников. Разрешению ситуации способствовало бы возвращение к проекту Федерального закона «О минимальных государственных социальных стандартах», рассмотрению его в Государственной Думе Федерального Собрания РФ.

С учётом истекшего с момента его подготовки значительного отрезка времени вряд ли целесообразно принятие его в прежней редакции. Во-первых, ряд конструктивных предложений содержится в экспертном заключении на проект Федерального закона «О минимальных государственных социальных стандартах». По мнению экспертов, названию законопроекта должен

соответствовать значительно более широкий объем регулируемых отношений, связанных с установлением не только перечня, видов, но и количественных и качественных значений данных стандартов (конкретных требований к объему и качеству предоставления бесплатных социальных услуг гражданам России на минимально допустимом уровне). Экспертное заключение в этой части заслуживает поддержки. Такой подход к содержанию законопроекта в большей степени соответствует понятию «стандарт» (от англ. standart – норма, образец, мерило), под которым обычно понимается образец, нормативно-технический документ, устанавливающий совокупность норм, правил, требований к объекту стандартизации.

Во-вторых, заключение экспертов с учетом времени его принятия (16.07.2003 г. – В.В.) также нуждается в дополнении. Следовало бы предусмотреть в законопроекте раздел «социальные трудовые стандарты (нормативы)». Их статус должен определяться путем переговоров с участием представителей работников и работодателей. Социально-трудовые стандарты (нормативы) могут устанавливаться при принятии генеральных соглашений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ, а также отраслевых, межрегиональных, региональных соглашений, коллективных договоров. Это отвечало бы положениям Конвенции МОТ № 150 о регулировании вопросов труда: роль, функция и организация (1978 г.). Конвенция предусматривает возможность для государства передавать или получать определенную сферу деятельности в области регулирования вопросов труда неправительственным организациям предпринимателей и трудящихся.

На решение названных вопросов ориентирует Хартия Европейского сообщества об основных социальных правах трудящихся, принятая главами государств и правительств стран – членов Европейского сообщества в Страсбурге 9 декабря 1989 г., предусматривающая, что

реализация гарантий и прав граждан должна осуществляться в таких областях, как:

- оплата труда (справедливое вознаграждение за труд);
- охрана здоровья и безопасность на производстве;
- профессиональная подготовка.

Для реализации названных прав необходимо использование правовых механизмов, мер защиты, поскольку провозглашения названных прав недостаточно. Особенности защиты определяют:

- объект защиты, т.е. права и свободы в социально-трудовой сфере;
- субъекты защиты названных прав, которыми являются работники, их представители (представительные органы), работодатели, их представители (представительные органы), общественные организации, создаваемые по инициативе одной из сторон трудовых отношений, действующие в её интересах;
- способы защиты, включая в себя трудовые споры, самозащиту и др.

При этом, когда речь идёт о защите конституционных прав и свобод, сочетаются государственное регулирование и саморегулирование. В.Е. Чиркин обоснованно отмечал, что среди различных видов управления в обществе особое место занимает общественное управление, которое может осуществляться в форме самоуправления, саморегулирования. Саморегулирование – это управление внутри коллектива, которое в той или иной форме существует в любом коллективе. Если государство – составная часть общества осуществляет функции по отношению к обществу – всеобъемлющему коллективу данной страны, то регулятивные органы коллективов, избранные им должностные лица действуют от имени коллективов в целях решения общих дел и урегулирования общественно значимых конфликтов [5].

Вступление в Совет Европы свидетельствует не только о международном признании достижений России в защите прав человека и основных свобод, но одновременно является побуждающим фактором для дальнейшей работы в этом направлении.

1. Геворкян М. В. Право на труд как основное (конституционное) социально-экономическое право [Текст] / М.В. Геворкян // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 39.
2. Ломакин А. Серая зарплата [Текст] / А. Ломакин // Трудовое право. 2012. №7. С. 32.
3. Международные акты о правах человека. Сборник документов. М.: Изд. Норма-Инфа-М, 1998. 197 с.
4. Национальная идея России [Текст]. В бт. Т.6 Авторский совет: В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, М.В. Вилисов С.Г. Кара-Мурза, В.Н. Лексин, М.: Научный эксперт. 2012. С. 4083.
5. Чиркин В.Е. Публичное управление [Текст] / В.Е. Чиркин: учебник. М.: Юристъ, 2004. 235 с
6. Шмелева Е. О минимальном размере оплаты труда [Текст] / Е. Шмелева // Финансовая газета. 2012. 31 мая.

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА

УДК 343.140.02

И. Н. ПУСТОВАЯ

Возмещение вреда, причиненного преступлением, — это одно из назначений уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ, выражающееся в «защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений». Защита прав и законных интересов потерпевших в уголовном судопроизводстве обеспечивается по средствам уголовного преследования лиц, совершивших преступление, выявления размеров вреда, причиненного преступлением, и принятия мер по обеспечению его возмещения, осуждения и справедливого наказания виновных. При выявлении лица, совершившего преступление, наиболее актуальным является вопросы по защите прав потерпевших, связанные с возмещением вреда, причиненного потерпевшим и принятием мер по его обеспечению.

В статье 30 УПК РСФСР «Обеспечение возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и исполнение приговора в части конфискации имущества» указывалось, что «при наличии достаточных данных о причинении преступлением материального ущерба орган дознания, следователь, прокурор и суд обязаны принять меры обеспечения предъявленного или возможного в будущем гражданского иска» [9]. В целях обеспечения гражданского иска на следователя возлагалась обязанность наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем (ст. 175 УПК РСФСР). Таким образом, в соответствии с УПК РСФСР следователь был обязан наложить арест на имущество независимо от того, был ли заявлен гражданский иск в период расследования уголовного дела, что соответствовало защите прав потерпевших в части возмещения имущественного вреда, причиненного преступлением.

Действующий УПК РФ в конкретной норме прямо не определяет обязанность следователя, дознавателя по обеспечению гражданского иска, как это имело место в УПК РСФСР. Обязанности следователя, дознавателя, направленные на защиту прав потерпевших, отражаются в нескольких нормах УПК

РФ. Так, ч. 1 ст. 11 УПК РФ обязывает суд, прокурора, следователя, дознавателя разьяснять потерпевшему, гражданскому истцу их права и обязанности и обеспечивать возможность осуществления этих прав. При анализе прав потерпевшего отмечается, что ему обеспечивается возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 42 УПК РФ), при этом не отражено, на кого возлагается эта обязанность.

Возмещение морального вреда в денежной форме законодатель относит только к компетенции суда при условии, что заявлен иск потерпевшим. Размер денежной компенсации морального вреда определяется при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства (ч. 4 ст. 42 УПК РФ) [10].

Изучение практики показало, что следователь, дознаватель в устной форме разьясняют права потерпевшим, предлагая расписаться в соответствующем постановлении. Копия постановления о признании лица потерпевшим не всегда выдается на руки лицу, в результате чего потерпевший не знает всех своих прав, предусмотренных законом, поэтому гражданский иск на стадии предварительного расследования не всегда предъявляется.

Полагаем, что нормы УПК РСФСР, обязывающие принимать меры обеспечения возмещения материального ущерба по предъявленному иску или иску, который может быть предъявлен в будущем, более конкретизировали деятельность по защите прав потерпевших (ч. 1 ст. 30 УПК РСФСР), чем действующее законодательство. Поэтому в целях обеспечения гарантии защиты имущественных прав потерпевших следовало бы ст. 42 УПК РФ дополнить частью 3.1 такого содержания: «Обеспечение возмещения имущественного вреда потерпевшему осуществляется следователем, дознавателем, судом, судьей путем принятия мер к его возмещению или заглаживанию либо признания лица гражданским истцом при отсутствии его отказа и принятия мер по обеспечению гражданского иска».

В уголовном судопроизводстве проводятся процессуальные действия, направленные на непосредственную защиту нарушенных

имущественных прав потерпевших, которые рассматриваются как способы возмещения вреда, причиненного преступлением [8, с. 8]. Законодатель указывает на следующие способы возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшему.

1. Возвращение потерпевшему похищенного имущества, которое признано вещественным доказательством (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

2. Заглаживание вреда, причиненного потерпевшему подозреваемым, обвиняемым (ст. 25 УПК РФ).

3. Добровольное возмещение вреда, причиненного потерпевшему в результате преступления подозреваемым, обвиняемым (п. «к» ч. 1 ст.ст. 61, 75 УК РФ).

4. Разрешение гражданского иска в уголовном процессе (ст. 44, п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

5. Возмещение имущественного вреда по инициативе суда (п.п. 10, 11, 12 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

Необходимо отметить, что на стадии предварительного расследования действия, направленные на возмещение вреда потерпевшему, могут не иметь положительного результата, несмотря на все усилия органов расследования. В результате этого физическому или юридическому лицу предоставляется право заявить требование о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением (представляя исковое заявление), т.е. предъявить гражданский иск. Если имущественный вред не был возмещен на стадии предварительного расследования, то следователь и дознаватель выносят постановление о признании лица гражданским истцом (ч. 1 ст. 44 УПК РФ). Разрешение гражданского иска по уголовному делу производится в приговоре суда при рассмотрении уголовного дела по существу.

Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска следователь и дознаватель принимают меры по наложению ареста на имущество обвиняемого, подозреваемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем подозреваемым, обвиняемым.

Таким образом, закон предусматривает процессуальные меры, осуществляемые органами предварительного расследования по обеспечению гражданского иска, но непосредственно такую обязанность на них

не возлагает. О чем свидетельствует п. 5 ст. 228 УПК РФ, в соответствии с которым судья, по поступившему в суд уголовному делу, должен выяснить, приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Если такие меры приняты не были, то в порядке ст. 230 УПК РФ судья выносит постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением. Следовательно, выявляются пробелы в законодательстве, которые четко не регламентируют деятельность органов предварительного расследования, в частности следователя, дознавателя по защите прав потерпевшего, поэтому предлагаем в ч. 1 ст. 44 УПК РФ, после слов «судьи, следователя, дознавателя» внести дополнение «обязывающее их принять меры к обеспечению гражданского иска».

Как ранее отмечалось, обеспечение исполнения приговора в части гражданского иска осуществляется путем наложения ареста на имущество. Правовая основа наложения ареста на имущество закреплена в ст.ст. 111, 115 УПК РФ. Глава 14 УПК РФ относит наложение ареста на имущество к иным мерам процессуального принуждения, направленным на обеспечение порядка уголовного судопроизводства.

Наложение ареста на имущество – это принудительная мера, состоящая в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (ч. 2 ст. 115 УПК РФ). Применение данной процессуальной меры не лишает лицо его конституционного права, предусмотренного ст. 35 Конституции РФ, права на частную собственность, а только существенно его ограничивает, что предусматривается ст. 55 Конституции РФ [4, с. 12, 17]. Соответствующее ограничение осуществляется по решению суда на основании ходатайства лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Анализируя ст. 115 УПК РФ, можно определить участников уголовно-правовых отношений при наложении ареста на имущество. Одну сторону представляют участники, имеющие право обратиться с ходатайством в суд о наложении ареста на имущество: следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, прокурор. Другую сторону представляют участники, на имущество которых может быть наложен арест:

- 1) обвиняемый;
- 2) подозреваемый;
- 3) лица, несущие по закону материальную ответственность за действия обвиняемого, подозреваемого, которыми являются законные представители: родители, усыновители или попечители несовершеннолетнего (ст. 1074 ГК РФ) [1];
- 4) иные лица, если есть достаточные основания полагать, что у них находится имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) [13, с. 142].

В УПК РФ не определяется время наложение ареста на имущество, до предъявления гражданского иска на стадии предварительного расследования или после его предъявления. Ответ на данный вопрос содержится в методических рекомендациях, представленных для использования в практической деятельности первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Ю. С. Бирюковым «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущества и ценные бумаги, денежного взыскания». В разделе методических рекомендаций, касающихся наложения ареста на имущества, указано, что «если гражданский иск по делу не предъявлен, наложить арест на имущество нельзя» [7]. Представляется, что указания, приведенные в рекомендациях, ущемляют права потерпевших и иных лиц, которым причинен вред преступлением. Арест на имущество в целях обеспечения гражданского иска необходимо наложить как можно раньше, не дожидаясь предъявления гражданского иска. Это должно быть обязанностью следователя и дознавателя, так как участники, несущие ответственность за возмещение вреда, причиненного преступлением, могут скрыть свое имущество. Наложение ареста на имущество прежде всего направлено на предупреждение сокрытия, дарения, распродажи имущества подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за действия последних. Поэтому следователь и дознаватель не должны ждать, когда потерпевший заявит гражданский иск, а самостоятельно принять решение о наложении ареста на имущество в целях обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением.

Решение о наложении ареста на имущество в ходе досудебного производства правомочен принимать только суд (п. 9 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Для наложения ареста на имущество следователь с согласия руководителя

следственного органа, дознаватель с согласия прокурора выносят постановление о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество (ч. 1 ст. 115 УПК РФ).

В описательной части постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество, кроме обстоятельств совершенного преступления, основания и цели наложения ареста на имущество, указывается вид и место нахождения имущества, подлежащего аресту. Резолютивная часть постановления содержит решение ходатайствовать перед судом о наложении ареста на имущество, и указывается место, где находится имущество, а также фамилия, имя, отчество лица, которому оно принадлежит [7, с. 104–105].

Не позднее 24 часов с момента поступления постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество судья обязан рассмотреть его и принять соответствующее решение.

При вынесении решения о наложении ареста на имущества судья обязан указать в резолютивной части постановления, на какое именно имущество налагается арест [7, с. 799]. Таким образом, выявляется несоответствие требований для вынесения постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество и постановления судьи о наложении ареста на имущество. Отсутствие наименования конкретного имущества, подлежащего аресту, является основанием для отказа судьей в удовлетворении ходатайства, что имело место, например, при вынесении решения судьями Поронайского городского суда Сахалинской области, в Республике Мордовия и в некоторых других регионах [7].

В практической деятельности довольно сложно выявить имущество, на которое необходимо наложить арест. На момент вынесения постановления о возбуждении ходатайства перед судом следователь может только предполагать о наличии имущества, подлежащего аресту, но не знать его наименования. Кроме того, бланк постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на имущество не предусматривает наименования конкретного имущества, подлежащего аресту. Сведения об имеющемся у подозреваемого, обвиняемого имуществе, на которое может быть наложен арест, возможно получить в ходе оперативно-разыскных мероприятий [5, с. 104–105], в результате следственных действий, таких, как осмотр места происшествия, допрос, обыск, выемка и т. п. Но для

производства указанных мероприятий требуется время, а также необходимо получить решение суда о наложении ареста на имущество. В этот период имущество, на которое может быть наложен арест, успешно будет сокрыто. Кроме того, необходимо отметить, что в ч. 8 ст. 115 УПК РФ сказано, что «при отсутствии имущества, подлежащего аресту, об этом указывается в протоколе». Это свидетельствует о том, что на момент принятия решения о наложении ареста на имущество следователь и дознаватель могут предполагать, что такое имущество у подозреваемого, обвиняемого имеется. Следовательно, в постановлении о возбуждении ходатайства и наложении ареста на имущество достаточно указать лицо и место предполагаемого имущества.

При анализе ч. 5 ст. 165 УПК РФ усматривается, что наложение ареста на имущество может быть проведено в случаях, не терпящих отлагательства, что чаще всего и встречается в практической деятельности. Однако наложение ареста на имущество в исключительных случаях допускается только в целях конфискации имущества, предусмотренного ст. 104.1 УК РФ, что осуществляется для обеспечения дополнительной меры наказания. Полагаем, что ограничения, введенные законодателем в части наложения ареста на имущество, значительно ущемляют права потерпевших по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, так как исключается возможность пресечения действий по сокрытию подозреваемым, обвиняемым и иными лицами имущества, на которое необходимо наложить арест. В целях защиты прав потерпевших полагаем ч. 5 ст. 165 УПК РФ, изменить, предоставляя производство наложения ареста на имущество в случаях, не терпящих отлагательства, в соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК РФ, что предоставит полномочия о наложении ареста не только при конфискации имущества, для обеспечения применения дополнительной меры наказания, но и для принятия мер по обеспечению гражданского иска. Предложенные изменения предоставят возможность следователю, дознавателю выявить конкретное имущество, на которое необходимо наложить арест, описать его, что будет способствовать пресечению его сокрытия.

В предлагаемой ситуации следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора выносят постановление о наложении ареста на имущество и осуществляют соответствующее

процессуальное действие, так как это случай, не терпящий отлагательства.

Наложение ареста на имущество производится в присутствии подозреваемого, обвиняемого-собственника или владельца либо совершеннолетнего члена его семьи или иного приглашенного лица [6, с. 253] (например, из жилищно-эксплуатационных организаций) которым предъявляется постановление следователя или дознавателя.

При наложении ареста на имущество участие понятых является обязательным. Имущество предъявляется понятым, каждый из которых должен не только увидеть все описанные предметы и ценности, но и убедиться в правильности отражения в протоколе всех их индивидуальных признаков.

При необходимости для участия в наложении ареста на имущество привлекается специалист, который может оказать помощь в определении стоимости, меры, веса, индивидуальных признаков имущества и т.п. Участие специалиста необходимо при наложении ареста на предметы, имеющие художественную, историческую или культурную ценность, изделия из драгоценных металлов и т.д.

Ход и результаты наложения ареста на имущество отражаются в протоколе, составляемом в соответствии со ст.ст. 166, 167 УПК РФ. В протоколе указывается все имущество, подлежащее аресту, с точным указанием наименования предметов, количества, меры, веса, материала, из которого они изготовлены, других индивидуальных признаков, а также, по возможности, указывается их стоимость [7, 3, с. 259; 6, с. 253]. Копия протокола вручается лицу, на имущество которого наложен арест или, если таковой отсутствует, тому, кто его заменяет. Протокол о наложении ареста на имущество приобщается к делу.

Однако не на всякое имущество может быть наложен арест. Каждый следователь должен четко представлять себе, на какое имущество и предметы законом не допускается наложение ареста. Не накладывается арест на имущество, на которое в соответствии со ст. 446 ГПК РФ не может быть обращено взыскание (ч. 4 ст. 115 УПК РФ) [2]. Перечень соответствующего имущества носит исчерпывающий характер и распространяется на все виды исполнительных документов, предусматривающих взыскания с граждан, в том числе с индивидуальных предпринимателей. В то же время необходимо отметить, что на предметы, указанные в Перечне, может быть наложен арест, в том случае если

они обнаружены в количестве, явно превышающем потребности обвиняемого или подозреваемого, осужденного и его семьи, либо изготовлены из драгоценных металлов, являются предметами роскоши, имеют историческую или художественную ценность [12, с. 250].

Следователь, дознаватель обязаны принять меры к сохранению имущества, подвергнутого описи. При необходимости предметы, на которые наложен арест, опечатываются. Этот факт должен быть отражен в протоколе описи имущества. Имущество, на которое наложен арест, может быть передано по усмотрению лица, производившего арест, на хранение его собственнику или владельцу либо иному лицу (например, представителю жилищно-эксплуатационной организации, местной администрации). Лица, которым передается на хранение арестованное и описанное имущество, предупреждаются об уголовной ответственности по ст. 312 УК РФ за растрату, отчуждение, незаконную передачу третьим лицам, а также сокрытие арестованного имущества [11]. Факт предупреждения об уголовной ответственности лица за сохранность вверенного ему имущества отражается в протоколе наложения ареста на имущество и удостоверяется подписью лица, которому вверено на хранение имущество, и подписью следователя или дознавателя, производившего наложение ареста на имущество.

В предлагаемом порядке наложения ареста на имущество в случаях, не терпящих отлагательства, следователь или дознаватель в течение 24 часов с момента наложения ареста на имущество уведомляет судью и прокурора о производстве процессуальных действий по наложению ареста на имущество. К уведомлению прилагаются копии постановления о наложении ареста на имущество и протокола описи имущества для проверки законности решения о его производстве. Получив указанное уведомление, судья в срок не позднее 24 часов проверяет законность процессуального действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае если судья признает процессуальное действие незаконным, следователь и дознаватель выносят постановление об отмене ареста на имущество.

Полагаем, что предложенный процессуальный порядок наложения ареста на имущество допустим только в случаях, не терпящих отлагательства, при условии, что следователь или дознаватель не имеют данных об имуществе, на которое необходимо наложить арест. Вышеуказанный процессуальный порядок наложения ареста на имущество будет способствовать устранению конфликтных ситуаций, возникающих между следователем, дознавателем и судьей, а также гарантировать обеспечение гражданского иска, направленного на защиту прав потерпевших.

1. Гражданский кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 06.12.2011 г. № 405-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2012).
2. Гражданский процессуальный кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 23.04.2012 г. № 35-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2012).
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. М.: Экзамен, 2002. 863 с.
4. Конституция Российской Федерации. М.: Юрайт, 2008. 46 с.
5. Коротков, А.П. Образцы заполнения бланков процессуальных документов в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.П. Коротков. М.: Изд-во «Экзамен», 2006. 445 с.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. М.: Спарк, 2002. 991 с.
7. Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущества и ценные бумаги, денежного взыскания: методические рекомендации управления методического обеспечения и НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ. Письмо Генеральной прокуратуры РФ от 30 марта 2004 г. № 36-12-04. // Документ опубликован не был. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2012).
8. Рыжаков А.П. Возмещение вреда, причиненного преступлением. М.: ПРИОР, 1999. 96 с.
9. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Начальная редакция: Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2012).
10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 01.03.2012 г. № 18-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2012).
11. Уголовный кодекс РФ (в редакции Федерального закона от 01.03.2012 г. № 18-ФЗ) // Собрание законодательства РФ 17.06.1996, № 25, ст. 2954. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.06.2012).
12. Уголовный процесс: учеб. / под ред. В.П. Божьева. М.: Спарк, 2002. 704 с.
13. Уголовный процесс России [Текст]: учеб. / А. С. Александров, Н. Н. Ковтун, М. П. Поляков, С. П. Сереброва; науч. ред. В. Т. Томин. М.: Юрайт-Издат, 2003. 704 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФЕРА В СИСТЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

УДК 323

А. М. СТАРОСТИН, Л. Г. ШВЕЦ

Отличительной чертой современного периода развития является переход ведущих стран мира к новому этапу формирования инновационного общества — построению экономики, базирующейся на генерации, распространении и использовании сложных систем знаний (интегрированных систем, объединяющих фундаментальные научные, прикладные знания и разработки). Это нашло яркое воплощение во всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (Париж: ЮНЕСКО, 2005. В отечественной научной литературе опубликован аналитический обзор этого доклада [см. 6, с. 159–164]). Характерными признаками этих процессов в сфере экономики выступают такие индикаторы, как превращение инвестиций в интеллектуальный (человеческий) капитал в качестве наиболее эффективного способа размещения ресурсов; концентрация нематериальных активов в качестве одной из основных долей в средствах фирм и корпораций; значительное ускорение темпов обновления продукции и технологий; выдвижение на первый план работников, специалистов, управленцев, сконцентрированных на производстве и реализации наукоемкой и высокотехнологичной продукции и услуг [3, с. 4–5].

Следует подчеркнуть, в связи со сказанным, выдвижение на первый план инновационной деятельности как доминирующей в экономике, управлении, политике, образовании.

В области осмысления сущности, описания истории и современного состояния инновационной деятельности существует ныне обширная литература, в которой истоки понимания значимости инноваций связывают с именами Г. Менша, Н. Кондратьева, Й. Шумпетера, А. Клайнкнехта, К. Фримана, Дж. Кларка и др. [11, с. 18–47].

Вполне естественно, что в эпицентре и научного, и политического внимания

оказываются прежде всего те виды инновационной деятельности, которые дают быстрый и значимый экономический эффект. Поэтому зачастую и трактовка инноваций ограничивается научно-технической, технико-технологической сферой, связанной с быстрыми изменениями в экономическом развитии или вообще, обуславливающей смену доминирующего технологического уклада [1, с. 70–97; 4].

Такого рода понимание находит отражение и в формирующейся в современной России государственной инновационной политике, символом которой выступает наукоград «Сколково», и в современном ее нормативно-правовом обеспечении.

Между тем и в мировой, и в отечественной научной и инновационной практике внимание сконцентрировано на рассмотрении не только технических, информационных, биологических, но и социально-гуманитарных технологий [5]. К их числу следует отнести и ту их часть, которая относится к сфере политической власти и управления. Тем более это важно для современной России, где уже достаточно большой постсоветский период времени характеризуется поиском и разработкой инновационных технологий власти и управления.

Что касается основных видов социально-гуманитарной инновационной деятельности, то следует указать на следующие:

- социальные и гуманитарные технологии;
- методы и методики социального проектирования;
- методы и технологии социального управления и управления поведением (PR, GR, HR и т. п.);
- методы и методики образовательной деятельности в различных культурно-образовательных системах и пилотных проектах;
- методики и способы диагностирования состояния социальных объектов и субъектов различного уровня;

- применение методов и технологий когнитивной науки (фрейм-анализ, когнитивное картирование, рефлексивная логика и др.);
- разработка компьютерных игр, имитирующих модели, симуляторов для обучения и т. п.

Их появление и формирование влечет за собой появление новых видов профессиональной деятельности и соответствующих специалистов: исследователей; дизайнеров (различных направлений); разработчиков программных продуктов; проектных менеджеров; HR-менеджеров; GR-менеджеров; контролирующих экспертов; системных аналитиков; когнитивных аналитиков; финансовых консультантов; менеджеров индустрии развлечений и др.

Современные теории инновационного развития связаны с концепциями организационных изменений, позволяющих обеспечить производство инноваций, уделяют много внимания факторам, определяющим этот процесс. Принцип ориентации на инновационную деятельность влечет за собой комплекс изменений в магистральных направлениях научных исследований, практиках производства и управления им. В управленческой практике на первое место выступает умение выстраивать правильное соотношение между требованиями научно-технического развития и интеллектуальным потенциалом людей, вовлеченных в производственный процесс. Производство и использование инноваций требует от персонала и руководства высокой мотивации и включенности, компетентности и квалификации. В управлении уже не работают традиционные жесткие схемы и приказные методы, с чем связано появление все новых гибких методов управленческого воздействия, связанных с поисками более эффективных способов вовлечения работников в производственную деятельность, прежде всего, новых подходов к мотивации и раскрытию личностного потенциала сотрудников.

В инновационной экономике, основанной на применении и использовании новейших технологий, уже не эффективны организационные структуры и методы традиционного менеджмента, которые не учитывают или учитывают недостаточно нематериальную, идейную, креативную составляющую экономического роста.

В изменении принципов управленческой деятельности и связанных с этим изменений

в организационных структурах можно выделить следующие общие тенденции:

- использование информационных технологий, меняющее характер труда и управления;
- возрастание роли креативной автономии, что означает предоставление широкой автономии сотрудникам в рамках их компетенции, ослабление постоянного контроля и надзора со стороны руководства;
- распространение принципа трудовых команд – создание на производстве мобильных трудовых групп, ориентированных на решение определенной задачи и обладающих высокой ответственностью и значительной автономией;
- переход от жестких иерархических организационных структур к гибким и более «плоским» (имеющим меньшее количество командных уровней);
- переход от жестких моделей менеджмента к мягким и гибким управленческим стратегиям;
- переход от централизованных организационных структур к децентрализованным, распространение матричных, сетевых и дивизиональных организационных структур;
- учет культурной и гендерной составляющей организационной деятельности.
- стремление ко все большей эффективности и рационализации организационной деятельности, ориентация продукции на целевые группы потребителей;
- высокая чувствительность к инновациям.

На смену традиционным моделям управления приходят новые, возникают новые направления в менеджменте, обусловленные потребностями времени, и одним из таких новых направлений является, например, инновационный менеджмент.

Существуют различные определения инновационного менеджмента. Так, некоторые исследователи определяют его как самостоятельную область экономической науки и профессиональной деятельности, направленную на формирование и обеспечение достижения любой организационной структурой инновационных целей путем рационального использования материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Удачным нам представляются определения, предложенные в работе под редакцией проф. А. Я. Кибанова: «Управленческие инновации – целенаправленное изменение состава функций, организационных

структур, технологии и организации процесса управления, ориентированное на замену элементов системы управления или системы управления в целом с целью ускорения или улучшения решения поставленных задач на основе выявления закономерностей и факторов развития инновационных процессов на всех стадиях жизненного цикла продуктов, технологий и предприятия в целом... Именно управленческие инновации способствуют ускорению научно-технического прогресса, распространению и реализации в производстве новейших технологий. Процесс создания инноваций в области менеджмента не менее важен для экономического и социального прогресса, чем инновации технологические. Управленческие нововведения трансформируют способ функционирования организаций» [9, с. 36–37].

А. Г. Латкин приводит данные о востребованности организациями управленческих инноваций: порядка 80% организаций заказывают консалтинговым фирмам новую организационную структуру управления; на втором месте находится мотивация; на третьем – спрос на стратегию; на четвертом – компетентное определение служебных функций персонала; на пятом месте – подходы к разрешению внутриорганизационных конфликтов» [7]. Поэтому вполне обоснованно звучит следующий тезис о том, что в условиях высокой социально-экономической динамики, наиболее востребуемой инновации: «прежде чем управлять развитием персонала, надо иметь соответствующую инновационную кадровую политику. Последняя как бы предшествует управлению персоналом, хотя и тесно интегрирована с ним. Инновационная политика в кадровой работе включает стратегические и тактические цели развития кадров, принципы и приоритеты этого развития, систему конкретных нормативно-политических установок по основным проблемам, направлениям, формам и методам обновления человеческих ресурсов» [2, с. 140].

Мы хотели бы особо подчеркнуть три основных аспекта, основываясь на которых выделяется то или иное новейшее направление в управлении персоналом, человеческими ресурсами организации.

Во-первых, речь идет об инновационном подходе к управлению персоналом организации. Это означает не только задействование и апробацию новых управленческих идей, концепций, которые еще не вполне устоялись

и не стандартизированы в теории и практике управления, но и о новой ориентации самой управленческой деятельности, которая в качестве важного фактора собственного развития делает ставку на поисковый, экспериментальный подход и, тем самым, выходит в более широкий (неклассический) контекст, в рамках которого нет абсолютных, раз и навсегда установленных канонов, а каждый из них относителен, имеет свои границы. И задача системы управления новой формации – определить эти границы и найти новые методы, технологии, подходы, которые эффективны за пределами обозначенных границ.

Во-вторых, основным предметом рассмотрения выступают те подходы, которые вычленены в доктринах, которые концентрируют внимание не на «частичном человеке» в управлении организацией (человек труда, чиновник, экономический человек), а на целостном человеке и задействовании его совокупного потенциала в ситуациях управления (доктрины человеческих отношений, новых человеческих отношений, человеческого потенциала), что в прикладном плане нашло выражение в методологии HR-менеджмента.

И, в-третьих, основные усилия в разработке и использовании направлены на технологический аспект управления человеческими ресурсами как рационализированный, научно обоснованный и алгоритмизированный подход к управлению, который может быть осознанно применяем и доступен в обучении.

Конкретный пример и репрезентация основных технологий в управлении человеческими ресурсами представлена в одной из последних наших работ [10]. Здесь обращено внимание на всю систему HR-менеджмента, как базу инновационной системы управления человеческими ресурсами. В то же время дано представление об использовании технологий влияния, манипулирования и скрытого управления, SOFT-менеджменте, имиджевых технологиях; технологиях PR- и GR-управления человеческими ресурсами; визуальной психодиагностике; моббинге и эмпауэрменте; НЛП и современных информационных технологиях.

Обращаясь к применению отмеченных и иных инновационных технологий управления человеческими ресурсами в современной системе государственного и муниципального управления, мы можем

отметить достаточно узкий круг областей их применения в настоящее время. В то же время следует указать на ряд барьеров, которые препятствуют их применению. Их можно разделить на два класса: границы общеуправленческого уровня и барьеры институционального и поведенческого характера, связанные с организацией современной государственной и муниципальной службы.

Что касается общеуправленческих барьеров, то их преодоление связано с необходимостью административно-управленческих реформ, ориентированных на формирование системы «гибкой», «умной» власти, в то же время разрабатываемых на основе тесного взаимодействия с научным, экспертным сообществом, которое должно быть непосредственно включено как в разработку, так и в контроль за реализацией реформ. На это нацеливает и Указ Президента РФ № 601 от 07.05.2012 г. «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

Что касается институциональных и поведенческих детерминант в системе государственной и муниципальной службы, то они связаны с переориентацией отношений в системах «руководитель — подчиненный» и «специалист — специалист» с доминированием иерархических — на партнерские

и изменений установок деятельности с регламентно-функциональных — на функционально-креативные (инициативные), что требует перестройки системы госслужбы на основе меритократического подхода и внедрения в практику ориентаций на высшие мотивационные уровни в организации управленческого труда. В образной форме наиболее ярко основную установку в этом подходе сформулировал выдающийся математик XX в. академик А. Н. Колмогоров: «Надо научиться прощать людям их талант». Это касается и вертикальных, и горизонтальных отношений. Иначе говоря, не сдерживать продвижение наиболее талантливых людей и, тем более, не преследовать их за талант. В то же время это требует иного отношения к ответственности, делегированию полномочий (партисипация, эмпауэрмент) и, в целом, перестройки управленческой и кадровой работы на современные концепции управления (по результатам, по ценностям) [8].

Не преодолев указанные барьеры, мы не создадим условий для использования уже известных инновационных технологий в кадровой работе в системе государственной и муниципальной службы, что в итоге станет основным препятствием к формированию структур инновационного общества в России.

1. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса [Текст] / С.Ю. Глазьев. М., 2010.
2. Инновационная политика в кадровой работе [Текст] // Управление персоналом: Энциклопедия / Под ред. проф. А. Я. Кабанова. М.: ИНФРА, 2009.
3. Инновационная политика и региональное развитие в современном мире [Текст]. М.: ИНИОН РАН, 2011.
4. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями [Текст]. М., 2010.
5. Казанцев А. К. NBJC-технологии: инновационная цивилизация XXI века [Текст] / А. К. Казанцев, В.Н. Кисилев, Д.А. Рубвальтер, О.В. Руденский. М., 2012.
6. Концепция «общества знания» в современной социальной теории» [Текст]. М.: ИНИОН РАН, 2010.
7. Латкин, А. Г. Управленческие нововведения [Текст] / А.Г. Латкин. М.: Макс Пресс, 2008.
8. Старостин, А. М. Семь «смертных грехов» современной бюрократии и реформирование государственного управления [Текст] / А.М. Старостин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов н/Д., 2010. № 3.
9. Управление инновациями в кадровой работе [Текст]. М.: Проспект, 2012.
10. Швец Л. Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами [Текст] / Л. Г. Швец. Ростов н/Д.: ЮРИФ РАНХиГС, 2012.
11. Яковец, Ю. В. Эпохальные инновации XXI века [Текст] / Ю.В. Яковец. М., 2004.

ПОНЯТИЕ, СВОЙСТВА И ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

УДК 353:338

А. Л. СЛЕПЫШЕВ, Д. В. ДОВЖЕНКО, С. Г. ЗЫРЯНОВ

Управление является необходимым и обязательным атрибутом государства как сложной организованной социальной системы. Это важнейшее свойство социальной системы обусловлено уникальной способностью человека и общества в целом «познавать природную и социальную действительность и уже в соответствии с этим целеполагать, организовывать и регулировать свое сознание, поведение и деятельность» [2, с. 20].

Именно управление, как имманентное качество государственной системы, придает, с одной стороны, целевую осмысленность государственному устройствованию и функционированию органов власти, а, с другой, увязывает этот процесс с интересами жизнедеятельности самих граждан. Управление как бы «пронизывает» все поле государственной деятельности. Оно «повсеместно и вездесуще» [2, с. 20].

Вместе с тем, как показывает практика государственного управления, деятельность органов власти демонстрирует зачастую его низкую результативность. Отчасти это связано с неразработанностью научно-практической методологии осуществления государственного управления. Одной из таких методологических проблем является вопрос об использовании понятия «механизм государственного управления».

Следует иметь в виду, что в ряде работ уже даны подходы и определения понятия «механизм государственного управления». Так, В. Л. Романовым по «собственному функциональному предназначению выделяются политический, административный, экономический и информационный механизмы» [9, с. 453]. Р. Р. Алиев полагает, что «механизм управления — это прежде всего совокупность управленческих средств, посредством которой осуществляется принятие научно-обоснованного управленческого решения и достигается эффективная его реализация» [1, с. 100]. А. И. Баврин отмечает, что «механизм представляет собой совокупность структур, действий, процедур по выработке решения, его реализации, анализу и контролю над результатами и последствиями

принятых решений» [5, с. 20]. Н. М. Добрынин дает развернутую характеристику механизма государства. Механизм государства — это совокупность всех структур государства, реализующих его задачи и функции. Через механизм государства осуществляется систематическое и непрерывное управляющее воздействие на общество, поведение и деятельность людей, реализуется государственная власть, достигаются государственные цели и задачи. Механизм государства — это определяемая целями и задачами государства внутренне целостная система органов и учреждений. Она имеет сложное строение и не сводится к совокупности органов государства или аппарату государства. Механизм государства состоит из органов государства (государственного аппарата) и иных государственных организаций, главным образом государственных учреждений [6, с. 273].

Исходя из анализа уже имеющийся практики понимания и использования термина «механизм государственного управления», можно интерпретировать его как определенную социально ориентированную целостную систему, компоненты которой (инструменты, способы, методы, технологии, ресурсы, взаимосвязи и др.) созданы исходя из целей государственного управления. Механизм государственного управления — это целенаправленная пространственно-временная структурно-упорядоченная и последовательная деятельность органов государственного управления по воздействию на объект управления и приданию ему заданного состояния.

Одно методологическое, но принципиальное уточнение: понятия «государственный механизм управления» и «механизм государственного управления» не тождественны. Первое понятие относится к управлению государством, где государство само выступает объектом управления со стороны политико-социально организованного общества (граждан, населения страны), т. е. со стороны существующих в обществе политических и социальных структур, которые выступают здесь субъектом управления. Второе понятие

прямо связано с государственным управлением как конституционным правомочным действием государственной власти в лице ее конкретных институтов.

В смешении или олицетворении смыслового и содержательного значения двух базисных понятий «управление государством» и «государственное управление» кроется серьезная методологическая ошибка. Пока эти понятия не будут содержательно разведены, нельзя будет исключить возможность, что при определенных обстоятельствах государственное управление в лице его руководящей бюрократии не станет над политико-социальной организацией общества, т. е. над государством, так как «государство как публичная и легитимная (нормативно выраженная) властная сила общества... это само общество» [4, с. 6].

Рассмотрим ряд общих свойств механизма государственного управления.

Прежде всего, в отношении данного понятия можно говорить о его статичности (выключенности) или его «холостой» работе, понимая под этим, что в результате его бездействия или даже формального действия не достигается целевая и/или ценностная установка управления. И, наоборот, о его динамичности (включенности, реальном действии), если в итоге его функционирования достигается нужный результат (или, по крайней мере, весьма близкий к цели и/или ценностноустановленному).

Механизм государственного управления можно представить, как набор определенных институциональных и технологических системно взаимосвязанных в своем действии компонентов, относящихся к государственному управлению. Выработанные теоретической и нормативной мыслью общепринятые управленческие понятия, такие как цели, функции, структура, формы, методы, процедуры, решения, технологии и т.д. и т.п. — это еще не сам механизм управления. «Проблема чаще всего заключается в конструировании из них логически обоснованных систем, в которых они были бы связаны в виде работающего на практике целостного механизма. Как детали еще не механизм (не машина), так и отдельные элементы и взаимосвязи — еще не система государственного управления или иного вида управления» [3, с. 14].

Следует также зафиксировать тот факт, что механизм государственного управления состоит из двух взаимосвязанных структур. Одна представляет собой людей, работающих в органах государственного управления, обладающих государственным статусом (депутаты законодательных государственных органов,

судьи, государственные служащие в органах государственного управления и т.п.). Другая — неодоушевленная, это совокупность институциональных, нормативно-правовых, организационных, технологических, технических и других элементов, необходимых для функционирования механизма государственного управления. Механизм государственного управления всегда является некоей комбинацией, инвариантом сочетания элементов этих двух подсистем.

Действие механизма государственного управления может быть направлено как на функционирование самих органов власти (например, реализацию административной реформы, осуществление изменений в деятельности нижестоящих органов управления под воздействием вышестоящих), так и непосредственно на объект управления. Иначе говоря, речь идет о так называемом внутреннем и внешнем аспекте действия механизма государственного управления. В обоих случаях, в конечном счете, механизм государственного управления призван определенным образом повлиять на поведение людей. В первом случае находящихся в органах государственного управления государственных служащих, а во втором — являющихся представителями объекта управления, например, хозяйствующими субъектами.

Важной особенностью процесса функционирования механизма государственного управления носит упорядоченный характер, как в пространстве, так и во времени. Здесь уместно говорить о структурно-функциональном и технологическом устройстве механизма управления.

Действие механизма государственного управления невозможно без наличия соответствующих ресурсов. К основным видам ресурсов относятся: властные (административные), человеческие, правовые, финансовые, организационные, технические, имущественные и иные виды ресурсов.

Важным обстоятельством является также то, что в реальной практике государственного управления всегда наличествует огромное множество целей, подцелей и конкретных задач управления, которым должны соответствовать и свои модели (варианты) механизмов государственного управления. И в этом огромная сложность в теоретическом осмыслении и практическом применении концепта механизма государственного управления. Надо суметь из отдельных компонентов государственного управления «собрать» под конкретный объект управления, а также цели и проблемы в нем,

соответствующий механизм государственного управления и запустить его в работу.

Определенную сложность на «конструирование» механизма государственного управления накладывает вертикально-горизонтальное построение органов государственного управления. То есть разработка и реализация управляющего воздействия одних органов государственного управления на другие как по вертикальному (иерархическому), так и по горизонтальному (межведомственному) направлению государственного устройства, а, возможно, и в комбинации этих управляющих воздействий осуществляется одновременно или параллельно с организацией управляющего воздействия этих органов непосредственно на объект управления, в том числе на социум.

И, наконец, это предназначение механизма государственного управления, которое проявляется в его реальном внешнем воздействии на объект управления и получения в конечном итоге его заданного состояния (поведения, свойства, характеристик, показателей и т.д.). Следует понимать, что «реальность, действительность, «бытие» управления проявляется только исключительно в управляющих воздействиях на соответствующие процессы» [3, с. 448]. Принципиально важно, чтобы осуществляемое механизмом государственного управления воздействие было непременно осуществлено: доведено и внедрено в организацию и функционирование объекта управления [3, с. 449] и выразилось в соответствующем поведении людей и в заданном состоянии самого объекта управления.

Таковы некоторые замечания к пониманию общих свойств механизма государственного управления.

В качестве частной предметной иллюстрации рассмотрим строение механизма государственного управления экономикой Челябинской области.

Под субъектом государственного управления здесь выступают федеральные органы государственного управления и органы государственного управления Челябинской области, оказывающие прямое и опосредованное воздействие на экономику Челябинской области.

Каковы же основные компоненты, формирующие механизм государственного управления региональной экономикой?

Первым компонентом выступают такие элементы управления, как принципы, цели, критерии, реализуемая государственная политика. А также показатели, характеризующие

(измеряющие) состояние объекта управления. Это компонент целеполагания и/или ценностнонаправленности управления. Данный компонент формируется из общих принципов, критериев и целей государственного управления, вытекающих из Конституции РФ, других федеральных законов, Устава Челябинской области и областных законов. А также из концептуальных документов социально-экономического характера (Послания Президента РФ, губернатора Челябинской области, концепции социально-экономического развития Российской Федерации и Челябинской области, социально-экономический прогноз и другие программно-целевые акты).

Что касается системы показателей, характеризующих состояние экономики региона, т.е. объекта управления, то их следует использовать исходя из тех аспектов экономики, в отношении которых осуществляется конкретное управление. К примеру, если объектом управления выступает в целом экономика области, то первоначально, возможно, следует выбрать такие ее показатели как валовой региональный продукт (в том числе в расчете на душу населения) и его отраслевая структура, сальдированный финансовый результат деятельности региональной экономики, объемы произведенной продукции по основным отраслям производства в стоимостном и натуральном выражениях, размер сальдо внешнеэкономической и межрегиональной экономической деятельности, объем инвестиций в основной капитал, в том числе объем прямых иностранных инвестиций и инорегиональных инвестиций, среднедушевой доход населения, децильный коэффициент и коэффициент концентрации доходов (индекс Джини), уровень безработицы, размер консолидированного и областного бюджетов Челябинской области и, возможно, ряд других показателей. В целях анализа и определения трендов развития, показатели лучше использовать как в абсолютном, так и в относительном значении.

Следует иметь в виду, что от качества формирования перечня используемых критериев, показателей, степени полноты охвата ими состояния исследуемого (управляемого) объекта во многом зависит успех управления.

Возможно, что уже в ходе исследования и управления может возникнуть необходимость введения дополнительных показателей в целях более глубокого понимания происходящих в объекте управления процессов.

Второй компонент является ответственным за целеполагание государственного управления, выработки и реализации государственной

политики и решений органов государственного управления.

К элементам данного компонента относятся коллегиальные и персональные государственные должности в органах государственного управления. Это могут быть, к примеру, собрания депутатов законодательного органа, правительство, коллегии государственных ведомств, советы, межведомственные комиссии при высших органах государственного управления, а также отдельные государственные должностные лица, обладающие соответствующей компетенцией.

Рассматриваемый компонент механизма государственного управления экономикой Челябинской области представляет совокупность федеральных органов управления и органов государственного управления Челябинской области, имеющих в соответствии со своей компетенцией общее или предметное отношение к состоянию данной экономики в целом или к ее отдельным аспектам (например, в целом к макроэкономической и финансовой ситуации, к отдельным отраслям экономики и бюджетным сферам). Данный компонент — это органы государственного управления.

Здесь элементами или «отдельными частями» могут выступать федеральные органы власти: Президент РФ и его Администрация, Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ и отдельные органы федеральной исполнительной власти, Центральный Банк РФ, Счетная палата РФ, Генеральная прокуратура, федеральные суды и территориальные органы федеральных органов власти в Челябинской области. Кроме этого, во второй компонент при необходимости могут быть включены советы и комиссии, создаваемые при высших органах законодательной и исполнительной власти по конкретным направлениям государственного управления. Определенными элементами данного компонента можно считать и отдельных руководителей органов государственной власти, имеющих соответствующий государственный должностной статус.

Неотъемлемым элементом любого органа государственного управления является его аппарат. Государственный аппарат — это люди, работающие в органе государственного управления и обеспечивающие и/или непосредственно осуществляющие функции этого государственного органа.

Конечно, круг и значение конкретных органов государственного управления и их должностных лиц будет различаться в зависимости от того, о каком конкретном объекте управления будет идти речь.

Третьим компонентом выступают различные виды коммуникаций. Административные, функциональные, информационные, координационные, технологические и иные связи необходимы для работы механизма управления как единой организации государственного управления. В данном конкретном случае это могут быть взаимосвязи между органами федерального уровня управления и органами власти Челябинской области по поводу воздействия на экономику области или же связи между органами государственного управления Челябинской области, а также между органами государственного и муниципального управления по различным аспектам воздействия на экономическую деятельность муниципального образования.

Например, функциональная взаимосвязь в деятельности Министерства финансов Российской Федерации и Министерства финансов Челябинской области по поводу поступления федеральных бюджетных средств в Челябинскую область в виде дотаций, субвенций или субсидий.

Все административные коммуникации можно разделить на иерархические (субординационные, вертикальные) связи и координационные (межведомственные, горизонтальные). Такая их структура соответствует двухуровневому конституционному построению органов государственного управления в Российской Федерации. В реальной практике все связи могут в процессе управления выступать как самостоятельно, так и в различных комбинациях, отражая сложную организованность государственного устройства и управления, а также одновременно являясь как административной, так и функциональной и информационной взаимосвязью.

В свою очередь, например, информационные связи могут быть прямыми и обратными, активными и пассивными, формальными и неформальными.

В целом построение коммуникационного компонента механизма государственного управления должно соответствовать структурно-функциональному устройству второго компонента (органов государственного управления) и его взаимодействию с объектом управления, а также учитывать «демократические начала в управлении, согласно которым объекты управления способны воздействовать на субъекты управления и даже выполнять отдельные полномочия субъектов» [8, с. 41]. Так, часть депутатского корпуса законодательного собрания Челябинской области по своей сути — люди, занимающиеся непосредственно

экономической деятельностью как в качестве собственников экономических объектов, так и управляющих ими.

Четвертый компонент модели механизма государственного управления экономикой региона состоит из инструментов, способов, методов управления, а также механизмов управления более низкого уровня.

Под инструментом механизма государственного управления понимается «орудие», «средство управленческого труда» с помощью которого реализуется управляющее воздействие на объект управления. Здесь инструменты рассматриваются как «способы и средства поддержания, подкрепления, обеспечения, практической реализации управляющих воздействий, управленческих решений». Эти инструменты можно сгруппировать на административные, правовые, экономические, финансовые, организационные, политические, психологические [8, с. 166].

Принимая данное определение инструмента механизма государственного управления и соответствующую группировку, необходимо уточнить, что в принципе возможна другая группировка инструментов: их деление на одушевленные и неодушевленные. Тогда органы государственного управления правомерно воспринимать не только как субъект государственного управления (второй компонент механизма), но и как своеобразное «орудие» государственного управленческого труда, т.е. как инструмент механизма управления. Так, с одной стороны Законодательное собрание Челябинской области, безусловно, является субъектом управления экономикой региона, с другой оно же является и инструментом воздействия на экономику региона. В частности, это проявляется в принятии региональным представительным органом соответствующих нормативных правовых актов, регулирующих региональную экономическую деятельность (в виде налоговых и тарифных нормативов, форм, размеров и способов государственной поддержки предпринимательства и т.д.).

К основным инструментам второй группы (неодушевленным) применительно к региональной экономике можно отнести следующие: нормативные правовые акты, касающиеся экономической деятельности во всех ее проявлениях; контроль и надзор; программно-целевой метод управления, в том числе государственные целевые программы и национальные проекты; социально-экономический прогноз; федеральный бюджет и бюджет субъекта РФ; региональная экономическая политика и составляющие этой политики, выраженные

в документальной форме; передача полномочий с одного властного уровня управления на другой (выше- и нижестоящий уровень управления); государственный территориальный заказ; государственные интервенции в экономику региона; торгово-экономические миссии, выставки, ярмарки; информация о деятельности органов государственного управления в сфере экономики; в том числе распространяемая посредством средств массовой информации и т.д. и т.п. Как видно, набор инструментов, способов и методов управления региональной экономикой довольно обширен.

Необходимо заметить, что существенным управляющим воздействием на региональную экономику выступает бюджет субъекта РФ, как с позиции управления доходами (через налогообложение и управление собственностью субъекта РФ), так и расходами (размер и направления расходования) бюджета.

Пятым компонентом модели механизма государственного управления является его ресурсное обеспечение. В наших условиях ресурсный компонент состоит из следующих групп элементов.

Властный (административный) ресурс органов государственного управления, выражающийся в принятых управленческих правовых актах, а также в деятельности должностных лиц органов государственного управления в отношении людей, обеспечивающих экономическую деятельность, побуждая их к определенным действиям по достижению и/или соблюдению государственных установок.

Финансовый ресурс в виде прямых средств Челябинского областного бюджета, а также средств федерального бюджета, выделенных в виде дотаций, субвенций и субсидий. Привлеченные финансовые ресурсы, как заемные (в виде кредитных коммерческих ресурсов), так и бизнес-ресурсы в рамках государственно-частного партнерства.

Имущественный ресурс Челябинской области: земельные участки, недра, лесные участки, недвижимое и движимое имущество, инфраструктура, интеллектуальная собственность, пакеты акций и доли в уставном капитале хозяйственных обществ.

Представляется, что определенным ресурсом управления экономикой Челябинской области выступают областные унитарные предприятия и учреждения.

Шестым компонентом модели механизма государственного управления являются различные управленческие технологии. В частности, технологии планирования, принятия решений, контрольной деятельности, осуществления

управленческой деятельности и т.д. Учитывая, что под технологией политического управления подразумевается способ реализации людьми конкретного сложного управленческого процесса (каковым является механизм государственного управления) путем расчленения его на последовательные взаимосвязанные действия в целях оптимизации процесса достижения заданного результата [7, с. 48].

В нашем случае под технологией управления понимается упорядоченная в пространственно-временном отношении целенаправленная и ценностноориентированная деятельность органов и должностных лиц регионального государственного управления.

Технология управления – это своеобразное ограничение заданными рамками, образование некоего «коридора действий» для «обуздания» воли как должностных лиц, так и органа управления в целом, регламентации их деятельности по двум направлениям: нормативно-правовому и экономическому [7, с. 75].

Исходя из этого, элементами данного компонента являются: регламенты деятельности органов государственного управления, законы и положения об органах государственного управления, должностные инструкции, порядки и сценарии проведения мероприятий органами государственного управления и т.д. В целом это технологический компонент механизма государственного управления.

Так, регламент правительства Челябинской области предусматривает планирование его работы, порядок подготовки и проведения его заседаний, подготовки и рассмотрения проектов правовых актов на его заседании, участие правительства Челябинской области в законотворческой деятельности, подготовки и заключения договоров и соглашений от его имени, образование координационных и совещательных органов и ряд других его действий.

В целях повышения эффективности деятельности органов исполнительной власти Челябинской области и координации действует регламент взаимодействия органов исполнительной власти Челябинской области. Имеется и соответствующий регламент деятельности Законодательного собрания Челябинской области.

И, наконец, седьмой компонент – это собственно непосредственно управляющее воздействие на объект управления.

Общезвестно, что в системе управления взаимосвязь субъекта управления и объекта управления осуществляется посредством управляющего воздействия и обратной связи [8, с. 64]. Причем управляющее воздействие

должно «заинтересовать», «срезонировать» объект управления, а в крайнем случае и принудить его к заданному поведению или состоянию. Одновременно, используя обратную связь, субъект управления обязан отслеживать результат управляющего воздействия на объект и своевременно и адекватно реагировать на происходящие в нем изменения.

Встречающиеся в практике государственного управления управляющие воздействия можно разделить на следующие основные группы: совещания, решения, управляющие действия отдельных государственных должностных лиц и работников государственного аппарата управления.

Здесь совещания рассматриваются как способ рассмотрения (обсуждения) вопроса об объекте управления с привлечением всех заинтересованных лиц. Совещание, даже без принятия по его результатам какого-либо формального решения, может само по себе стать своеобразным управляющим воздействием. В ходе самого совещания, выступлений и обсуждения рассматриваемого вопроса у участников совещания могут «как бы самопроизвольно» возникнуть внутренние побуждающие мотивы действий, которые затем преобразуются в управляющее воздействие «как бы в личном автономном режиме».

К примеру, в Челябинской области сложилась практика ежемесячных совещаний губернатора Челябинской области с руководителями областных органов государственного управления, территориальных органов федеральных органов государственной власти, главами муниципальных образований, руководителями крупнейших хозяйствующих субъектов по различным актуальным вопросам жизнедеятельности области с принятием протокольных решений губернатора.

В органах государственного управления области и территориальных органах федеральной исполнительной власти проводятся заседания коллегий и оперативные совещания по текущим вопросам деятельности. В работе органов государственного управления используются межведомственные совещания по важнейшим текущим вопросам, требующим координации в их разрешении. В области регулярно проводятся научно-практические конференции по актуальным вопросам экономической политики, инвестиционные форумы, депутатские слушания, съезды представителей малого и среднего предпринимательства.

Особым своеобразным управляющим воздействием в механизме государственного

управления выступает контроль во всех своих проявлениях.

С одной стороны контроль, присутствуя практически на каждом этапе, стадии управленческого процесса как бы «пронизывает», сопровождает весь процесс работы механизма управления в информационной своей форме, с другой – проявляется в относительно одновременных «точечных» адресных контрольных действиях в отношении объекта управления, его отдельных элементов. «Выявляя отклонения от предусмотренного режима функционирования объекта, контроль призван вырабатывать меры по их устранению» [8, с. 114].

Одновременно в государственном управлении контроль может выступать в качестве активной обратной связи меняющей в определенных обстоятельствах, по сути, местами субъект и объект управления.

Таким образом, контрольными свойствами обладают в той или иной мере в соответствии со своими функциями все органы государственного управления, и даже объект управления в части действующих в нем людей.

Вместе с тем существует широкий круг органов государственного управления, специализацией которых является контрольная деятельность в функционально определенных направлениях.

В федеральной исполнительной власти существует отдельный вид контрольных органов – федеральная служба. Многие из этих служб в большей или меньшей степени осуществляют контроль за экономической деятельностью и ее отдельными аспектами. Так, федеральная налоговая служба осуществляет контроль за соблюдением и исполнением налогового законодательства, федеральное казначейство (служба) занимается исполнением поступающих федеральных бюджетных средств, предварительным и текущим контролем за их целевым использованием,

федеральная служба по экономическому, технологическому и атомному надзору осуществляет контроль в сфере охраны окружающей среды, промышленной безопасности, безопасности электрических и тепловых установок и сетей, производства, хранения и применения взрывчатых материалов промышленного производства, работ, связанных с использованием недрами.

В соответствии с законодательством существуют и специальные контрольные органы государственного финансового контроля, осуществляющие комплекс контрольных и экспертных мероприятий в отношении формирования и расходования бюджетных средств на уровне Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В Челябинской области Контрольно-счетная палата является государственным органом, обладающим организационной и функциональной независимостью и правом законодательной инициативы. Палата осуществляет контроль за законностью и результативностью использования средств областного бюджета, установленным порядком управления и распоряжения имуществом, находящимся в государственной собственности Челябинской области, а также финансово-экономическую экспертизу нормативных правовых проектов актов.

Таким образом, на примере модели механизма государственного управления экономикой Челябинской области представлены возможные ключевые частные компоненты механизма государственного управления. Понятно, что при выборе других целей и объектов управления будет функционировать другая модель этого механизма и, возможно, несколько иные его составляющие. Принципиально важно подчеркнуть, что конкретная модель механизма государственного управления определяется в конечном счете целью и объектом данного управления.

1. Алиуллов Р. Р. Проблемы механизма государственного управления на современном этапе (Вопросы теории и методологии) [Текст] / Р.Р. Алиуллов // Государство и право. 2005. № 3. С 97–102.
2. Атаманчук Г. В. Журнал «Наша власть: дела и лица». 2005. № 3 (50). С. 18–19.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций [Текст] / Г.В. Атаманчук. М.: Издательство ОМЕГА-Л, 2005. 584 с.
4. Атаманчук Г. В. Синергетические аспекты государственного управления. [Электронный ресурс] / Г.В. Атаманчук. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/DZSAtamanchuk.htm> (дата обращения: 15.09.2012).
5. Баврин А. И. Пути совершенствования механизма государственного управления в современной России: политико-правовой аспект [Текст] / А. И. Баврин: дис. ... канд.полит.наук. М., 2007. 154 с.
6. Добрынин Н. М. Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого: современная версия новейшей истории государства [Текст]/Н.М. Добрынин. М.: «Наука», 2012. 605 с.
7. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982. 272 с.
8. Райзберг, Б.А. Прикладная теория управления экономическими системами [Текст] / Б.А. Райзберг. М.: Московский психолого-социальный институт, 2011. 464 с.
9. Романов, В.Л. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика [Текст] / В.Л. Романов. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 688 с.

СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС ПО ПРОБЛЕМЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

УДК 332.146.2; 339.137.22

С. А. ГОЛОВИХИН

Современный научный дискурс вокруг проблемы конкурентоспособности региона направлен на формирование необходимых для ее решения полных научных представлений о теоретических и эмпирических подходах, которые генерировала экономическая мысль.

Истоки современных исследований конкурентоспособности региона содержатся в работах М. Портера [3; 4; 5], разработавшего концепции национальных конкурентных преимуществ, четырех стадий развития наций, промышленного кластера в пространстве.

М. Портер проводит наиболее полное фундаментальное изучение конкурентных преимуществ и формирует концепцию национальных конкурентных преимуществ [4]. Ее особенностью является использование понятия конкурентного преимущества как на макро-, так и на микроуровне. М. Портер выделяет факторы конкурентного преимущества страны, которые он именует детерминантами конкурентного преимущества.

В концепции национальных конкурентных преимуществ М. Портер рассматривает внешнеэкономическую деятельность фирм с позиций принципов неоклассической экономической теории А. Маршалла.

Следуя логике рассуждений М. Портера, можно выстроить причинно-следственные связи между конкурентоспособностью фирмы и формируемой на этой основе конкурентоспособностью отрасли и страны. При этом доля страны в мировом экспорте каждого товара выступает критерием ее конкурентоспособности.

В концепции четырех стадий развития наций [6] М. Портер выделяет следующую эволюцию экономик стран. Первая стадия характерна для стран с низким уровнем дохода на душу населения; конкурентоспособность таких стран определяется наличием факторов производства: земли, полезных ископаемых, неквалифицированной рабочей силы. Вторая стадия представлена странами со средним доходом на душу населения, конкурентоспособность которых обеспечивается прямыми иностранными инвестициями и интеграцией на этой основе в международные производственные системы. На этой стадии экономический рост достигается

за счет импорта технологий. Переориентация от импорта технологий к их созданию означает выход страны на следующую стадию развития. Страны, находящиеся на третьей стадии, имеют высокий уровень дохода на душу населения. Их экономика базируется на знаниях, а конкурентоспособность определяется инновациями. Переход национальной экономики от базирования на ресурсах к базированию на знаниях сопровождается экономическим ростом и повышением конкурентоспособности. На четвертой стадии конкурентоспособность стран определяется их накопленным богатством, а экономическое развитие замедляется.

Концепция четырех стадий развития наций нашла практическое применение при разработке глобальных отчетов о конкурентоспособности Всемирного экономического форума. Однако в отчетах с 2001–2002 по 2010–2011 годы Глобальный рейтинг конкурентоспособности стран строится в рамках деления всех государств мира лишь на три первые группы по концепции четырех стадий развития. Четвертая стадия в отчетах Форума не усматривается и при построении индекса конкурентоспособности не поддерживается разработкой соответствующих индикаторов.

В Глобальном отчете о конкурентоспособности 2010–2011 года К. Шваб, описывая стадии развития национальных экономик и индексы, предназначенные для оценки их конкурентоспособности, приводит характеристику двенадцати столбов конкурентоспособности [15]. Страны, относимые к первой стадии развития, базируют свою конкурентоспособность на четырех первых столбах конкурентоспособности (институты, инфраструктура, макроэкономическое окружение, здоровье и начальное образование). Страны, находящиеся на второй стадии, основывают конкурентоспособность экономики на следующих шести столбах: высшем образовании и профессиональном обучении, эффективности рынка товара, эффективности рынка труда, развитии финансового рынка, технологической готовности, размере рынка. Конкурентоспособность экономик стран на третьей стадии имеет опору на столбы «Опыт бизнеса», «Инновации».

В разрезе каждого столба формируется ряд индексов, с помощью которых производится оценка конкурентоспособности национальной экономики. На основе расчета частных индексов и их объединения в сводный индекс осуществляется диагностика конкурентоспособности национальных экономик и выстраивается соответствующий глобальный рейтинг. Таким образом, концепция М. Портера обретает прикладную форму и практическую значимость для выработки макроэкономической и региональной политики стран.

Согласно концепции промышленного кластера в пространстве М. Портера, наилучшие условия для роста конкурентоспособности экспортной продукции создаются в промышленных кластерах. «Кластер или промышленная группа — это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанных с ними организаций, действующих в определенной сфере, характеризующихся общностью деятельности и взаимодополняющих друг друга. Территориальный охват кластера может варьироваться от одного города или... региона до страны или даже нескольких соседствующих стран» [5, с. 258]. Промышленному кластеру М. Портер отдает приоритет в числе факторов роста конкурентоспособности страны и региона: «Кластеры с внешней ориентацией, расположенные в определенной географической области, представляют собой прежде всего источник долгосрочного экономического роста и процветания региона» [5, с. 292].

М. Портер указывает на необходимость устранения препятствий для роста и совершенствования существующих и возникающих кластеров как главного приоритета региональной экономической политики. В соответствии с этим региональным органам власти и управления целесообразно ориентироваться на конкурентные преимущества, возникающие благодаря тому, что кластеры становятся движущей силой привлечения инвестиций в регион. Причиной инвестиционной привлекательности кластеров является то, что они «лучше, чем отрасли, используют важные связи, взаимодополняемость отраслей, распространение технологии, опыта, информации, маркетинг, а также осознание нужд потребителя, пронизывающее фирмы и отрасли» [5, с. 265].

В дискуссии с М. Портером выступает М. Энрайт, который выдвигает концепцию регионального кластера в пространстве, особенностью которой является то, что регион в большей мере рассматривается как географическая территория, предпосылками развития

которой являются природные условия, исторические предпосылки развития науки и образования, разнообразие форм конкуренции и кооперации фирм на региональном и межрегиональном уровне, культура ведения бизнеса и организация производства [7].

М. Энрайт сформулировал понятие регионального кластера как промышленного кластера, в котором фирмы находятся в географической близости друг от друга, то есть это географическое сосредоточение фирм одной или нескольких родственных отраслей [7]. М. Энрайт выделяет три типа региональных кластеров: промышленный район малых и средних предприятий; концентрация высокотехнологичных фирм, использующих общие методы производства и технологии; производственная система, созданная отделившимися от крупных транснациональных корпораций предприятиями.

Таким образом, исследования М. Портера и М. Энрайта создают предпосылки изучения конкурентоспособности регионов с позиций стимулирования развития кластеров.

Продолжением дискуссии является концепция взаимодействия цепочки добавления стоимости и кластера Р. Каплински, Дж. Хамфри, Х. Шмитца, предусматривающая три вида «усовершенствований», приводящих к росту конкурентоспособности экономических субъектов: усовершенствование процесса производства, усовершенствование производимого продукта, функциональное усовершенствование [9, с. 1].

При встраивании кластера в цепочку добавления стоимости у входящих в него предприятий усиливаются конкурентные преимущества за счет усовершенствования процесса производства и производимого продукта. При этом утрата функционального усовершенствования, связанная с сужением специализации, может сопровождаться ростом инвестиций в развитие регионального кластера. Однако следует учитывать выявленную опасность встраивания кластера в цепочку добавления стоимости, заключающуюся в том, что внешние инвестиции в регион связаны с использованием региональной дешевой рабочей силы и временное развитие кластера за счет размещения внешних заказов сменится упадком при перемещении заказов в регионы с еще более дешевой рабочей силой. Авторы концепции акцентируют внимание на оптимизацию соотношения долей и темпов усовершенствования производства, продукта и функционального усовершенствования для обеспечения сбалансированного роста

конкурентоспособности кластера и региона, в котором он расположен. При этом задачей региональных органов власти и управления должно стать прогнозирование и регулирование потоков внешних инвестиций, препятствующее ассиметричному распределению доходов в цепочке добавления стоимости [10, с. 13]. Важнейшим направлением регулирующего воздействия региональных органов власти и управления на конкурентоспособность местных предприятий производственной сферы и сферы услуг является не привлечение внешних инвестиций в трудоемкие производства, базирующиеся на использовании дешевой рабочей силы, а создание условий для разработки и применения новых наукоемких продуктов, совершенствования технологий, способов производства, маркетинга и иных видов совершенствования экономического управления региональными кластерами и региональным развитием. Наиболее трудоемкие производства, согласно положениям концепции, рекомендуется выносить в регионы с более низким уровнем технологического развития.

Современное решение проблемы обеспечения конкурентоспособности региона может быть связано с использованием преимуществ, открываемых перед регионом условиями смены техно-экономической парадигмы, концепцию которой сформировала британская школа теории конкурентоспособности [8; 14]. Авторы концепции К. Фримэн и К. Перес доказали, что в период смены техно-экономической парадигмы, определяющей приоритетное положение одной из отраслей промышленности в мировой экономике, страны, находящиеся на более низком уровне развития, получают «окно возможностей», то есть возможность догнать более развитые страны и за счет освоения новых технологий быстро перейти на более высокий уровень развития экономики. Такие возможности появляются в том случае, если в стране или регионе имеется научный и образовательный потенциал, который способен предугадать смену техно-экономической парадигмы, превратить свои знания в инновации, а инновации в производство. Использование положений данной концепции при управлении конкурентоспособностью региона даст положительные результаты в том случае, когда региональные органы власти и управления создадут необходимые условия для формирования и эффективного использования такого научно-образовательного потенциала, а также будут учитывать особенности и своевременно выявлять характерные черты этапа смены

техно-экономической парадигмы. К. Фримэн вооружает региональные органы управления открытыми им характеристиками смены техно-экономической парадигмы. В том случае, если эти органы управления своевременно в ходе мониторинга конкурентоспособности региона смогут уловить появление этих черт, у них появится возможность избрать правильные методы для формирования конкурентных преимуществ региона на основе использования «окна возможностей». К. Фримэн доказал, что смена техно-экономической парадигмы предполагает:

- появление и быстрый рост новых отраслей экономики, базирующихся на новых технологиях;
- доступность ресурсов, обеспечивающих более низкие издержки производства;
- готовность к позитивному восприятию перемен бизнес-сообществом, структурами регионального управления, обществом в целом;
- соответствие новых технологий и производств жестким экологическим стандартам;
- быстрое распространение инноваций в мировом хозяйстве;
- наличие потенциала для реструктуризации и совершенствования производственных процессов в имеющихся отраслях промышленности.

Поскольку основные выводы концепции британской школы теории конкурентоспособности ориентированы на применение в условиях развивающихся стран и стран с переходной экономикой, они также могут использоваться при решении проблемы конкурентоспособности депрессивных и отсталых регионов.

Решение проблем конкурентоспособности регионов также следует базировать на выводах, к которым пришли авторы концепции экономики обучения Б.-О. Лундваль и Б. Йонсон [11; 12]. Концепция построена на обобщении опыта малых стран Европы, оказавшихся в условиях двустороннего нажима со стороны крупных индустриальных и новых индустриальных стран. В таких условиях, по заключению авторов концепции, сохранение конкурентоспособности возможно лишь за счет изобретения инноваций и генерирования новых знаний. Важнейшими постулатами этой концепции являются добавочная инновация, которая является частью кумулятивного и повсеместного инновационного процесса (когда каждый день создается что-то новое, новые идеи накапливаются и трансформируются в более значительные изобретения),

и очень высокая степень развития связей «потребитель-производитель» в условиях малой страны, на основе которых возникает чувство доверия к противоположной стороне, что облегчает распространение инноваций в обществе малого государства (постоянный обмен мнениями между продавцами и покупателями приводят к возникновению добавочных инноваций). О.-Б. Лундваль доказал, что достижение высокой конкурентоспособности в малой стране возможно с помощью добавочных инноваций, связанных не только и не столько со сферой высоких технологий, но охватывающих различные сферы экономической деятельности. Движущей силой получения дополнительных инноваций является обучение. В связи с этим О.-Б. Лундваль вводит термин «экономика обучения». На основе таких концептуальных подходов О.-Б. Лундваль и Б. Йонсон разрабатывают национальную систему инноваций и включают в нее взаимосвязь следующих элементов: внутреннюю организацию фирм, межфирменные отношения, государственный сектор, институциональные условия создания финансового сектора, интенсивность НИОКР и их организацию, национальную систему образования и профессионального обучения. Применять положения концепции экономики обучения при решении задач управления региональной конкурентоспособностью для формирования дополнительных конкурентных преимуществ целесообразно при условии их специальной адаптации к особенностям развития региона.

Концепция «индекса качества» экономической деятельности Э. Райнерта [13] вооружает исследователей конкурентоспособности региона знанием следующих положений, использование которых будет способствовать выработке действенных инструментов формирования региональных конкурентных преимуществ:

- главной целью политики повышения конкурентоспособности страны и предметом конкурентной борьбы является существование и национальное присвоение высокой промышленной ренты;
- выбор специализации в рамках производственной цепочки должен ориентироваться на те ее стадии, в которых показатель добавленной стоимости в расчете на одного рабочего максимальный;
- важно то, в какой отрасли страна обладает конкурентными преимуществами и каково технологическое обеспечение производства в этой отрасли;
- следует уделять большое внимание местным особенностям развития

экономики и социокультурным аспектам конкурентоспособности.

В концепции Э. Райнерта содержится подход к конструированию системы диагностики конкурентоспособности региона, вытекающий из построения индекса качества деятельности, с помощью которого автор ранжирует экономическую деятельность по ее возможности обеспечить высокую конкурентоспособность страны. Данный подход можно адаптировать к условиям региона при построении региональной экономической политики.

Научный дискурс по данной проблеме продолжает концепция четырех парадигм региона, которая трактует регион как квазигосударство, квазикорпорацию, рынок (рыночный ареал) и социум [1, с. 46].

Парадигма «регион-квазигосударство» базируется на представлении региона как подобия государства. Регион здесь фактически является подсистемой государства и национальной экономики, но в силу развития процессов децентрализации и федерализации к таким регионам переходит все больше ресурсов и управленческих функций, которые ранее принадлежали федеральному центру. Регулирование экономики региона выступает в качестве главной задачи региональных органов власти. При этом региональная экономика складывается под влиянием взаимодействия региональных и федеральных органов власти в условиях различных форм межрегиональных экономических отношений.

Парадигма «регион-квазикорпорация» рассматривает регион с позиций его представления как единого хозяйствующего субъекта, обладающего ресурсным потенциалом и внутренними механизмами формирования доходов, расходов, распределения ресурсов и пр. Регион как экономический субъект вступает в отношения с другими экономическими субъектами (национальными и транснациональными корпорациями, другими регионами, государствами) и участвует в конкурентной борьбе на рынках товаров и капитала.

Парадигма «регион-рынок» представляет регион как рыночный ареал, характеризующийся общими условиями экономической деятельности и спецификой региональных рынков товаров, услуг, труда, капитала, информации и т.п.

Парадигма «регион-социум» описывает регион как общность людей, живущих на определенной территории, с присущими ей культурными, образовательными, медицинскими, социально-психологическими и экономическими интересами.

Реализация данной концепции при решении проблемы обеспечения конкурентоспособности региона актуализирует применение инструментов макроэкономического регулирования для формирования конкурентных преимуществ региона в рамках парадигмы «регион-квазигосударство» и микроэкономических инструментов – в рамках парадигм «регион-квазикорпорация», «регион-рынок». Парадигма «регион-социум» ориентирует исследователей на необходимость выделения конкурентных преимуществ социального характера, тесно увязанных причинно-следственными связями с экономическими конкурентными преимуществами, что в современном обществе является ключевым подходом к обеспечению конкурентоспособности региона.

Изучение обобщенных выше теорий и концепций, а также указание на существование сопряженных с их развитием методологических проблем [2] приводит к выводу о том, что конкурентоспособность региона еще не стала предметом комплексного экономического исследования. Это является сдерживающим фактором в дальнейшем развитии экономической науки и не соответствует потребностям практики регионального развития.

Комплексность экономических исследований конкурентоспособности регионов нарушается недостаточностью теоретических

и эмпирических исследований взаимодействия между конкурентоспособностью региона с конкурентными преимуществами наукоемкого машиностроения, определяющего научно-технический и инновационный потенциал региона. В условиях становления и развития мирового инновационного общества точкой роста национальной конкурентоспособности выступают те регионы национальной экономики, которые обладают инновационным и технологическим потенциалом.

В связи с этим следует указать на противоречие между потребностью в обеспечении конкурентоспособности региональной экономики и ограниченными возможностями формирования конкурентных преимуществ регионального наукоемкого машиностроения, выступающих фактором региональной конкурентоспособности. Это противоречие обуславливает необходимость решения проблемы обеспечения конкурентоспособности региона на основе формирования конкурентных преимуществ регионального наукоемкого машиностроения.

Решение поставленной проблемы будет являться логическим продолжением начатой в научной литературе дискуссии и позволит выработать методологические и методические подходы к обеспечению конкурентоспособности региона на основе формирования конкурентных преимуществ регионального наукоемкого машиностроения.

1. Гаврилов А. И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 239 с.
2. Неживенко Е. А. Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования [Текст] / Е.А. Неживенко // Социум и власть. 2012. №3(35). С. 57–61.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов [Текст] / М. Портер / пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
4. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость [Текст] / М. Портер / пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 715 с.
5. Портер М. Конкуренция [Текст] / М. Портер / пер. с англ. М. : Издательский дом «Вильямс», 2005. 608 с.
6. Портер М. Международная конкуренция / пер. с англ. М.: Международные отношения, 1993. 896 с.
7. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? / M.J. Enright // World Link, No: 5, July/August, 1992. P. 24–25.
8. Freeman C. Structural Crises of Adjustment: Business Cycles and Investment Behaviour / C. Freeman, C. Perez // Technical Change and Economic Theory / Edited by Dosi G. et al. L.: Pinter Publishers, 1988. P. 38–66.
9. Humphrey J. How does insertion in global value chains affect upgrading in industrial clusters? / J. Humphrey, H. Schmitz // IDS Working Paper, 2002. 16 p.
10. Kaplinsky R. Spreading the gains from globalization: what can be learned from value chain analysis? / R. Kaplinsky // IDS Working Paper №110, 2000. 37 p.
11. Lundvall, B.-. The Learning Economy / B.-. Lundvall, B. Johnson // Journal of Industry Studies, Vol. 1, 1994. P. 23–42.
12. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / Edited by B.-. Lundvall. L.: Pinter Publishers, 1992. 342 p.
13. Reinert E.S. Catching-up from Way Behind – a Third World Perspective on First World History / E.S. Reinert // Catching-up, Forging ahead, and Falling Behind. On the Dynamics of Technology, Trade, and Growth / Edited by J. Fagerberg et. al. L.: Edward Elgar, 1994. P. 168–197.
14. Small Countries Facing the Technological Revolution / Edited by Ch. Freeman, B.-. Lundvall. L.: Pinter Publishers, 1988. – 304 p.
15. The Global Competitiveness Report 2010–2011. – Geneva: World Economic Forum, 2010. – 501 p. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2010-11.pdf (дата обращения: 10.03.2012).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ*

УДК 316.4

С. Р. АБРАМКИНА

Понятие экономической активности населения, включающее занятых и активно ищущих работу граждан, появилось в российской экономике только с переходом на рыночные формы хозяйствования, поскольку в командно-административной экономике существование безработицы не признавалось. Анализ состояния экономической активности населения является одной из важнейших задач государства, так как выявляет основные изменения в развитии трудового потенциала, способные

существенно повлиять на динамику основных социально-экономических показателей страны (ВВП, динамика промышленного производства, уровень безработицы, уровень доходов и другие).

Динамика численности и структура занятых в экономике Челябинской области (как и в других регионах Российской Федерации) является отражением состояния и направленности реформирования хозяйственных отношений.

Таблица 1
Среднегодовая численность занятых в экономике Челябинской области и уровень безработицы (1995–2009 гг.) [1]

	1995	2000	2005	2006	2008	2009	2010
Численность занятого населения (тыс. чел.)	1575,7	1582,4	1674,4	1685,2	1696,1	1644,2	1665,7
Изменение среднегодовой численности занятых в экономике (в %% к предыдущему году)	99,2	101,0	100,7	100,6	100,6	96,9	101,4
Уровень безработицы (в %% от численности экономические)	8,1	8,6	5,4	5,1	4,4	8,0	7,6

Как показано в таблице 1, численность занятого в экономике Челябинской области населения в абсолютном выражении в 1995–2008 гг. постоянно возрастала. Произошло резкое снижение данного показателя в 2009 году в связи с экономическим кризисом, который достаточно серьезно отразился на занятости населения в регионе. Далее наблюдается рост занятости граждан, однако докризисного уровня в 2010 году ещё достичь не удалось (1696, 1 чел. в 2008 г., 1665, 7 чел. в 2010 г.)

По численности занятого населения Челябинская область занимает третье место в Уральском Федеральном округе после Свердловской

области (на 2010 г. количество занятых – 2064,1 тыс. человек) и Тюменской области (на 2010 г. количество занятых с учетом ХМАО и ЯНАО – 1928, 4 тыс. человек) и 11 место в Российской Федерации.

Анализ уровня безработицы в Челябинской области показал, что с 2000 по 2008 гг. значение данного показателя достаточно снизилось (с 8,6% до 4,4%). Однако экономический кризис привел к увеличению численности безработных в регионе практически вдвое (с 4,4% до 8,0%). В 2008 году Государственные органы занятости и кадровые агентства отмечали сокращение числа вакансий и заметное увеличение спроса на рабочие места.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Социокультурный портрет Челябинской области» (№ проекта 11-03-00655а).

Таблица 2
 Результаты опроса «Как кризис 2008–2010 гг. повлиял на Вашу жизнь и на жизнь членов Вашей семьи?» [2] (% от числа опрошенных)

	Челябинская область	Российская Федерация
Ничего не изменилось	34,6	47,0
Потерял в заработке, доходах	31,8	23,7
Столкнулся с задержками заработной платы, социальных выплат	18,3	12,6
Пришлось взяться за дополнительную работу	12,7	6,4
Оказался без работы и заработка	6,9	11,1
Пришлось перейти на другую, менее оплачиваемую работу	4,9	4,3
Нашел другую, лучше оплачиваемую работу	4,5	1,5
Сумел повысить свою квалификацию и стал больше зарабатывать	3,7	1,4
Другое	2,5	4,7

Результаты опроса, представленные в таблице 2, показывают, что лишь 34,6% населения области не почувствовали влияния экономического кризиса, при этом ещё 8,2% респондентов в период спада даже улучшили своё трудовое положение (нашли более высокооплачиваемую работу или повысили квалификацию и стали больше зарабатывать). Респондентов в регионе, у которых не произошло изменений в трудовом положении в период кризиса, на 12,4% меньше, чем в среднем по Российской Федерации. Данный факт объясняется прежде всего тем, что основная отрасль специализации региона – черная металлургия (уровень специализации составляет 53%), которая особенно жестко ощутила на себе последствия экономического кризиса. Отсюда и количество жителей области, потерявших в заработке, доходах в период кризиса, столкнувшихся с задержками зарплат, социальных выплат, вынужденных взяться за дополнительный заработок, в среднем на 7% больше, чем в среднем по Российской Федерации (таблица 2).

Однако активные меры, предпринятые региональными властями в целях стабилизации ситуации на рынке труда и противодействия негативным последствиям кризиса, привели к снижению уровня безработицы уже в течение 2010 года до 7,6% (таблица 1). В Челябинской области продолжает действовать «Областная целевая программа по стабилизации ситуации на рынке труда», «Областная целевая программа по улучшению условий и охраны труда», которые направлены на снижение уровня напряженности на рынке труда в регионе.

В таблице 3 представлена динамика численности занятых в экономике области

и страны, приходящихся на одного пенсионера с 1995 по 2010 гг. Данный показатель характеризует уровень нагрузки социальной подсистемы на экономическую подсистему региона и выражает соотношение численности лиц занятых в экономике региона и проживающих в нём пенсионеров.

Численность занятых в экономике Челябинской области, приходящаяся на одного пенсионера, в 1995 году была ниже, чем аналогичное значение по РФ (соответственно 1,8 и 1,7). К 2010 году значение данного показателя в регионе осталось на прежнем уровне (1,7), претерпев некоторые изменения в 2005–2006 гг. (1,79). Это говорит об усилении нагрузки социальной системы на экономику региона, что вызвано главным образом, неблагоприятными социально-демографическими процессами, как в стране в целом, так и в нашем регионе в частности.

Таблица 3
 Численность занятых в экономике, приходящаяся на одного пенсионера [1] (в среднем за год), человек

	Российская Федерация	Челябинская область
1995	1,8	1,70
2005	1,75	1,79
2006	1,75	1,79
2008	1,78	1,72
2009	1,73	1,72
2010	1,70	1,70

Анализ влияния гендера и типа поселения на занятость в Челябинской области на 2010 год показал, что занятость среди мужского населения (74,1%) выше, чем среди женщин (64,7%); занятость среди

городского населения (69,2%) выше занятости жителей сельской местности (68,6%).

Возрастная структура занятых в регионе достаточно стабильна (таблица 4).

Таблица 4
Состав занятого населения по возрастным группам [1] (в % в итогу)

Год	Занятые – всего	в т.ч. в возрасте (лет)						Средний возраст
		до 20	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72	
2001	100	1,5	22,1	26,1	31,7	15,2	3,4	39,2
2010	100	0,7	24,0	25,4	24,6	21,6	3,6	39,9

Наблюдается некоторая тенденция к старению работающего населения, в первую очередь за счет роста веса группы работников в возрасте 50–59 лет (с 15,2% в 2001 г. до 21,6% в 2010 г.). Однако к 2010 году наибольший удельный вес среди работающего населения принадлежит группе 30–39 лет (25,4%). Тем не менее, средний возраст

занятых в Челябинской области (39,9 лет в 2010 г.) чуть больше, чем в целом по России (39,7 года).

Анализируя состав безработных в Южно-Уральском регионе по возрастным группам (таблица 5), можно сделать вывод, что данный показатель в области в целом соответствует общим для страны тенденциям.

Таблица 5
Состав безработных по возрастным группам [1] (в % в итогу)

Год	Безработные – всего	в т.ч. в возрасте (лет)						Средний возраст
		до 20	20–29	30–39	40–49	50–59	60–72	
2001	100	12,1	26,1	24,4	23,2	11,0	3,2	34,9
2010	100	9,9	35,6	19,3	17,9	15,3	2,0	34,5

На протяжении последних лет острой проблемой остается молодежная безработица. Отсутствие необходимой квалификации и опыта работы служит серьезным барьером для трудоустройства этой категории граждан. В результате молодежь составляет значительную часть (45,5% в 2010 г.) общей численности безработных (в 2001 г. молодежная безработица составляла 38,2%). Ещё одной особенностью демографического состава безработных является постепенное увеличение доли лиц

пенсионного и предпенсионного возраста (с 14,3% в 2001 г. до 17,3% в 2010 г.).

Тем не менее в Челябинской области за последнее время качество трудовых ресурсов заметно улучшилось: увеличился удельный вес работников с высшим профессиональным образованием (с 21,3% в 2006 г. до 26,7% в 2010 г.), выросла доля занятых, имеющих среднее профессиональное образование (с 31,4% в 2006 г. до 36,8% в 2010 г.) (таблица 6).

Таблица 6
Состав занятого населения Челябинской области по уровню образования с 2006 по 2010 гг. (в %)[1]

Год	Занятые – всего	в т.ч. имеют образование						начал. общее, не имеют нач. общ
		высшее проф.	неполное высшее проф.	среднее проф.	начал. проф.	среднее полное (общее)	основное общее	
2006	100	21,3	1,0	31,4	26,6	13,8	5,4	0,6
2008	100	23,6	0,9	32,5	24,7	14,4	3,5	0,5
2009	100	27,5	-	34,1	16,9	16,0	4,8	0,4
2010	100	26,7	-	36,8	16,3	16,0	3,8	0,3

В то же время региональный рынок труда складывается в основном из лиц со средним и начальным профессиональным образованием (свыше 53,1%). В составе занятых в экономике уменьшается, но остается достаточно высокой доля лиц,

не имеющих никакого профессионального образования – 20,2%.

На протяжении последних лет основную долю безработных (58,4% в 2010 г.) составляют работники с невысоким уровнем образования (начальное профессиональное и ниже) (таблица 7).

Таблица 7
Состав безработных Челябинской области по уровню образования с 2006 по 2010 гг. (в %) [1]

Год	Безработные – всего	в т.ч. имеют образование						начал. общее, не имеют нач. общ
		высшее проф.	неполное высшее проф.	среднее проф.	начал. проф.	среднее полное (общее)	основное общее	
2006	100	0,4	1,5	27,8	12,6	31,6	15,2	5,2
2008	100	4,5	1,8	19,7	27,5	33,4	11,6	1,5
2009	100	14,4	-	29,8	14,9	32,0	8,5	0,4
2010	100	10,3	-	31,4	16,3	29,3	11,6	1,2

Доля безработных с относительно высоким образовательным статусом (среднее профессиональное образование) на протяжении последних лет росла и составила в 2010 г. 31,4%. Та же тенденция наблюдается и в когорте работников с высшим образованием, где к 2010 г. доля безработных существенно выросла (до 10,3%). Данная тенденция говорит о том, что эффективность функционирования региональной системы профессионального образования достаточно низкая. Многие профессиональные учебные заведения при подготовке кадров недостаточно учитывают потребности рынка и продолжают готовить кадры по профессиям, которыми региональный рынок труда уже перенасыщен.

С точки зрения отраслевой структуры занятости более трети населения (33,7%) региона заняты в обрабатывающих производствах, строительстве, в производстве и распределении электроэнергии, газа, воды, что обусловлено спецификой структуры экономики области. В сфере услуг всего занято 52,17% населения региона, из них 32,6% заняты в сфере материальных услуг: торговля, ремонт, транспорт и связь, гостиницы и рестораны, операции с недвижимым имуществом, аренда. Примерно равное количество граждан заняты оказанием социальных и интеллектуальных услуг (9,8% и 9,77%

соответственно). В сельском и лесном хозяйстве заняты 7,6% населения региона, и незначительное количество жителей области (1%) работают в сфере добычи полезных ископаемых.

В процессе исследования с целью анализа изменений в социально-профессиональной структуре Челябинской области с 1998 года по 2010 год были выявлены два поколения: «поколение детей» и «поколение родителей».

В «поколении детей», согласно результатам опроса, были определены группы, наиболее широко представленные в социально-профессиональной структуре региона в 1998 году. В данный период почти каждый четвертый респондент был учащимся или студентом (23,6%), почти каждый пятый – рабочим в промышленности, на транспорте, в связи (18,9%), каждый десятый – врачом, преподавателем, работником культуры, юристом и т.д. (11,1%) или ИТР, госслужащим, представителем среднего управленческого персонала (10,1%). Представители иных социально-профессиональных групп в 1998 году в «поколении детей» встречались значительно реже (менее 5%).

В 2010 году по истечении 12 лет профессиональная структура «поколения родителей» респондентов существенно изменилась (таблица 8).

Таблица 8
Результаты опроса «Кем Вы и Ваши родители работаете сегодня?» (% от числа опрошенных) [2]

	Респондент	Мать	Отец
Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	14,7	5,4	10,7

Таблица 8
(продолжение)

	Респондент	Мать	Отец
ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	12,4	3,8	2,6
Руководители госпредприятий, акционерных обществ	0,6	0,7	1,0
Предприниматели	5,7	2,1	1,8
Бухгалтеры, экономисты, работники банков	3,1	2,4	0,3
Врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д.)	11,8	6,9	2,1
Работники сферы быта и услуг	5,8	3,3	0,7
Работники торговли	8,3	4,0	0,4
Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1,6	-	1,8
Студенты, учащиеся	5,7	-	-
Руководители в сельском хозяйстве, сельская интеллигенция	0,7	0,1	0,7
Другие сельские жители, в том числе пенсионеры	1,3	5,6	3,7
Пенсионеры (не сельские жители)	16,4	29,2	20,7
Не работал и не учился, не был пенсионером	1,4	1,4	1,1
Другое	4,9	12,7	18,3
Не знаю	0,1	0,8	2,2
Отказ от ответа	5,5	21,6	31,9

Как показали результаты опроса, в 2010 году в группе респондентов наиболее широко представлены такие социально-профессиональные группы, как рабочие в промышленности, на транспорте, в связи (14,7%), ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал (12,4%), врачи, преподаватели, работники культуры, юристы и т.д. (11,8%), а также социальная группа пенсионеров (16,4%)

Тем не менее, в относительном выражении доля рабочих в промышленности, на транспорте, в связи в социально-профессиональной структуре региона уменьшилась (с 18,9% в 1998 г. до 14,7% в 2010 г.). Заметно снизилась в составе респондентов доля представителей студенчества (с 23,6% в 1998 г. до 5,7% в 2010 г.) и увеличилась доля пенсионеров (с 4,9% в 1998 г. до 16,4% в 2010 г.), что объясняется значительным временным отрезком, разделяющим интересующие нас жизненные этапы.

Результаты опроса показали, что за 12 лет в регионе увеличилась относительная доля, например, ИТР, госслужащих, представителей среднего управленческого персонала (+4,5%), работников торговли (+3,6%), предпринимателей (+2,1), работников сферы быта и услуг (+1,7%), врачей, преподавателей, работников культуры, юристов и т.д. (+0,7%), руководителей госпредприятий,

акционерных обществ (+0,1%), при этом заметно снизилась относительная доля военнослужащих, работников правоохранительных органов (-1,5%).

Анализировать ситуацию с «поколением отцов» представляется весьма затруднительно, поскольку значительная часть респондентов отказались отвечать на вопрос относительно того, кем их родители работают сегодня. Так, 31,9% опрошенных отказались отвечать на него относительно своих отцов, 2,2% выбрали вариант ответа «не знаю». По поводу своих матерей аналогичные ответы дали соответственно 21,6% и 0,8% опрошенных. Можно предположить, что респонденты либо не хотят говорить о своих умерших родителях, либо речь идет о неполных семьях.

В 1998 году 52,7% опрошенных жителей Челябинской области имели оплачиваемую работу, 47,3% соответственно её не имели. Отвечая на вопрос об изменении их трудового положения с 1998 года, треть жителей Челябинской области указали, что работают по той же специальности и в той же организации, что и в 1998 году (33,4%). Более четверти респондентов сменили и специальность, и организацию (29,5%). 14,3% работают по той же специальности, но сменили организацию. Наконец, 20,1% сейчас не работают (таблица 9).

Таблица 9
 Результаты опроса «Что изменилось
 в Вашем трудовом положении с 1998 года?» [2]
 (в % от числа опрошенных)

Вы работаете по той же спец. и в той же орг., что и в 1998 г.	33,4
Вы работаете по той же спец., но перешли в другую орг.	14,3
Вы сменили и специальность, и организацию	29,5
Вы сейчас не работаете	20,1
Отказ от ответа	2,7

Отвечая на вопрос о причинах сохранения после 1998 года своей работы [2], профессии, ответившие жители Челябинской области чаще указывают привычку к своей работе, коллективу (35,8%), интересную работу (33,5%) («Работаю в экономике, не менял, потому что нравится», «Работаю в продаже, устраивает», «Работаю в спортивной школе, мне нравится моя работа», «Работаю в автомобилестроении, меня устраивает», «Работаю в общественном питании – нравится»), а также обстоятельства, вынуждавшие его остаться на прежней работе («Мне некуда уходить, другой работы у меня не было») (30,7%).

Более 10% респондентов считают, что их работа почетная, уважаемая, престижная, приносит пользу людям, каждый десятый указал, что его работа хорошо оплачивается, и около 8% отметили вариант «Мне так спокойнее».

В результате опроса выяснилось, что в меньшей степени склонны менять место работы люди, работающие в следующих сферах [3]:

- крупные промышленные предприятия, особенно, если предприятие является градообразующим («Не менял. На заводе мастер, потом испытатель – слесарь-электрик», «Все 5 лет на птицефабрике», «Все время на пищевом комбинате рабочим»);
- собственный бизнес («Я бизнесмен», «всегда занимался ремонтом бытовой техники. Это мое собственное дело»);
- строительство и ремонт («Строитель-отделочник», «Начал с мастерской автомобильной», «Всегда в строительстве. «Не менял, работаю электриком»);
- медицина («Работаю неврологом, не меняла», «Не меняла, работаю педиатром», «Все время в поликлинике медсестрой»);

- железная дорога («На железной дороге дорожным мастером», «Я уже 17 лет на железной дороге работаю»);
- частный извоз («Не менял профессию: с 18 лет водитель», «работаю водителем всю жизнь, не менял работу»);
- образование («Работаю в образовании – не меняла»);
- силовые структуры («Всегда в МЧС работал и работаю»).

При анализе ответов жителей региона на вопрос «Если Вы после 1998 года изменили свою работу, профессию, то почему?» обращает на себя внимание тот факт, что четверть (25,4%) респондентов мотивируют своё увольнение сокращением или закрытием предприятия. Респонденты при этом говорили следующее: «При сокращении штата уволили, и нужно было чем-то заниматься», «С кризисом сократили, и я сменил сферу работы – перешел в торговлю», «По сокращению штатов ушел из земельного комитета (белые воротнички) на простую рабочую специальность», «Пожарный – 10 лет – сократили, сейчас обувь ремонтирую», «Работал трактористом, колхоз развалился, пошел сантехником – не платили, стал водителем» [3].

Сменили работу при появлении возможности более интересной работы – 28,2% из числа опрошенных, лучшие возможности для самореализации на новом месте увидели 24,3%: «На последней работе мне уже нечему было учиться», «Все работы у меня были в разных сферах, т.к. носили временный характер – переводчик, менеджер туристической компании, новостное агентство, – мне так было удобно и хотелось пробовать новое», «Я часто менял работу для того, чтобы получить различные навыки, и был не односторонним специалистом, а мог устроиться в любое время в любую фирму».

Указали в качестве причины смены работы низкую оплату труда («Всегда причиной перемены места была низкая зарплата»), невыплаты зарплаты и ее задержки («Менял, так как надували с заработной платой, она была серая») 21,5% жителей региона [3].

Таким образом, большинство ответивших граждан объясняют свое увольнение с прежнего места работы собственным сознательным выбором.

Основная масса опрошенных жителей области хотели бы работать на государственных, муниципальных предприятиях, а также в акционерных обществах с участием государства (таблица 10).

Таблица 10
 Результаты опроса «На каком предприятии Вы хотели бы работать?» [2]
 (% от числа опрошенных)

	Основная работа	Дополнительная работа
Государственное, муниципальное предприятие	50,7	30,4
Предприятие, фирма, находящаяся в Вашей личной собственности	24,6	22,7
Индивидуальная трудовая деятельность	14,3	18,6
Акционерное предприятие с участием государства	13,4	15,0
Акционерное предприятие без участия государства	8,9	12,1
Частное предприятие (не Ваша собственность)	6,5	11,3
Личное подсобное хозяйство	3,4	8,5
Колхоз, совхоз, сельскохозяйственный кооператив	0,9	5,7
Крестьянское, фермерское хозяйство	0,6	2,8
Другое	0,9	1,2
Не хочу иметь постоянной работы	5,3	11,3

Вместе с тем значительная часть респондентов хотела бы работать на себя, а не на государство или на частном предприятии (не собственность респондента). Работать на предприятии, находящемся в своей личной собственности, хотели бы в 9 раз, заниматься индивидуальной трудовой деятельностью – в 3,8 раза, а личным подсобным хозяйством – в 34 раза больше респондентов, чем реально на них работают. Это те респонденты, кто намерен самостоятельно работать и отвечать за результаты своего труда. В целом работа на частном или на государственном

предприятии зависит от внутренних установок респондентов и их ценностных предпочтений.

Таким образом, динамика экономической активности населения Челябинской области является отражением процессов, происходящих в национальной и региональной экономике. Среди факторов, которые наиболее существенно оказывают влияние на занятость населения региона, можно выделить циклическое развитие экономики, отраслевая специализацию регионального хозяйства, профессиональные традиции в семье, ценностные ориентиры граждан.

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. Раздел 4. 2011: Стат.сб. / Росстат. – М., 2012 // URL: www.gks.ru
2. Результаты опроса населения Челябинской области по методике ЦИСИ ИФ РАН. Июль-август 2011 г. Выборка 1000 человек.
3. Серия глубинных интервью (120 интервью) в Челябинской области, июль-август 2012 года.
4. Справочник промышленных предприятий челябинской области // URL: <http://www.promfirm74.ru>

МЕТОДОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОСЕТЕВОГО ПОДХОДА В ПРОЦЕССЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ

УДК 65.01

К. В. МАКАРЕНКО

Современные экономические тенденции, имеющие периодический кризисный характер, а также их глобализация заставляют руководителей менять известные подходы к менеджменту предприятия, в том числе и к получению прибыли. Происходит переосмысление главных целей функционирования компании, методологии организации производства, стратегического планирования развития металлургической корпорации.

В настоящее время отрасли черной и цветной металлургии представлены небольшим количеством крупнейших металлургических холдингов и корпораций, в том числе и транснациональных, управляющих множеством дочерних предприятий, выполняющих различные функции в общей цепочке металлургического производства.

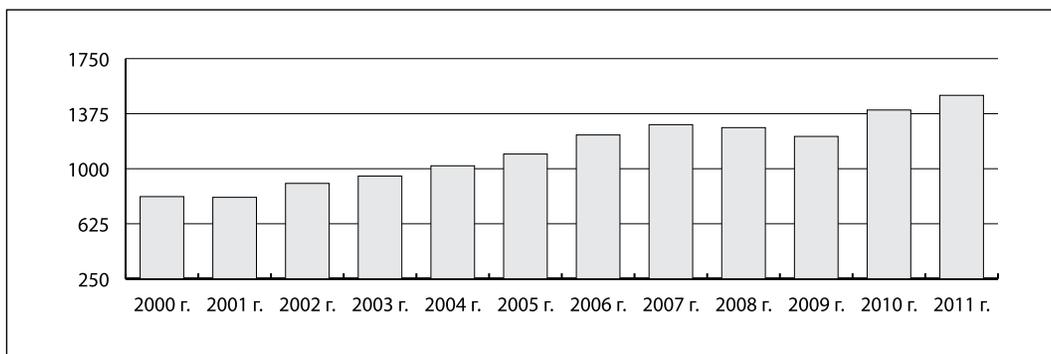
Текущие мировые тенденции развития металлургического рынка говорят о существенном изменении его структуры, доли основных стран экспортеров и импортеров металлургической продукции, мест добычи полезных ископаемых. Учитывая большую долю металлургии

в ВВП нашей страны, потребность в понимании динамики этих глобальных изменений и последующего выбора оптимального варианта стратегии развития российских металлургических предприятий является актуальной задачей не только на уровне высшего руководства корпораций, но и на государственном уровне.

Стратегическое управление крупным предприятием предполагает постепенное изменение структуры компании, а также производственно-экономических связей между подразделениями, поставщиками и потребителями конечной продукции. В связи с этим возникает насущная необходимость в разработке современных подходов к оценке вариантов развития металлургической корпорации: достаточно наглядных для высшего руководства компании, а также обладающих достаточной математической точностью и достоверностью.

По данным World Steel Association [6] в 2011 году мировой выпуск стали достиг нового рекорда в 1,5 млрд т, превысив результат 2010 г. на 6,8% (Рис. 1).

Рисунок 1
Динамика производства стали в мире

Лидеры металлургической отрасли — страны БРИК: суммарно в странах-членах выплавлено более 60% мирового объема стали. Лидером является Китай, который в 2011 году выплавил 45% мирового выпуска стали. Он выплавляет в год стали больше, чем

Северная Америка, Европа и Япония, вместе взятые. Япония занимает второе место по производству стали в мире (7%). Другие регионы Азии играют существенно меньшую роль в мировой черной металлургии, но их значение постоянно возрастает, а доля в мировой

выплавке стали составляет 8,5%. На Европу и СНГ приходится 25% мирового производства стали, в том числе на Западную Европу – 13%, Центрально-Восточную Европу – 3%, СНГ – 9%. США и Канада сосредотачивают 6,5% мирового выпуска стали.

По данным World Steel Association [6], крупнейшими странами производителями стали по данным на конец 2011 года являются:

Таблица 1
Крупнейшие страны-производители стали в 2011 году.

Страна	Объем производства., млн т	В% к 2010 г.
Китай	683.3	109.0
Япония	107.6	98.2
США	86.3	107.1
Индия	72.2	105.7
Россия	68.7	102.7
Южная Корея	68.5	117.3
Германия	44.3	101.0
Украина	35.3	105.7
Бразилия	35.2	106.8
Турция	34.1	117.0

Постоянная консолидация металлургических предприятий на протяжении 2000-х годов позволила частным транснациональным компаниям стать лидерами отрасли. По данным World Steel Association [6], в 2010 г. 10 крупнейших транснациональных металлургических корпораций произвели 29% мирового выпуска стали, а крупнейшие металлургические компании с годовой выплавкой стали более 10 млн т произвели в 2010 г. 43% мирового объема стали.

Таблица 2
Крупнейшие металлургические транснациональные корпорации мира

Место	Компания	Объем производства, млн т
1	ArcelorMittal	98.2
2	Baosteel	37.0
3	POSCO	35.4
4	Nippon Steel	35.0
5	JFE	31.1
6	Jiangsu Shagang	23.2

7	Tata Steel	23.2
8	U.S/ Steel	22.3
9	Ansteel	22.1
10	Gerdau	18.7
11	Nucor	18.3
12	Severstal	18.2
13	Wuhan	16.6
14	ThyssenKrupp	16.4
15	Evrax	16.3
16	Shougang	14.9
17	Riva	14.0
18	SAIL	13.6
19	Sumitomo	13.3
20	Hyundai	12.9
21	China Steel	12.7
22	NLMK	11.9
23	Magnitogorsk	11.4

Как видно из таблицы 1 и таблицы 2, Россия не занимает лидирующие позиции в мировом объеме производства металлургической продукции, а российские предприятия не входят в десятку ведущих металлургических корпораций мира. Еще несколько лет назад Россия занимала 4-е место в списке стран-производителей стали. Снижение показателей требует пересмотра существующих подходов к стратегическому управлению российскими металлургическими компаниями.

Следует отметить, что используемые на практике подходы и модели стратегического управления, к числу которых можно отнести подход, основанный на теории транзакционных издержек, подход, базирующийся на теории финансового менеджмента, подход, связанный с обеспечением конкурентных преимуществ, подход, направленный на формирование долгосрочных деловых отношений, подход связанный со спецификой взаимодействия акционеров и управляющих, а также модели пирамиды и призмы эффективности, модель сбалансированных показателей, универсальных показателей деятельности и др. [1, 2, 3, 4], уже перестали в полной мере удовлетворять современным весьма сложным и динамично меняющимся условиям ведения бизнеса. У них, в частности, слабо выражен механизм адаптации формируемых стратегических решений к условиям внешней среды, не проработаны механизмы оценки и выбора наиболее важных

критериев деятельности предприятий. Кроме того, упомянутые подходы и модели не обладают достаточно наглядным графическим интерфейсом, который бы давал возможность руководству компании осуществлять перебор стратегических вариантов развития корпорации в пространственном представлении. Все указанные подходы и модели в основном направлены на анализ экономических и технологических показателей деятельности компании и почти не учитывают множество внешних факторов глобального масштаба.

На основе анализа выявленных недостатков указанных подходов и моделей, а также потребностей, предъявляемых к современному решению задачи выбора новых мест дислокации промышленных производств международных корпораций, автором разработан комплекс научных положений по формированию стратегических императивов и вариантов развития производственных компаний на новых территориях. Их теоретической основой является методология геосетевого подхода, а также математическая модель оценки выбора новых мест дислокации предприятий на различных площадках, которые могут быть в разнообразной удаленности от основного места расположения головной компании. Часть положений указанной методологии были изложены в [5].

На любую производственную компанию оказывает воздействие множество эндогенных и экзогенных факторов, т.е. факторы, обусловленные процессами, происходящими внутри самой компании и воздействующими на нее извне. Таким образом, стратегическое развитие корпорации зависимо не только от процессов, происходящих во всех подразделениях компании, но и обусловлено географией ее подразделений и их взаимодействий между собой и внешним окружением. В этом контексте одной из важнейших задач стратегического управления развитием крупной корпорации является оценка выбора новых мест дислокации производств или поставщиков сырья и энергии, а также перспектив развития рынков по различным регионам мира. Указанная задача характеризуется следующими особенностями:

- большой сложностью своего структурного построения и внутренних взаимосвязей между образующими ее элементами;
- неопределенностью поведения внешней среды;
- множеством показателей, вращающихся в системе и характеризующих ее деятельность;

- многообразием вариантов возможных стратегий поведения компании в целом и ее структурных подразделений в частности.

Указанные особенности накладывают на процесс подготовки и выбор вариантов стратегического поведения компании особую ответственность. Принятие решений по стратегическому развитию при этом становится ключевой задачей, которую необходимо решить ее владельцам для обеспечения выживаемости предприятий в стратегической перспективе и получения такого уровня прибыли в краткосрочной, который позволит корпорации достичь высокого уровня рентабельности.

В указанном контексте необходимо также осуществлять:

- исследование объемов рынка производимой продукции и ее потребления по странам мира;
- анализ структуры основных продаж предприятия по регионам России и странам мира в разрезе готовой продукции;
- анализ объемов имеющихся ресурсов для производства и потенциальных возможностей их увеличения и др.

Структура производства корпорации, ее основные потребители, источники сырья и т.п. имеют точную географическую привязку, что позволяет использовать геоинформационные системы для построения структуры самой корпорации и других внешних элементов, взаимодействующих с ней, в виде сети. При этом узлами указанной сети должны стать различные подразделения корпорации и внешние объекты, взаимодействующие с ними, а разнообразные виды транспортных связей и иные коммуникационные взаимодействия станут ребрами этой сети. На основе этого можно сформулировать понятие геосетевого подхода.

Геосетевой подход к управлению развитием корпорации — представление структуры и взаимосвязей между подразделениями компании и объектами внешней среды в виде графа, исследование которого можно осуществлять с помощью различных математических методов и геоинформационных технологий, позволяющих обеспечить сбор, хранение, обработку, передачу и удобное графическое представление пользователям любых данных, имеющихся в системе, и необходимых для расчета оценки вариантов принимаемых управленческих решений.

Рассмотрим технологию применения геосетевого подхода управлением промышленной корпорации на примере группы металлургических компаний.

Как и в любой развитой геоинформационной системе, данная технология позволяет аналитику получать необходимые срезы данных по различным тематическим слоям карты. В частности, в один слой можно объединять группу однородных показателей, характеризующих ту или иную область пространства, например: железнодорожные пути и иные транспортные связи по регионам конкретной группы компаний, стоимость энергетических и иных ресурсов, необходимых для обеспечения производства в различных узлах сети и т.п. Таким образом, для каждого узла сети геосетевой подход формирует набор стандартных параметров, определяющих функционирование производств в конкретных местных условиях. В процессе исследования аналитик может по своему желанию комбинировать между собой необходимые слои, а также получать различные данные для проведения расчетов.

Получив визуальное представление необходимых данных, аналитик может просчитать с помощью имеющихся в его распоряжении

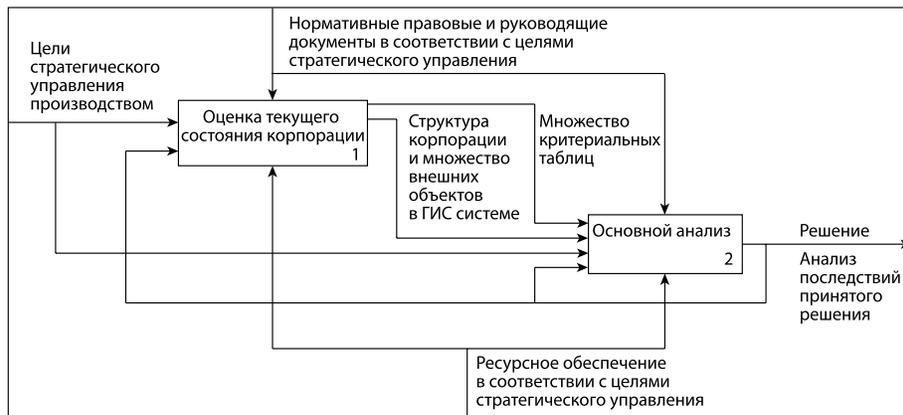
математических методов и моделей тот или иной вариант решения. Геосетевой подход, таким образом, формирует информационно-географическую подоснову, которая может быть использована для решения самых различных задач развития корпорации в целях освоения ею площадок на новых территориях, обоснования приобретения уже имеющихся или строительства новых предприятий в тех или иных регионах мира с использованием заданных критериев эффективности.

Геосетевой подход предполагает, что положенная в его основу геоинформационная система выполняет роль базы данных, в которой хранятся в том числе и аналитические показатели деятельности предприятий корпорации и их конкурентов, поставщиков и др.

Процесс стратегического управления на основе теоретических положений концепции геосетевого подхода с применением модели оценки вариантов развития корпорации на новых территориях в виде единого алгоритма в нотации IDEF0 представлен на рисунке 2.

Рисунок 2

Стратегическое управление развитием металлургической корпорации на основе геосетевого подхода

В соответствии с целями стратегического управления производством, поставленными руководством или владельцами корпорации, производится оценка текущего состояния корпорации. На входе в блок также имеется стрелка «Анализ последствий принятого решения». С ее помощью производится анализ последствий принятого решения спустя определенный промежуток времени и выполняется корректировка начальных параметров, а также процесса оценки с целью получения более точного и качественного управленческого решения в будущем, т.е. реализуется принцип обратной связи. Выбранные аналитиками показатели для каждого из критериев, по которым будет проводиться основной анализ и моделирование

с целью достижения поставленных целей, объединяются в критериальные таблицы, представляющие собой матрицу размером $[m \times n]$, где m — количество показателей i -го критерия, а n — число различных вариантов развития корпорации на новых территориях. На данном этапе также проводится построение металлургической корпорации и требуемых внешних элементов на карте геоинформационной системы. На выходе блока «Оценка текущего состояния корпорации» мы получаем множество критериальных таблиц и готовую структуру корпорации с необходимыми внешними элементами и слоями для проведения основного анализа.

На основе анализа основных показателей работы предприятия и критериев, используемых

для оценки эффективности его функционирования, можно выделить следующие, наиболее важные критерии, по средствам которых целесообразно оценивать варианты развития компании в различных регионах мира. К ним относятся: дислокационный K^1 , экономический K^2 , социально-политический K^3 , производственно-отраслевой K^4 , рисковый K_5 .

Каждый критерий агрегирует ряд показателей, число которых может несколько меняться для каждой конкретной задачи. В общем виде все показатели можно разделить на 3 вида: статистические, расчетные, задаваемые.

Философия деятельности любого бизнеса характеризуется двумя основными направлениями: минимизацией издержек и максимизацией прибыли. Каждый из определенных нами 5 критериев направлен, прежде всего, на минимизацию разного рода издержек функционирования компании.

На этапе основного анализа заполняются критериальные таблицы для нескольких возможных вариантов решений путем подстановки значений статистических параметров, вычисления расчетных и определения задаваемых параметров. На основе полученных таблиц вычисляются: каждый из 5 критериев K_i , конечный интегральный критерий оценки потенциальных мест дислокации I , а также внутренняя норма доходности IRR для каждого из потенциальных вариантов.

Расчет значения общего интегрального критерия оценки I для каждого потенциального места дислокации можно рассчитать по следующей формуле:

$$I = w_1 K_1 + w_2 K_2 + \dots + w_4 K_4$$

w в данном случае служит коэффициентом, определяющим значимость каждого из критериев в общей интегральной оценке потенциального места дислокации I . Значения w выбираются постоянными на весь период оценки в рамках решения текущей задачи. Целесообразно подбирать коэффициенты так, чтобы $w_1 + w_2 + \dots + w_4 = 1$. Один или несколько интегральных критериев I с наименьшими значениями будут лучшими вариантами для принятия решений, поскольку в этом случае предприятие будет нести наименьшие издержки. Рисковый критерий K_5 является в большей мере аналитическим, включающим в себя несколько видов рисков, например, производственный, финансовый, инвестиционный, страновой и т.п. Рисковый критерий можно представить в виде вектора:

$$K_5 = [r_1, r_2, \dots, r_n]$$

Величину данного рискового критерия можно отображать в виде лепестковой

диаграммы, где каждому виду рисков соответствует определенное направление. Чем больше площадь фигуры такой рисковей диаграммы, тем выше риск проекта.

Вычислив значение внутренней нормы доходности IRR для каждого из вариантов, можно проанализировать полученные значения. Наиболее эффективным считается вариант стратегического развития корпорации, при котором величина IRR максимальная, т.е. $IRR \max$.

Несколько лучших решений по величине издержек I , IRR и степени риска K_5 представляются лицу, принимающему решение, который выбирает одно из них, руководствуясь своим личным мнением и видением последствий принимаемого стратегического управленческого решения.

Опишем пошагово алгоритм решения задачи оценки вариантов стратегического развития металлургической корпорации:

1. Определение целей стратегического развития металлургической корпорации.
2. Определение возможных вариантов новых мест дислокации подразделений корпорации.
3. Выбор ключевых показателей для каждого из 5 критериев K_i .
4. Составление критериальных таблиц по каждому из критериев K_i с учетом количества оцениваемых вариантов мест дислокации.
5. Построение структуры металлургической корпорации и связанных с ней внешних элементов, имеющих значение для проведения анализа в геоинформационной системе.
6. Подключение и создание необходимых для проведения анализа тематических слоев карты в геоинформационной системе.
7. Определение значений показателей критериальных таблиц для каждого из оцениваемых вариантов.
8. Расчет экономико-математической модели оценки вариантов развития корпорации на новых территориях (вычисление I , IRR, K_5).
9. Сравнение полученных результатов расчетов и выбор нескольких наиболее выгодных.
10. Представление результатов расчета лицу, принимающему решение.
11. Принятие управленческого решения.
12. Анализ последствий принятого решения с течением времени.

На основе всего вышеизложенного, можно выделить основные преимущества геосетевого подхода:

- наглядность принимаемых управленческих решений;
- масштабируемость применяемой геоинформационной системы;
- представление корпорации в виде графа

с возможностью применения соответствующих математических алгоритмов его оптимизации;

- универсальность платформы за счет возможности использования карт и баз данных по объектам открытых форматов.

По мнению автора статьи, возможности применения геосетевого подхода при решении задачи оценки вариантов стратегического развития металлургической корпорации следующие:

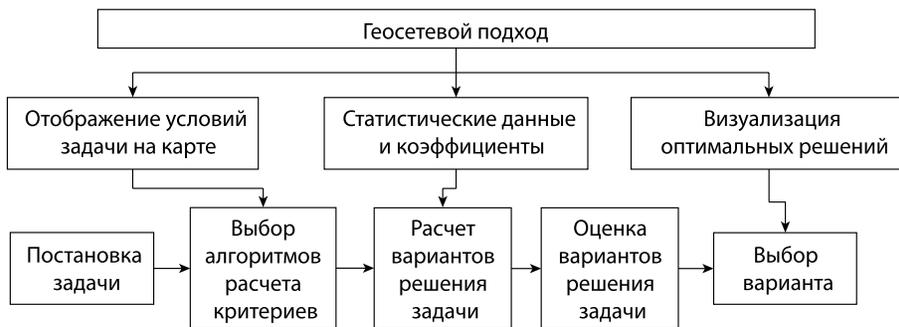
- предварительная оценка возможных вариантов стратегического развития корпорации;
- удобное и быстрое получение статистических данных и коэффициентов при расчете

вычисляемых показателей из базы данных геоинформационной системы;

- возможность проведения наглядного экспертного геополитического анализа;
- визуализация принятых решений для высшего руководства компании.

Геосетевой подход к стратегическому управлению может являться основой задачи оценки вариантов стратегического развития металлургической корпорации, что можно увидеть на следующей схеме, описывающей последовательность решения задачи оценки потенциальных мест дислокации подразделений металлургической корпорации:

Рисунок 3
Взаимосвязь геосетевого подхода с процессом решения задачи оценки вариантов стратегического развития металлургической корпорации

Основные положения концепции геосетевого подхода и задачи оценки вариантов стратегического развития были апробированы при анализе деятельности ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и показали соответствие расчетов принятым управленческим решениям в течение последних нескольких лет. Основные подходы к решению задачи оценки стратегического развития корпорации в настоящее время внедрены в деятельность ЗАО «Уральская монтажно-промышленная компания», проводится оценка возможности использования указанной концепции и подходов в работе ОАО «Челябинский трубопрокатный завод», а также ОАО «Запорожсталь».

Таким образом, мы видим, что геосетевой подход к стратегическому управлению крупной металлургической корпорацией является актуальным и инновационным. Новизна подхода заключается в симбиозе наглядности, предоставляемой геоинформационной системой, и точности вычислений с помощью методов оптимизации графов и динамического программирования на сетях, позволяющих получать достоверную информацию. Его можно использовать для стратегического управления крупной корпорацией в тех случаях, когда необходимо масштабное видение компании в целом, ее места на международной арене, во взаимодействии с главными конкурентами и даже целыми государствами.

1. Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию [Текст] / Д. Нортон, Р. Каплан. Олимп-Бизнес, 2010. 320 с.
2. Логиновский О. В. Корпоративное управление [Текст] / О. В. Логиновский, А. А. Максимов: Научное издание. Т.2. Москва: издательство «Машиностроение-1», 2007. 624 с.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов [Текст] / пер. с англ. И. Минервиано М. : «Альпина Паблишер», 2011. 454 с.
4. Рамперсад Х. К. Универсальная система показателей деятельности: Как достигать результатов, сохраняя целостность [Текст] / Х. К. Рамперсад, пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 352 с.
5. Makarenko K. V. Methodical aspects of application of the geonetwork approach for management of development of metallurgical corporation [Текст] / K.V. Makarenko / Материалы Международной научно-практической конференции «Алдамжаровские чтения - 2011», Костанай: КСТУ им. Академика З.Алдамжар, 2011.
6. World Steel Association [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldsteel.org> (дата обращения: 01.06.2012).

ЮМОР КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

УДК 101.1:316

Л. А. ЗЕЛЕЗИНСКАЯ

Смех, юмор, комическое занимают важное место в духовной жизни индивида и социальных общностей любого уровня. Юмор — элемент культуры. Он отражает особенности национального сознания и мироощущения. Политическая культура, являясь определенной частью, сферой культуры, вырабатывающей представления о цивилизационных формах политического процесса [9, с. 124–126], не могла не подвергнуться влиянию комического. Как известно, не только профессиональные политики являются субъектами политической системы. Всякий человек в своей сущности есть, как писал Аристотель, «политическое животное» [1]. В качестве субъектов политической жизни все люди делятся на элиту и массы, администрацию и общественность, политические партии и избирателей [3, 2]. Исходя из такого разделения общества, можно говорить о юморе непосредственно политиков и юморе «массовом», повседневном. Последний может быть не связан напрямую с политикой, но он выражает взгляды людей, их отношение к другим людям, к обществу в целом. В данной статье мы рассмотрим, как происходит взаимодействие «политиков» и «масс» посредством юмора.

С одной стороны, политика является «вечным» предметом высмеивания; с другой стороны, она формирует юмор. Политический юмор можно встретить во всех средствах массовой информации и в самых разных жанрах: мультфильмах, комиксах, анекдотах, граффити, пьесах, рассказах, романах, фильмах и т.д. Информация, представленная в юмористической форме, имеет больше шансов быть воспринятой, нежели информация, например, в виде новостей. В политической культуре юмор становится неотъемлемой чертой. Овладение им является необходимым условием успешности публичных выступлений. Еще Цицерон в своем диалоге «Об Ораторе», заявлял, что это важная часть ораторского искусства: «...острота разбивает, подавляет, унижает, запугивает и опровергает противника» [19, с. 58]. Многие современные исследователи и составители политических речей подчеркивают необходимость умения использовать юмор (Пегги Нунан, Фрейзер Зейтель, Марк Кац, З. В. Савкова) [13,

с. 484, 16]. Для оратора чувство юмора является профессиональным качеством. Оратор, умеющий правильно применять его, легче овладевает вниманием аудитории, располагает к себе людей, создает атмосферу дружелюбия, доверия, душевной близости, оживляет выступление, облегчает восприятие речи, становится понятнее людям. Этот эффект можно объяснить тем, что потребность в смешном — это вечная потребность человека. Смех — показатель душевного здоровья, он помогает преодолевать трудности. А вот неудачная шутка может иметь весьма неблагоприятные последствия для политика. Когда же политик сам становится предметом шуток, это, как правило, является показателем того, что он находится на закате своей карьеры. Впрочем, есть и другое мнение: анекдоты сочиняют про политиков, которых любят. Иногда отсутствие «народных» анекдотов о политическом лидере — это «тревожный сигнал» для него.

Люди самых разных политических убеждений любят смеяться над шуткой, потому что они освобождаются (на бессознательном уровне, как утверждают фрейдисты) от агрессии или дискомфорта, вызванного какой-либо несообразностью. Так, Спенсер писал, что «...смех естественно является только тогда, когда сознание неожиданно обращается от великого к мелкому, т.е. когда встречается то, что можно назвать нисходящей несообразностью» [17, с. 809]. Американский антрополог Грегор Бентон в эссе «Истоки политического анекдота», опубликованном в «Humour in Society: Resistance and Control», утверждает, что политические анекдоты являются мощным передатчиком популярных настроений в обществе, где это настроение не может найти официально санкционированного выхода [27, с. 33]. Основной идеей его работы является предположение, что прототипом политического юмора является еврейский юмор. Бентон считает, что дискриминация и преследования являются главным предметом традиционных еврейских анекдотов. Это же встречается и в типичных политических шутках. В доказательство Бентон приводит политический анекдот, являющийся модификацией анекдота, сочиненного в гетто:

Объявление в газете в Бухаресте: «Меняю высокий уровень идеологической подготовки на географически выгодное положение» (оригинальный еврейский анекдот был следующим: «Поменяю несколько веков истории на немного географии») [27, с. 33]/перевод предложен автором/.

Таким образом, юмор смягчает удары судьбы и создает «иллюзию сладкой мести», но его влияние длится до тех пор, пока он вызывает смех, ибо нет ничего более несвежего в мире, чем несвежая шутка. Еще Гоббс говорил о том, что шутка, рассказанная дважды, не вызывает смеха так же, как и хорошо известные недостатки близких людей [8, с. 44]. Как отмечает Макс Истмен, мы просим повторить знакомую песню, но считаем проявлением милосердия остановить человека перед рассказыванием смешных историй, которые мы уже слышали: «Это происходит оттого, что разочарование было сущностью того наслаждения, которое мы испытали при первом восприятии этой истории, и второе разочарование невозможно» [23, с. 107].

Американский исследователь Алан Дандэс видит истоки политического юмора в политической и эмоциональной обстановке в той или иной стране. Люди, как правило, шутят над тем, что их беспокоит. Так, в Соединенных Штатах обеспокоены сексом, поэтому здесь принято шутить на эту тему, а в Восточной Европе (до падения «коммунизма») были, по мнению Алана Дандэса, обеспокоены жестокостью и репрессиями политических режимов. Таким образом, можно сказать, что юмор выступает своеобразным средством борьбы с репрессиями — сексуальными и политическими [22, с. 28]. И, нужно отметить, наиболее мягким. Как отмечает А.В. Дмитриев, политический юмор служит примером своеобразной сублимации агрессии и, следовательно, относительно безопасным высвобождением накопившейся агрессивности по отношению к высшей власти [10, с. 92], что является проявлением одной из важнейших функций юмора в политической коммуникации — функции облегчения, снятия напряжения или, как ее еще называют, функции разрядки.

Об этой релаксационной роли смеха, избавляющего человека от напряжения, говорил еще Квинтилиан: «смех рассеивает печали... восстанавливает силы, избавляет от усталости» [28]. И.А. Бутенко отмечает, юмор — это «отдушина при напряжении, связанном с гиперконцентрацией власти» [5,

с. 136]. Смех выступает как определенная эмоциональная разрядка, отдых от проблем и забот повседневной жизни, предполагает выход всех накопившихся асоциальных желаний, избавление от напряжения, устанавливаемого строгими нормами и табу. А.А. Сычев, говоря о том, что смех противопоставляет страху и серьезности обыденной жизни и сублимирует асоциальные желания, называет эту функцию — «компенсаторной» [18, с. 105]. Юмор является поставщиком не только некой разрядки, но и в каком-то смысле надежды. Если мы узнаем плохие новости, но нам преподносят их с юмором, создается впечатление, что из данной ситуации все-таки можно найти выход. В политических кампаниях юмор используется, чтобы указать на какие-то несоответствия и недостатки. Президент США Рональд Рейган однажды с юмором указал на трудности борьбы с преступностью: «У нас есть технологический гений, который позволил отправить астронавтов на Луну и привезти их благополучно домой. Но у нас возникают проблемы с тем, чтобы обеспечить нашему гражданину безопасную вечернюю прогулку по парку» [29].

Другой важнейшей функцией политического юмора является уравнивающая. Смех не признает никаких иерархий: он или совсем исчезает под давлением властной серьезности, или пытается снять видимость величия, нивелируя его до уровня обыденности. «Если низшим позволить смеяться при высших или если они не смогут удержаться от смеха, тогда прощай чиновничество» [6, с. 367]. М.М. Бахтин уделяет этой функции большое внимание в своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса»: «... карнавал торжествовал как бы временное освобождение от господствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов» [4, с. 12]. Об уравнивающей роли смеха пишет и В.В. Разуваев. Юмор, по его мнению, «великий уравниватель, который либо воплощает мечту о равенстве, либо служит компенсацией за отсрочку ее выполнения», при разрядке все разделяющее отбрасывается, и все чувствуют себя равными [14, с. 31]. Таким образом, юмор разрушает иерархические социальные структуры и барьеры между людьми, нивелирует статусные различия. Кроме того, юмор выполняет функции идентификации, разъяснения, принуждения, дифференциации и интеграции. Он позволяет идентифицировать себя с человеком,

который шутит, что является очень важным качеством юмора, особенно в политической агитации. Юмор помогает преобразовать взгляды политиков в запоминающиеся фразы или короткие анекдоты. Юмор способствует соблюдению существующих норм посредством тонкой критики отклонений от них, высмеивая то, что не нравится. При этом он позволяет выразить свою позицию, избегая грубости и огульного отрицания. Функция дифференциации в политической сфере проявляется, когда политики противопоставляют себя и своё мнение другим людям. Проявление интегративной функции можно обозначить как умение смеяться (в том числе над своими ошибками) вместе со всеми.

Некоторые исследователи [18, 10] выделяют социализирующую функцию. Юмор обеспечивает не только вхождение индивида в общество и принятие его норм и законов, но и определенную гибкость в трактовке этих норм. Например, политический юмор приобщает ребенка к миру взрослых и политических отношений и одновременно учит противостоять официозу. Юмор лишает иллюзий и страха, делает политиков ближе к народу, предотвращает их восхваление и возвышение. Он знакомит с политическими деятелями и, тем самым, позволяет людям судить о них более реалистично. Смех также формирует чувство дружеского отношения. Как отмечает Мирослав Кошелюк, смеховое начало сокращает дистанцию между властью и народом. Смех — это своеобразная форма коллективной защиты от неприятных переживаний, основанная на неожиданном ракурсе восприятия [11, с. 195, 199].

Юмор играет большую роль в мобилизации общественного мнения и, путем принижения власть имущих, делая их предметом смеха, способствует сопротивлению и даже политической революции. Как заметил Джордж Оруэлл, «каждая шутка — это крошечная революция» [26]. Юмор используется как средство сопротивления тех, кто живет под властью авторитарных режимов, и в то же время объединяет людей против структур власти и дает людям чувство идентичности.

Насколько возможно воздействие масс на политику посредством юмора? В поисках ответа на этот вопрос мы будем опираться на концепцию политических культур Аарона Вилдавского, представленную в его эссе «Условия плюралистической демократии или Культурный плюрализм значит больше нежели функционирование одной политической культуры в стране» [30, с. 7].

Вилдавский выделяет четыре типа политической культуры, в соответствии с которыми делит обывателей на 1) фаталистов; 2) конкурирующих индивидуалистов; 3) иерархическую элиту; 4) «уравнителей» (сторонников эгалитаризма). Каждая группа имеет свои ценности и представления о человеке и его месте в обществе. Например, элита верит в неизбежность и целесообразность стратификации. Конкурирующие индивидуалисты верят в рынок и подчеркивают важность личной инициативы для получения выгоды. Представители эгалитарной культуры считают, что люди равны с точки зрения их потребностей. Хотя группы часто находятся в оппозиции, все они нуждаются друг в друге. Если бы не было фаталистов, «уравнители», например, не имели бы группы, которую они могли бы критиковать. У элиты и индивидуалистов не было бы группы, над которыми они могли бы возвышаться. Представители каждой группы склонны искать материал (телевизионные шоу, спектакли, фильмы, различный юмористический материал), который поддерживает их систему ценностей. При этом они, как правило, стараются избегать того, что может вызвать диссонанс или позволит им усомниться в своих убеждениях [21].

Конечно, люди специально не устанавливают фильтры, через которые они пропускают шутки и юмор, а предмет шутки может быть неполитическим, но во всякой шутке утверждается та или иная система ценностей. Если она высмеивает «низшие слои» и «уравнителей» (марксистов, социалистов, социальных работников, коммунистов и т. д.), она, как правило, принадлежит элите. Если шутка опровергает власть, она чаще всего поддерживает убеждения эгалитарной культуры. Если шутка показывает, что общество является иррациональным и основанным на случайности и везении, она принадлежит фаталистам. Необходимо также добавить, что шутки часто бывают довольно сложными, с применением различных юмористических методов, так что люди из разных политических культур могут смеяться над разными частями данной шутки.

Юмор «элиты»

В России, например, довольно популярны шутки о коренных народах Крайнего Севера:

Чукча пришел в магазин: «Однако, у вас цветные телевизоры есть?» — «Есть», — «Тогда дайте мне, пожалуйста, зеленый» [20, с. 118].

Шутки подобного рода отпускаются, так сказать, с позиции «сверху» (впрочем, далеко

не всегда оправданной). Это наглядный пример того, о чем писал Томас Гоббс: весь юмор основан на превосходстве и чувстве «внезапной славы», которые возникают у нас, когда происходит что-то, что позволяет возвыситься над другими или над прежними нами [7, с. 43].

В США большую популярность получили анекдоты о реднеках («redneck» — красная шея) — жителях провинциальной глуши. В них реднеки предстают неграмотными, малокультурными, пьющими самогон-муншайн. У реднеков нередки близкие кровные браки и женитьба на несовершеннолетних.

Эмили скоропостижно умерла на кухне. Ее муж, реднек Бубба, звонит 911. Оператор спрашивает адрес. «В конце Eucalyptus Drive», — отвечает Бубба. Оператор просит продиктовать название улицы по буквам.

Длинная пауза, после которой Бубба ставит условие: «Значит так, я отвожу покойницу на Дубовую улицу, там вы ее и заберете».

— Ты слышал о новом бракоразводном законе в Северной Каролине?

— Да, но разведенные по-прежнему остаются братом и сестрой.

— Ты слышал, реднек из Южной Каролины после своей смерти оставил женошке большое наследство?

— Да, но сколько его еще дожидаться! Вдове только четырнадцать.

[15, с. 13–15].

Юмор эгалитарной культуры

Шутки эгалитарной культуры высмеивают и критикуют элиту, а также конкурирующих индивидуалистов. Таковы шутки о бизнесменах, политических деятелях, аристократах, звездах кино и других знаменитостях.

Например, объектом многих американских шуток выступают так называемые «WASP» (WASP — White Anglo-Saxon Protestant — обеспеченный белый американец):

— Как WASP делает предложение?

— Он спросит: «Как ты отнесешься к идее быть похороненной в нашем фамильном склепе?» [12, с. 48]. В данном анекдоте высмеивается снобизм, доставшийся WASP-ам в наследство от англичан, которые, по мнению менее «родовитых» американцев, слишком много внимания уделяют семейным ценностям и реликвиям.

Президент Рейган и его жена Нэнси пришли в ресторан. Официант в первую очередь принимает заказ у Нэнси Рейган. «Мне, пожалуйста, лосось на гриле и чашку кофе», — говорит она. «А как насчет овощей?», — спрашивает официант. «Он будет то же самое» [24] /перевод предложен автором/.

Эта шутка намекает на возраст Рейгана и предполагаемое отсутствие у него жизненных сил (все знали, что Рейган был любителем подремать на заседаниях правительства).

Юмор индивидуалистов

Шутки конкурирующих индивидуалистов высмеивают элиту, уравнивателей и фаталистов.

Два бизнесмена были на официальной встрече на горном курорте и оказались соседями по комнате. Однажды вечером они услышали какой-то скрип за дверью. Один подошел, чтобы посмотреть, вернулся и начал надевать кроссовки. «Что происходит?» — спрашивает сосед по комнате. «За дверью огромный медведь, который выглядит таким голодным, что кажется, он проломится в комнату». «Но, — говорит другой человек, — почему ты надеваешь кроссовки? Ты же не сможешь обогнать медведя». «Это правда, — отвечает сосед, — но все, что нужно сделать, это обогнать тебя» [25] /перевод предложен автором/.

Здесь мы видим, ценности конкурирующих индивидуалистов выделены и усилены, первый человек бежит быстрее, чем его сосед по комнате, и таким образом, логика подсказывает нам, что ему удастся уйти от медведя. Нет никакой необходимости прилагать огромные усилия в безнадежных попытках убежать от медведя, пока есть кто-то другой, кого можно легко обогнать.

Юмор фаталистов

Юмор фаталистов высмеивает элиту, индивидуалистов и представителей эгалитарной культуры, подчеркивает их глупость и случайность обретения ими своего статуса благодаря связям, рождению и т. п.

Президент компании: Это было очень трудное решение. 30 человек претендовали на должность вице-президента, и я мог выбрать только одного. Благодаря выдающимся способностям это место занял мистер Джэйсон Морган. Что Вы скажите на это, мистер Морган?

Мистер Морган: Спасибо, папа! [25] /перевод предложен автором/.

Эти примеры наглядно показывают, как в юморе представителей четырех политических культур выражены их взгляды и отношение к различным сферам жизни и общества, в том числе сфере политической. «Политики», хорошо ориентирующиеся в «массовом»

юморе, легко могут уловить настроение общества, понять, что ему необходимо в тот или иной временной период. Юмор является своего рода «индикатором» общественного настроения и часто выражает некий социальный заказ.

1. Аристотель Никомахова Этика (перевод Н. В. Брагинской) // Философы Греции. Основы основ: логика, физика, этика. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 1056 с.
2. Акмалова А. А. Теория государства и права: Вопросы и ответы [Текст]: Учебное пособие / А. А. Акмалова, В. М. Капицын. М.: Юриспруденция, 2008. 184 с.
3. Артемов Г. П. Политическая социология: Учебное пособие. М.: Логос, 2002. 280 с.
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
5. Бутенко И. А. Юмор как предмет социологии? // Социологические исследования. 1997. № 5. С. 135–141.
6. Герцен А. И. О литературе / сост., вступ. ст. и коммент. И. Птушкиной и В. Путинцева. М.: Гослитиздат, 1962. 646 с.
7. Гоббс Т. Левиафан / Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
8. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 622 с. Гоббс Т. Левиафан / Гоббс Т. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.
9. Гуревич П. С. Политическая культура // Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 124–126.
10. Дмитриев А. В. Социология юмора. М.: Издательство РАН, 1996. 214 с.
11. Кошелюк М. Е. Технологии политических выборов [Текст] / М. Е. Кошелюк. СПб.: Издательский дом «Питер», 2004. 238 с.
12. Московцев Н. Иллюстрированный словарь американского сленга [Текст] / Н. Московцев, С. Шевченко. М.: Издательство Питер, 2005. 576 с.
13. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации [Текст] / д-р филол. наук, проф. Г. Г. Почепцов [отв. ред. С. Л. Удовик]. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2006. 651 с.
14. Разуваев В. В. Политический смех в современной России. М.: ГУ-ВШЭ, 2002. 264 с.
15. Родионов В. Американские байки [Текст] / В. Родионов // Чайка. 2008. № 9. С. 13–15.
16. Савкова З. В. Искусство оратора [Текст]: учеб. пособие / З. В. Савкова; С.-Петербург. ин-т внешнеэкон. связей, экономики и права, О-во «Знание» Санкт-Петербурга и Ленингр. обл. Изд. 3-е, доп. СПб.: ИВЭСЭП: Знание, 2007. 242 с.
17. Спенсер Г. Физиология смеха // Опыты научные, политические и философские. Том 2. Минск: Современный литератор, 1998. 1408 с.
18. Сычев, А. А. Природа смеха или Философия комического [Текст] / А. А. Сычев / науч. ред. д-р филос. наук Р. И. Александрова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. 176 с.
19. Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве/Пер. с лат. Ф. А. Петовского, И. П. Стрельниковой, М. Л. Гаспарова / Под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. 475 с.
20. Чорин А. Сборник анекдотов и тематический классификатор анекдотов [Электронный ресурс]. URL: http://booogle.com.ua/elektronnaya_biblioteka/andrey_chorich/sbornik_anekdotov_tematicheskij_klassifikator_anekdotov.13202/?page=118 (дата обращения: 05.10.2012).
21. Berger A. A. *Agitpop: Political Culture and Communication Theory*. New Brunswick, N.J., U.S.A.: Transaction Publishers, 1990. 207 p.
22. Dundes A. *Cracking Jokes: Studies of Sick Humor Cycles and Stereotypes*. Berkeley, CA: Ten Speed Press, 1987. 198 p.
23. Eastman M. *The Sense of Humor*. New York: Charles Scribner's Sons, 1922. 257 p.
24. Jokes. Net [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jokes.net/jokesdirectory.htm> (дата обращения: 15.03.2012).
25. Jokes and Humor [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jokesandhumor.com/> (дата обращения: 04.04.2012).
26. Orwell G. Funny, but not Vulgar [Электронный ресурс]. URL: http://orwell.ru/library/articles/funny/english/e_funny (дата обращения: 08.10.2012).
27. Powell C. *Humour in Society: Resistance and Control*//C. Powell, G. Paton. New York: St. Martin's Press, 1988. 279 p.
28. Quintilian. *Quintilian's Institutes of Oratory; Or, Education of an Orator*. J. S. Watson [Электронный ресурс]. URL: <http://rhetoric.eserver.org/quintilian/> (дата обращения: 22.07.2012).
29. Remarks at Kansas State University at the Alfred M. Landon Lecture Series on Public Issues. Ronald Reagan [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=42945> (дата обращения: 19.10.2012)
30. Wildavsky A. *Conditions for Pluralist Democracy or Cultural Pluralism Means More Than One Political Culture in a Country*. Mimeographed Monograph/A. Wildavsky. Berkeley: Political Science Department and Survey Research Center, University of California. May, 1982.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ ЗАВОЕВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИИ ПЕРИФЕРИЙ К ПОПЫТКАМ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 321.01

В. В. ШИШКОВ

Время существования державы османов обычно исчисляется с 1299 по 1923 г. За это время была сформирована своеобразная имперская система, в истории подъема, расцвета и упадка которой видны закономерности бытия империй. Своеобразие Османской империи заключается в том, что в ее истории переплелись традиции древних конгломератных империй Востока, Византийской державы и идея исламского халифата. Османская империя властвовала над более чем 60 народами и крупными племенными объединениями, которые существенно различались между собою как по уровню социально-политического развития, так и по своей этноконфессиональной принадлежности. Власть и могущество Оттоманской Порты стремилось распространиться на все Средиземноморье и, подчинив его, создать империю, равной которой не было бы со времен Рима.

Имперские традиции древности были восприняты османами и применены для создания собственной имперской системы с использованием современных технических достижений, преимущественно в военной сфере. Взятие Константинополя в 1453 г. делает Султана Мехмеда II наследником византийских императоров, что подчеркивается принятием титула «римский император» (кейсар и-Рум) и византийской символики (полумесяц), создается могущественная империя — «рах ottomanica».

В эпоху подъема империи османов все население страны состояло из трех основных категорий: аскери (люди меча) — придворные, военные, улемы (люди пера) — чиновники, представляющие власть султана; райя — это обычные подданные, причем как мусульмане, так и немусульмане [15, р. 17]. Правящий слой составляли те, кто независимо от этнической и религиозной принадлежности служил Империи, они назывались «османы» и были освобождены от уплаты налогов.

В Османской империи утверждалось подчинение экономики политическим и социальным приоритетам и поддерживалась «командно-административная система экономики» [12, с. 109–110], в которой главной обязанностью правящей элиты было

постоянное изыскание средств и способов умножения богатства придворных, населения столицы и удовлетворения запросов своего возрастающего войска, чем обуславливалось направление его усилий на внешнюю экспансию.

Для такого общества, формировавшегося империей, война стала насущной необходимостью, средством, обеспечивавшим имперскую экспансию. На подъеме империи ее вооруженные силы не знали себе равных, что обеспечивалось не только количеством алчущих добычи воинов, но и использованием военных технических достижений.

Широкое внедрение огнестрельного оружия в войска османов позволило им достичь в конце XV — начале XVI вв. военно-технического преобладания [8, с. 221, 223] над войсками кызыл-башей, мамелюков и сафавидского Ирана, которые были разгромлены.

Политический строй Османской империи, вслед за Б. Даунингом, можно назвать «военно-бюрократическим абсолютизмом» [14, р. 3]. Процесс формирования османской имперской политической системы закончился в начале XVI в.

Политический строй Османской империи, сложившийся ко времени ее «золотого века», несмотря на многие его фактические политические и морально-юридические ограничения, имел в своей основе религиозные догмы ислама. В этой религиозно-политической системе имперская власть представляла волю Бога по отношению к своим подданным, что вместе с системой распределения земельных наделов воинам подчеркивает ее патриархальный характер. Власть султанов была сакральна [11, р. 85], их воля считалась законом, но ограничивалась нормами шариата. Сосредоточение публичной власти в руках султана не привело к полной централизации управления, которое перепоручается феодальным правителям и правителям автономий.

Инкорпорация и установление имперского доминирования в формате, близком к отношениям «сюзерен-вассал», были двумя основными способами подчинения периферии. При этом разнородность периферий

постоянно требовала от центра внимания и учета их особенностей, что неизбежно приводило к установлению специфики управления в отношении статуса каждой периферии.

Политическим центром Империи был правящий военно-бюрократический слой, сосредоточенный при султанах в Стамбуле, но экономическим и даже, можно сказать, геополитическим центром были Балканы [3, с. 228]. Территориальное ядро Османской империи состояло из тех регионов (Болгария, Греция, Фракия, западная и центральная части Анатолии), в которых система военных феодалов была доминирующей административной структурой [9, с. 180].

Из имперского центра власть султанов распространялась на вассальные государства (Валахия, Молдавия, Крымское ханство, Рагузинская республика, шерифство Мекка); санджуаки типа «хюкюмет», предполагавшие наследственное управление; наследственные семейно-родовые владения с налоговым, административным и судебным иммунитетом на условиях несения военной службы (юрдлуки и оджак-лыки); санджуаки, управлявшиеся наследниками престола — шехзаде). Административное устройство Османской державы отличалось и одновременным использованием разных принципов территориального деления, также правительству султана необходимо было учитывать конфессиональный принцип управления [4, с. 156–157].

Османская империя включала в себя территории, которые имели свое особое государственное устройство, административные институты, регулярные войска, а иногда и свои дипломатические отношения.

Местными правителями Хиджаза были шерифы Мекки, потомки пророка Мухаммеда, которые представляли местную олигархию конкурирующих между собой кланов.

Тунис и Алжир, территории Османской империи на самом «дальнем западе» ее границ управлялись военными олигархиями из янычар. Хотя в начале XVI в. там правили бейлербеи, назначаемые из Стамбула, их также затронул период децентрализации. С начала XVII в. и далее власть в этих провинциях захватили военные командиры местных янычарских отрядов.

Крымское ханство, Валахия и Молдавия, будучи полунезависимыми монархиями, признавали Османский сюзеренитет, но оставались независимыми во внутренних делах. Эти государства имели свой чиновничий аппарат и армии, имели право чеканить свои монеты.

Иногда эти страны предпринимали такие внешнеполитические шаги, которые противоречили интересам Блистательной Порты, и тем самым могли приводить к конфликтам со Стамбулом [9, с. 184–185].

Громоздкая структура политического и административного подчинения не только поглощала значительную часть имперских ресурсов, но и не справлялась их изъятием, распределением и доставкой по назначению в масштабах огромной империи.

Османская империя, несмотря на постоянное провозглашение единства и централизации, так и не смогла реализовать эти принципы на практике. Разнородность периферий (Боснии, Албании, Курдистана, Сирии, Египта, Ирака), их фактическая экономическая автономия, при частой в периоды смут и политической самостоятельности, превращала в фикцию имперскую систему, образованную путем постоянной экспансии. Только последняя, предоставляя выгоду завоевателям, объединяла империю в единое целое.

Кризис Османской империи связывают с тем, что в XVI в. площадь обрабатываемых земель империи практически перестала расти, тогда как рост населения, напротив, продолжался. К тому же весьма быстрыми темпами это вело к дроблению тимаров (условных земельных держаний воинов) и уменьшению их доходности. При этом уже в во 2-й половине XVI в. территории империи включаются в формирующийся мировой рынок, главную роль в котором играли наиболее развитые страны Западной Европы [5, с. 234–235]. Экономические трудности были усугублены достигшей империи «революцией цен», вызванной наплывом в Европу дешевого американского серебра. Результатом было сокращение доходов казны и упадок военного могущества империи.

В этот же период проявляется неспособность империи справиться с управлением неоднородными перифериями, разными по уровню развития, политическим и культурным традициям, составляющими ее. Несмотря на указанные кризисные явления конца XVI — начала XVII вв., османские правители и их окружение прилагали все усилия для того чтобы сохранить старый социальный порядок, обеспечивающий империю, а точнее ее политическому центру, благоденствие, процветание и военные успехи.

Реформы Кёпрюлю, несмотря на очевидные достижения так и не стали модернизацией империи. Они могут быть охарактеризованы как попытка реабилитации

классических (традиционных, патриархальных) имперских институтов. Реформы, в конце концов, имели целью стабилизировать имперскую систему, чтобы она снова смогла приступить к завоеваниям.

Имперская экспансия Османов после преодоления структурного кризиса стала действительно последним всплеском их средневекового величия. В течении XVIII в. Османская империя уже сама вынуждена сопротивляться нарастающему военному давлению со стороны империи Габсбургов и России (войны 1710–1711, 1716–1718, 1736–1739, 1768–1774, 1787–1792 гг.), одновременно удерживая границу с Персией (1720-е, 1731–1735 и 1741–1746 гг.). При этом Блистательная Порта, поощряя льготами торговлю с западными державами — Великобританией и Францией, закладывает основы «восточного вопроса» — ситуации, в которой внутриосманские проблемы рассматриваются как вопросы, требующие международного вмешательства [7, с. 39–40]. Со временем Османская империя станет объектом торговых, финансовых, а затем и колониальных притязаний ведущих западных держав, а также России, преследующей собственные геополитические цели.

С XVIII в. османские правители начали понимать, что они больше не в состоянии расширять сферу влияния ислама, поэтому им надо сохранить то, что осталось. Эта приоритетная задача решалась за счет предоставления новых уступок, как местным правящим элитам, так и европейским группам интересов, которые нуждались в сырьевых материалах и рынках для своих процветающих экономик. Таким образом, политические уступки местным элитам были причиной децентрализации в течение XVIII в., с одной стороны, а с другой — облегчили экономическое проникновение западных бизнесменов в османские провинции. Поскольку в Османской империи экономическая мысль была сосредоточена в первую очередь на снабжении, накопление иностранного капитала откровенно приветствовалось государством, которое мало волновали возможные последствия этой политики для внутренней экономики. Так или иначе, отрицательные последствия стали сказываться только со второй половины XIX в. К тому моменту вся инфраструктура османской финансовой системы была под контролем западных предпринимателей [13, с. 228].

На протяжении всего XIX в. османское политическое руководство пыталось найти путь сохранения имперской системы

через проведение реформ, которые остановили бы ее распад. Реформы воспроизводили европейские образцы административного управления, способствовали налаживанию взаимоотношений с европейскими государствами. Наиболее выразительными проявлениями стремления к реформам было издание Танзимата 1839 г., давшее начало новому периоду реформ, а также октроирование Конституции в 1876 г., но вскоре ее нормы стали фикцией. Абдул-Хамид II (1876–1909 гг.) установил авторитарный режим, утверждающий идеи панисламизма. Правление султана закончилась младотурецкой революцией 1908 г., но пришедшие к власти лидеры младотурков не смогли изменить судьбу империи, неумолимо склоняющейся к закату.

На фоне ослабления империи ее политическая элита и интеллектуальные круги предпринимали поиск новой идеологии, способной обеспечить единство имперской системы или по крайней мере ее большей мусульманской части. В XIX в. в период правления Махмуда II в правящих кругах зародилась идеология османизма. Это был новый взгляд на османскую державу как на общее отечество людей различных народностей и вероисповеданий. На первый план выдвигалась идея османского гражданства: население империи — это нечто целое, единое, независимо от религиозного и этнического происхождения. Но новая концепция потребовала обоснования более широких полномочий верховной власти для защиты немусульманского населения, что невозможно было реализовать на практике вследствие сопротивления исламских элит, правящих на периферии. Стержнем массового сознания было неравенство между правящими и немусульманами [11, с. 156].

Панисламизм, другая идеология, оформился в качестве официальной государственной доктрины при Абдул-Хамиде II. Это была своего рода реакция на реформы Танзимата, «либеральный», «западнический» османизм, а также набирающий силу в балканских провинциях панславизм. Эта доктрина, в отличие от предыдущей (османизма), имела религиозную основу и апеллировала к сознанию всех мусульман, а не только подданных Османской империи. Идея исламского единства, понятная для всех мусульман и воплощенная через пропагандистские кампании, оказалась действенным оружием в руках султана для противостояния европейским государствам [1, с. 14, 25].

Тем не менее, панисламизм, несмотря на его популярность, так и не стал надежной

идеологической основой единства Османской империи. Эта доктрина отталкивала немусульман и не могла противостоять зачаткам национализма на периферии империи. В центре же формировались собственные националистические взгляды.

Эти воззрения оформлялись в идеологии пантюркизма (тюркизма). Идеология тюркизма была своего рода компромиссом между все более частыми проявлениями националистических взглядов, как в центре, так и на периферии, необходимостью что-то противопоставить им в идеологическом плане. Она стала имперской идеей сохранения османской державы. Пантюркизм был идеологическим паллиативом для слабеющей империи, в то же время эти идеи требовали создания новой империи тюрков. Устранение добавки «пан» способствовало утверждению представления о независимой турецкой нации, которой суждено занять свое место в ряду современных наций [10, с. 17].

На рубеже XIX – XX вв. продолжалась внутренняя перестройка политической, административной и хозяйственной систем Османской империи, преобразований в области культуры и образования, осуществляемых благодаря деятельности центрального правительства, при постоянном воздействии со стороны западных держав. При этом можно сказать, что платой за относительные модернизационные успехи в областях, составляющих ядро империи, становилось усугубление ее децентрализации и грядущее отпадение периферий.

В XX в. Османская империя входила ослабленной, ее экономика оставалась преимущественно аграрной, финансы подпадали под контроль европейских держав, население численностью около 25 млн человек [16, р. 212] было разделено на конфликтующие религиозные, этнические группы. Кризис Османской империи во второй половине XIX в. – начале XX в., коренился в отставании институциональной системы власти от развития социально-экономических отношений и в тормозящем воздействии политических структур на общественное производство, конечным результатом которых стала гибель Османской империи [2, с. 3].

Империя османов, созданная успешной экспансией, расширяла пределы своего господства до тех пор, пока не была остановлена имперским перенапряжением отношений центра и периферий, к которому присоединился вызов модернизирующегося Запада.

Как показывает С.Ф. Орешкова, имперская государственная структура восточного

типа и ислам, выступающие главными социальнообразующими факторами, способствовали на первых порах прогрессу османского общества. Впоследствии именно они привели к замедлению темпов общественного развития [6, с. 493–494]. Иными словами, Блистательная Порты как патриархальная империя, несмотря на свою военную мощь и экспансионистские успехи, не смогла противостоять представителям нового поколения институциональных империй и преодолеть своей архаичности на их фоне.

Начиная с XVIII в., после реформ Кёпрюлю, так и не ставших полноценными модернизационными преобразованиями, Османская империя находилась в состоянии политической стагнации. Ее центр более не проявлял стремления к изменениям, между тем как на периферии постепенно укреплялось влияние местных элит (например, аянов), чему способствовала остановка имперской экспансии ввиду нарастающей мощи западных и северных соседей империи.

К концу века политическая стагнация перешла в деградацию, выразившуюся в зависимости султана и его правительства от придворных, духовенства, янычар. Политический паралич имперского центра и его неудачи в войнах привели к тому, что в начале XIX в. распад империи рассматривался ее правительством и соседями как возможная недалекая перспектива. Можно сказать, что угроза политического коллапса дала импульс модернизации империи, выразившейся в реформах Танзимата и формировании идеологии османизма. Преобразования империи по западному образцу спасли ее от распада еще в XIX в., позволив центральному правительству, с одной стороны, избавиться от влияния излишне консервативных социально-политических сил (например, янычар), с другой стороны, наполнить институциональные заимствования с Запада османским имперским содержанием (инкорпорация аянов, создание модернизированной турецкой армии, государственного аппарата). В то же время модернизационные усилия центра останавливались тремя факторами. Во-первых, перспективой утраты сакрального характера центральной власти, выступающей наследницей пророка Мухаммеда. Во-вторых, нарастающим сепаратизмом периферий, распространением там под влиянием модернизации и османизма идей национализма. В-третьих, возрастающей политической и экономической зависимостью от ведущих западных держав. В силу

этих обстоятельств вопрос сохранения империи оставался актуальным.

Нарастающая необходимость соблюдения баланса между модернизацией и интересами сохранения целостности разнородной имперской системы вызвала диктатуру Абдул-Хамида и временное торжество идей панисламизма.

Сочетание диктатуры, этнических чисток, исламизма и политики лавирования между великими державами, с возрастающей опорой на Германию, стабилизировало политическую ситуацию в империи, но не смогло избавить ее от новых военных поражений и территориальных потерь. При этом консервативная диктатура и исламизм не могли сдерживать модернизационные и националистические (в том числе и пантюркистские) настроения в центре империи, что привело к революции младотурков в 1908 г. После революции, несмотря на последовавшие очередные реформы, Османская империя оказалась полностью дезорганизована: политический центр империи вернулся к режиму диктатуры, на периферии разрастался националистический сепаратизм, соседние государства империи вели против нее успешные войны.

Правительство младотурков стремилось создать юридически рациональную администрацию в провинциях, вместе с постоянной демонстрацией турецкого национализма и насильственным введением турецкого языка в местных администрациях и органах правосудия, что не отвечало интересам самих провинций и вызывало обострение национальных чувств их населения (особенно в Албании и Аравии) [9, с. 197]. Политика младотурков состояла в применении к имперской гетерогенности принципов национально-государственного турецкого единства, т.е. попытке совместить несовместимое. Реализация такой политики насильственными методами только способствовала росту сопротивления в провинциях, чем воспользовались противники Османской империи в ходе Первой мировой войны.

В условиях нарастающей нестабильности и разобщенности державы османов, ее в общем-то случайное вступление в глобальный конфликт империй (Первую мировую войну) выглядит закономерным, завершающим кровавым актом истории империи османов-завоевателей.

1. Абидулин А. М. Официальная идеология и пропагандистские кампании в Османской империи в эпоху правления султана Абдул Хамида II (1876–1909 гг.) [Текст] / А. М. Абидулин: Автореф. канд. ист. наук. Саратов, 2009. 27 с.
2. Киласов А. Р. Системный кризис Османской Империи во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / А. Р. Киласов: Автореферат дис. канд. историч. наук. Махачкала, 2005. 28 с.
3. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней [Текст] / Д. Ливен. М.: Издательство «Европа», 2007. 688 с.
4. Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М. Наука. 1991. 261 с.
5. Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи [Текст] / М. С. Мейер // Basileus. Сборник статей, посвященный 60-летию Д. Д. Васильева. М.: Восточная литература, 2007. С. 222 – 239.
6. Орешкова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. Изд. 2. СПб., 2001. С. 474–494.
7. Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения [Текст] / С. Ф. Орешкова // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 34 – 46.
8. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция [Текст] В. В. Пенской. М.: Яуза: Эксмо, 2010. 448 с.
9. Сомель С. А. Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции, 1699–1914 [Текст] / С. А. Сомель // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 384 с. С. 177 – 205.
10. Ташансу Т. Процесс модернизации в Османской Империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.) [Текст] / Т. Ташансу: Автореф. дисс. канд. историч. наук. М., 2007. 21 с.
11. Фадеева И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М. Восточная литература. 2001. 288 с.
12. Финкель К. История Османской империи: Видение Османа [Текст] К. Финкель. М.: АСТ, 2010. 829 с.
13. Чичек К. Экономика Османской империи в период ее превращения в периферию Запада, 1700–1914 [Текст] / К. Чичек // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 384 с. С. 207 – 229.
14. Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. 308 p.
15. Inalcik H. The Ottoman State: Economy and Society, 1300–1600 // An economic and social history of Ottoman Empire. 1300–1914. / H. Inalcik, D. Quataert (eds.). Cambridge-New York: Cambridge University Press, 1997. P. 9 – 409.
16. Quataert D. The Ottoman Empire, 1700–1922 [Text] / D. Quataert. Cambridge University Press, New York. 2005. 212 p.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР В БЕЗЛЕГИТИМНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ВЛАСТЬ ПОВСТАНЦЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1920–1921 гг.

УДК 321(091); 34(091)

С. И. ПАНЬКИН

В переходные эпохи социальных конфликтов в России при формировании органов власти политические силы всегда сталкивались с определенными трудностями. Стремление противоборствующих сторон создать устойчивые системы управления в условиях «живого командования» и отсутствия нормативной базы приводило и приводит к чрезвычайности структур любого уровня. Так, оппозиция для обретения легитимности и эффективной пропаганды своих идей стремится облечь процесс построения власти в формы, привычные для населения. В итоге возникали различные модели взаимоотношений социальных групп и политических движений, а их рассмотрение с теоретической и практической стороны представляет интерес на современном этапе развития российского общества. На региональном уровне данные социально-политические процессы отличаются особенностями.

После восстановления Советской власти на Южном Урале в 1919 г. обстановка оставалась крайне сложной. Промышленность, транспорт и сельское хозяйство находились в кризисе. Политика «военного коммунизма», в особенности мобилизации, продразверстка и методы их проведения формировали у населения чувство враждебности. В 1920–1921 гг. крестьяне и оренбургские казаки, доводимые до отчаяния чрезвычайными мерами, переходили к вооружённому сопротивлению, под лозунгом свержения власти коммунистов. Восставшие действовали в большинстве случаев стихийно и нечетко представляли себе будущее политическое устройство края. В ряде случаев их устраивал принцип организации власти через Советы как форму самоуправления, но существовали и другие варианты [2, с. 57].

Несомненно, что военные структуры повстанцев доминировали над гражданскими. Тем не менее, в ходе крупных восстаний на освобожденной от коммунистов территории

предпринимались попытки организации на местах гражданского управления, для чего необходимо было участие населения, наличие кадров и запас времени.

Заслуживающими внимания особенностями отличается политическая практика повстанцев Башкирии и партизанских отрядов Челябинской губернии осенью 1920 г. Стремление к созданию власти на местах проявлялось в объединении усилий казаков, крестьян, представителей национальных групп и членов партии эсеров. Казачество продемонстрировало более высокую способность к организации и самодисциплине, так как его община являлась земледельческой и военной, на местах имелся опыт воинского учета и самоуправления. В этом отношении показательна инициатива по созданию общеказачьего повстанческого органа и готовность ради этой цели подчиниться малоавторитетному среди русского населения «Центральному штабу повстанческой Башкирской Красной Армии». Речь идет о деятельности группы «членов Учредительного собрания» («учредилловцев»), куда наряду с прочими входил «военный руководитель Оренбургского казачества» подхорунжий С. А. Выдрин [5]. Казачьи отряды не использовали лозунг «Советы без коммунистов», на практике восстанавливали дооктябрьскую систему власти. В ряде станиц (Уйской, Брединской), захваченных осенью 1920 г. повстанцами, советы упразднились, отчетная документация уничтожалась, а жители выбирали в них атаманов. За спиной «военрука» С. А. Выдрина и его сподвижников стояли не только бойцы их отряда (затем «1-го Оренбургского кавалерийского полка»), но также органы власти и население в контролируемых поселках. Аналогичная ситуация сложилась в Бурзян-Тангауровском кантоне Башкирии, где в дивизию Х.-А. Унасова входил повстанческий отряд атамана Завьялова из казаков Верхнеуральского уезда [6]. Вообще

группа «учредителей» была создана в составе: с одной стороны — представителей начдива Ф. Магасумова (Гаттаулин, Агзамов, Юсупов), а с другой — казачьих лидеров (С.А. Выдрин и Я.Г. Луконин). Несмотря на наличие общей политической платформы, идеологические расхождения имели место. Башкиры, в лице Ф. Магасумова, отдавали предпочтение программе действий эсеров и взамен партийно-советским учреждениям создавали «народные комитеты», но из-за быстрой ликвидации начинания остались на уровне идеологии. Казаки отрицали любую партийность и всякое подобие советской организации властных структур.

Своеобразную систему построения органов управления реализовывали участники восстания в Зауралье в 1921 г., уделявшие внутренней политике в плане мобилизации всех ресурсов большое внимание. В селах гражданскую власть представляли переизбранные сельсоветы во главе с председателем и секретарем. Большую часть своих полномочий они осуществляли с одобрения схода жителей, где принимались решения об общественных мобилизациях, сборах на нужды отрядов, арестах коммунистов. Сельсоветы в основном отвечали за доведение до жителей приказов повстанцев и их исполнение. Военную власть представляли сельские коменданты, назначаемые военными руководителями волостей, с утверждением их на сходах. Они осуществляли учет военнообязанных, оружия, лошадей, назначение нарядов на различные поставки для повстанцев.

На волостном уровне работу комендантов координировали временные штабы, возглавляемые военными руководителями (военруками), отвечавшими за снаряжение и подготовку мобилизованных, возведение укреплений, транспорт. Они же курировали оружейные мастерские, надзор за арестованными, по необходимости формировали отряды и руководили ими. Так Михайловскому волвоенруку поручили формировать запасной полк «Курганской освободительной дивизии» [7]. Вначале военруков

выбирали жители и повстанцы, а позже их назначали штабы «народных армий».

В состав временных штабов входили: военрук, комендант, начальник снабжения, отвечавший за продовольствие, фураж, размещение отрядов по квартирам, и начальник мобилизационного отдела, обеспечивающий внутренний порядок в местности и проведение призыва. Военруки назначали волостных и районных комендантов, доносивших об обстановке им и в соседние волости [1, с. 175–176]. Волостные исполкомы проводили в жизнь политику повстанцев. На деле они подчинялись военрукам, поскольку все вопросы так или иначе были связаны с военными нуждами. Один из членов Совета отвечал за снабжение частей и находился на фронте. Наиболее важные проблемы разрешались на волостных собраниях жителей. Нередко должности военрука и председателя исполкома занимал один человек. В крупных волостях власть осуществляли смешанные органы — «временные комитеты и военные советы», но в целом руководство повстанцев не стремилось к чрезвычайности системы управления, тогда как коммунисты в районах восстания вводили ревкомы и оперативные тройки.

Следующее звено власти — районные штабы и военсоветы, объединявшие от двух до пяти волостей. Это были своего рода полковые округа. Полнотой власти на этом уровне обладали начальники штабов, которых избирали на общих собраниях граждан, с утверждением командующими районными «народными армиями».

Главная цель деятельности гражданских структур — превращение тыла в военный лагерь. Но с изменением обстановки, изгнанием повстанцев с их опорных территорий муниципальная власть исчезает. Мобильные группы в 1920 и в 1921–1922 гг. не стремились где-либо закрепиться, их целью было уничтожение членов РКП (б), и разгром продовольственных складов и антисоветская агитация.

1. «Зауральское крестьянство. 1919–1922 гг. Мат-лы и документы» [Текст]. Курган, 2008.

2. Петрова В. П. О попытках создания новых структур власти в ходе Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Одиннадцатые биурковские чтения. Шадринск, 1994.

3. Панькин, С. И. Создание и боевой путь «Первой Курганской Освободительной дивизии» [Текст] / С.И. Панькин // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской войне (1905–1921 гг.): сб. науч. статей/под ред. И.В. Курышева. Ишим, 2006.

4. Цысь В.В. Организация военной и гражданской власти участниками Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. (по материалам Южного Зауралья). // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие. Выпуск 2. Екатеринбург, 1999.

5. ЦГА РБ ФП-1832 Оп. 2 Д.83 Л.2.

6. ОГАЧО ФП-77 Оп. 1. Д.127. ЛЛ. 30–31, 52–53 (Об), 60.

7. ГАОПДКО Ф. 6478 Оп. 1 Д.2 Л. 82.

8. ОГАЧО ФП-596 Оп. 1 Д.194 ЛЛ.44, 74.

О ТРЕВОГАХ И НАДЕЖДАХ В ЭПОХУ ВЕКОРДИЗМА

УДК 1

М. В. ЧЕКМАРЁВ, А. С. ЧУПРОВ

Прежде всего, хотим выразить признательность всем авторам, принявшим участие в обсуждении статьи «Векордизм, или Мирощущение как способ защиты». Особая благодарность С. С. Загребину, организатору и участнику дискуссии на страницах журнала «Социум и власть» [4]. Приятной неожиданностью для нас оказалось многообразие взглядов на обозначенную в статье проблему. Это позволяет надеяться, что нам, пусть и ненадолго, удалось «ухватить за хвост» дух нашего времени.

Предложенное описание картины векордизма оказалось эмоционально окрашенным, наверное, потому, что не существует возможности представить в сугубо рациональных понятиях хоть сколько-нибудь однозначный образ будущего. Основными эмоциями стали тревога и надежда. И дело тут не в динамике общества, а в тех изменениях, которые произошли в самом человеке. В 30-х годах XIX века Сёрен Кьеркегор, посчитав себя, по его словам, недостаточно способным, чтобы облегчить и упростить жизнь, взялся что-нибудь «затруднить» [17]. «Пространством затруднений» оказалась человеческая душа.

Сегодня и мы возвращаемся к необходимости «усложнения» пространства психики, т. к. упрощение человека в сложном мире превращает его поведение в «ситуативный тип», который описывает П. Б. Уваров [14]. Можно назвать его рефлексивным, в противовес рефлексивному, и такая аналогия, пожалуй, встревожила бы патопсихолога, т. к. полностью ситуативно обусловленное поведение свойственно лицу... с умственной отсталостью. И мы снова приходим к образам безумия, причём это безумие существует в ценностно плоском мире, представленном Г. Л. Тульчинским в качестве мечты человечества [13]. Но мечта, вероятно, останется неосуществлённой, если произойдет нравственный и психологический регресс личности. Наша тревога обоснована тем, что в рисуемых перспективах развития мира нет образа перспективы человека, развивающегося и эмоционально, и нравственно. В системе социума он предстаёт роботизированным потребителем с минимизированным «человеческим фактором». Плоские люди в плоском мире. В любом случае, — поскольку для существования человека

не стало ни внятных правил игры, ни внятных ценностей и смыслов, — асинхронизм в развитии человека и общества приводит к дилемме в духе Сервантеса: «Что тебе больше понравилось бы — мудрое умопомешательство или глупое здравомыслие?».

А. Р. Ермолюк и А. В. Ермолюк предлагают выбрать точкой преципитации проектов «Человек» и «Человечество» религиозную Традицию, которой люди следовали в течение многих сотен лет [3]. А К. В. Пашков, также прикасаясь к теме религии, предлагает рассмотреть сегодняшнее общество как постсекулярное, в котором, несмотря ни на что, еще сохраняется стремление к духовному обновлению и просвещению [10].

На наш взгляд, совершенно справедливо искать если не все, то, по крайней мере, многие источники векордического состояния человека и общества в духовно-психологическом кризисе. Этот мотив — нарастание одновременно и духовной пустоты, и духовной жажды — особенно актуален в России. Согласно исследованию Левада-центра, проведённому в 2010 году, 20% респондентов хотя бы раз в жизни воспользовались услугами того или иного экстрасенса. К помощи психолога за всю жизнь прибегли в два раза меньше россиян — лишь 10% [6]. И дело не только в том, что система психологической помощи по-прежнему находится в процессе становления, но и в осознании «сверхъестественного» характера проблем. И пусть магия является лишь примитивной формой религиозности, обращение к ней означает сохранение веры в чудо у человека, который живёт в техногенном мире и получает в школе материалистически-ориентированное образование. Вообще, магизм неудивителен в стране, пережившей религиозный регресс и теперь только восстанавливающей не стихийную, но осознанную религиозность. Однако обращение к традиционным религиям нередко носит характер не поиска ответов на духовные вопросы, а обращения к силе культовых процедур, а потому приобретает своего рода магический и «фетишистский» характер. В повседневной жизни россиянина мы найдём возвращение ко многим элементам религиозной традиции: церковным праздникам, постам, украшению дома предметами культа. Можно даже констатировать факт

возвращения к религиозному культу без подлинно религиозной веры. Последняя, кстати, не обязательно религиозна. Так, Карл Ясперс отстаивал право на существование философской веры, а создатель позитивной психотерапии Носсрат Пезешкиан определял веру как «способность к установлению взаимоотношений с тем, что находится выше человека» [11]. Действительно, во всякой вере первичен духовно-интимный процесс, а не социальный.

К. В. Пашков (в контексте идеи о постсекулярной культуре) справедливо говорит о нарастающем интересе к религиозным темам. Именно в этой плоскости человек сталкивается с подлинно философскими вопросами, занимается практической онтологией, создаёт объяснительную модель себя и мира. Цитированный выше Носсрат Пезешкиан говорил о принципиальной важности решения вопросов о разного рода смыслах для сохранения баланса психики, как в онтогенезе личности, так и в каждом моменте её существования. Однако сегодняшний интерес к религии, увы, касается, не столько *re-ligia*, т.е. восстановления духовной связи с тем, что выше нас, сколько социальной её «ипостаси», а именно функционирования религиозных институтов. Приходится с сожалением констатировать, что многочисленные скандалы вокруг религиозных организаций, межконфессиональные «разборки» планетарного масштаба и даже трения между единоверцами мешают использовать в должной мере ресурс веры.

Проводя параллели с индивидуальным моральным развитием, описанным Л. Колбергом [5], отметим, что современное общество находится на до- или, максимум, конвенциональной стадии развития, в то время когда для решения вопросов в мультикультурных ситуациях требуется постконвенциональное моральное сознание, характеризующееся пониманием ценности человека и договорного характера общественных отношений. Сегодня, согласно концепции морального развития Колберга, за социализацией должна следовать десоциализация, которая и представляет собой постконвенциональный этап развития человека. Ни о том ли писал В. В. Розанов, к которому обращаются в своей статье А. Р. и А. В. Ермолюк: «Общество, окружающие убавляют душу, а не прибавляют. «Прибавляют» только теснейшая и редкая симпатия, «душа в душу» и «один ум». Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает. И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее» [12]?

Поскольку в предшествующие эпохи формирование личности — это, прежде всего

и в основном, процесс ее социализации, сегодня мы продолжаем по инерции искать указания о том, как нужно жить во внешних условиях. Но они настолько изменчивы, что нормальное и принятое сегодня становится никуда негодным завтра. Возникает ощущение, что мир сошёл с ума, а вместе с ним и я, т.к. социум меняется быстрее, чем проходит человеческая жизнь. Клайв Стейплз Льюис рассуждал об этих проблемах в ракурсе иерархии во взаимоотношениях человека и общества с христианской точки зрения: «Если человек живет только семьдесят лет, тогда государство, или нация, или цивилизация, которые могут просуществовать тысячу лет, — безусловно представляют большую ценность, чем индивидуум. Но если право христианство, то индивидуум — не только важнее, а несравненно важнее, потому что он, человек, вечен, и жизнь государства или цивилизации — лишь мгновенье, по сравнению с его жизнью» [7]. Богословский аргумент Льюиса в пользу индивидуализма становится актуальным и для нерелигиозного сознания, т.к. человек — несмотря на всю хрупкость человеческой жизни — уже сегодня является более стабильным феноменом, чем общество. Но человечество пока имеет довольно мало опыта здорового антропоцентризма. Поэтому и возникают предложения теоцентристского характера, в которых вечный и неизменный Бог есть единственный консолидирующий фактор, а религия обладает способностью выстраивать нравственные ориентиры, способствуя моральному развитию. Однако сегодня ценность богословских аргументов в представлении многих, особенно молодых людей, минимизирована, а гуманистические идеалы никак не могут стать достаточно весомыми в мире, названном Иосифом Бродским, «безвыходно материальным».

Векордизм, как использование ресурса психопатологии с защитной целью, атакует социальные связи. Он делает человека «неадекватным», часто эгоцентричным и противоречивым. Современная культура (как массовая, так и претендующая на элитарность) — это культура «фриков», т.е. эпатажных и неординарных личностей, считающих социальные нормы всего лишь некими устаревшими стереотипами из потерявшего актуальность прошлого. Расщепление общества, вероятно, можно объяснить предшествующим векордизму феноменом «массового человека», о котором говорили и Ницше, и Ортега-и-Гассет, и Шпенглер, и Юнг. Масса легко трансформируется в агрессивную толпу. Сегодня мы тоже видим много агрессии, но она стала, так сказать,

более камерной: из противостояния народов и культур она превратилась в противостояние субкультур. Возможно, снизился риск глобального социального катаклизма, например, такого, как мировая война, однако перед человечеством остро маячила другая опасность — катаклизм планетарного масштаба, например, экологический или ядерный, причиной которого может стать чья-нибудь преступная халатность. Это требует совсем иных способов противостояния, которые Фромм назвал «радикальным изменением человеческого сердца» [16]. Апокалиптический настрой, существующий в настоящее время, носит отнюдь не символический характер. Он воспринимается в прямом смысле как разрушение нашего крохотного (в сравнении с Вселенной) мирка. Если посмотреть в динамику так называемых «фильмов-катастроф», то увидим существенные изменения, произошедшие за последние два десятилетия. Наряду с эпическими лентами, в которых люди принимают противостоять концу света («Армагеддон», «Столкновение с бездной»), делаются попытки кинематографического осмысления того, что происходит с людьми, ожидающими глобальную катастрофу («Ищу друга на конец света»), а особенно «Меланхолия» Ларса фон Триера). Это выглядит удивительным, т.к. экзистенциальные мотивы не очень-то характерны для нашего времени. Но, пожалуй, стоит отметить, что как только влияние философии экзистенциализма стало спадать, начала набирать популярность экзистенциальная психотерапия. Оно и понятно. Если ты стараешься не думать о данностях человеческого существования, то рано или поздно всё равно приходится решать эти проблемы и снимать создаваемое ими неосознанное внутриспсихическое напряжение, но уже в кабинете специалиста.

Отвечая на статью Т.В. Филипповской [15], мы хотим заострить внимание на сущности векордизма. Он возник в период, когда знания очень быстро устаревают, и особенно чувствительными к такому старению оказываются именно социальные знания. Понятие психической нормы имеет как раз два измерения — индивидуальное и социальное. Первое ощущается самим человеком, характеризует его качество жизни. Например, вполне нормально сомневаться, но когда сомнения становятся навязчивыми, стоит искать психологической помощи. С социальным контекстом всё очень сложно и в то же время просто. Просто в том смысле, что этот критерий позволяет очень быстро найти «неадекватных» и засомневаться

в их душевном здоровье. Сложность же состоит в том, что не только от культуры к культуре, но и от семьи к семье, от поколения к поколению набор правил и норм меняется. В условиях транскультуральной реальности, да ещё и с учётом социальной динамики, зачастую невозможно понять, что нормально, а что нет. Например, если взять, с одной стороны, сферу новых технологий, а с другой — сексуальность, а потом попробовать решить, насколько социально нормально порнография, «секс по телефону», СМС-сообщения с содержанием «ниже пояса», то мы окажемся в странной ситуации. Так, исследователи из Мичиганского университета выяснили, что почти половина из опрошенных ими респондентов от 18 до 24 лет хотя бы раз в жизни занималась секстингом (СМС-переписка сексуального содержания), из чего психологи сделали вывод, что секстинг — вариант нормальной реализации полового влечения, а не его извращение [9]. И таких попыток разобраться, что нормально, а что нет, придётся со временем делать всё больше и больше, чтобы наладить адекватную передачу «социализирующего знания», т.к. общественные отношения — это всегда определённая нормативность.

Эрих Фромм, к работам которого отсылает нас Т.В. Филипповская, не очень много внимания уделял строго научной методологии. Более того, некоторые склонны видеть в учении Э. Фромма эклектическую смесь марксизма, фрейдизма, иудаизма и экзистенциализма. Бесспорно лишь то, что философия Фромма — это гуманизм XX века. Он писал о проблемах человека, живущего в эпоху перехода от апогея индустриализации и массового общества к более гуманному обществу. Любой переход — это веер возможностей и рисков. Это искусство пользоваться свободой, чтобы стать «человеком для себя». Мы находимся в схожей ситуации, но угрожает нам уже не столько тоталитарное общество, сколько расщеплённый социум. Затруднения испытывает каждый человек, недоумевающий, можно ли сегодня построить хоть сколько-нибудь стабильные и удовлетворительные взаимоотношения с другими и собой.

Есть, однако, ещё одна проблема. Философия, обременённая миссией мировоззренческой дисциплины, в последнее время была «служанкой» наук, требующих объективной теории познания, но теряла вес как дисциплина, объясняющая intersubъективность и занимающаяся практической онтологией. Томас Нагель в книге «Что все это значит? Очень краткое введение в философию», приходит

к грустному заключению: «Жизнь, вероятно, не только бессмысленна, но и абсурдна» [8]. Дефицит практических философских знаний виден сегодня невооружённым взглядом. Он настолько глубок, что за философствование (из клинической необходимости) взялись психотерапевты, чтобы научиться хоть как нибудь решать проблемы своих пациентов, выходящие за рамки обычного медицинского диагноза.

Но мы не пессимистичны в ожиданиях, несмотря на очевидную и устрашающую картину векордизма. Если продолжать аналогии с психопатологией, то чем более ярким и эмоционально насыщенным является психоз, тем он прогностически благоприятнее. Общество больно, а потому не всегда критично относится к своему безумию. Однако в нём есть потенциал для исцеления, связанный не столько с новейшими достижениями науки и техники, сколько с возвращением к экзистенциальным вопросам, осмысление которых проходит красной нитью через всю историю. Это вопросы о смысле жизни и смерти, одиночестве и близости, свободе и рабстве, счастье и горе. И пусть на них невозможно ответить однозначно, но именно

они несут на себе печать человеческого в человеке... Всё-таки жизнь человека — это процесс, который требует высокой интеллектуальной и нравственной планки. Когда планка падает, мы приходим к риску неотвратимого «оскотинивания». Ещё Достоевский тревожился заинтересованностью человечества «телегами, подвозящими хлеб». Писатель сравнивал этот интерес с евангельским искушением Христа хлебами в пустыне во время борьбы с сатаной [2]. И сегодня мы стоим перед необходимостью духовно-практического обновления человека и общества. Решение проблем индивидуально-психологической и социальной экологии стало для нас вопросом исцеления и выживания. Первым шагом к этому, по-видимому, должна стать философская рефлексия векордического способа бытия современного человека, о чем справедливо пишет С. В. Борисов: «Если векордизм как способ защиты способствует сохранению человеческого в человеке (...), то пусть этот векордизм будет философским, тогда и самозащита окажется эффективнее, и «кокон» крепче, и личность, формируемая в нем, будет воспринимать свое будущее освобождение как награду, а не наказание» [1].

1. Борисов С. В. Эссе о «философском векордизме» (Мысли, навеянные статьёй М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты» [Текст] / С. В. Борисов // Социум и власть. 2012. № 1. С. 128.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 15 томах. Том 8. (1870-1875 гг.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fictionbook.in/fedor-dostoevskiy-sobranie-sochineniy-v-15-tomah-tom-8-1870-1875-g-g.html?page=199> (дата обращения: 06.10.2012).
3. Ермолюк, А.Р., Ермолюк, А.В. Мудрость и юродство Василия Розанова (Размышления над статьёй М.В. Чекмарёва и А.С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты») [Текст] / А.Р. Ермолюк, А.В. Ермолюк // Социум и власть. 2012. № 3. С.127-129.
4. Загребин С.С. Андрей Тарковский: Апокалипсис как диагноз нашего времени [Текст] / С.С. Загребин Социум и власть // 2012. № 4. С.115-118.
5. Крайг, Грэйс, Бокум, Дон Психология развития. 9-е изд. СПб.: «Питер», 2005. 940 с.
6. Левада-центр. Как россияне решают психологические проблемы? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010082501.html> - Название экрана (дата обращения: 06.10.2012).
7. Льюис, Клайв Стейплз. Просто христианство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/lewis02/index.htm> (дата обращения: 06.10.2012).
8. Нагель, Томас. Что все это значит? Очень краткое введение в философию. М.: «Идея-пресс», 2001. С. 84.
9. Открой форточку // Men's Health, октябрь 2012. С. 52.
10. Пашков, К.В. Заметки о постсекулярной культуре [Текст] / К.В. Пашков // Социум и власть. 2012. № 5. С. 123-126.
11. Пезешкиан, Носсрат Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов. СПб.: «Речь», 2001. С. 288.
12. Розанов, В.В. Опавшие листья. Короб первый [Текст] / В.В. Розанов. М.: «АСТ», 2003. С. 205.
13. Тульчинский, Г.Л. «Безумие» или новая жизненная компетентность? [Текст] / Г.Л. Тульчинский // Социум и власть. 2012. №3. С. 124-126.
14. Уваров, П.Б. Поведение современного человека: историко-антропологический этюд [Текст] / П.Б. Уваров // Социум и власть. – 2012. № 5. С. 127-130.
15. Филипповская, Т.В. Векордизм, дефицит социализирующего знания в практиках повседневности и современной социологии [Текст] / Т.В. Филипповская // Социум и власть. 2012. №2. С. 129-130.
16. Фромм, Эрих. Иметь или быть? М.: «АСТ», 2011. С. 314.
17. S. Kierkegaard, «How Johannes Climacus Became an Author» in A Kierkegaard Anthology, ed. R. Bretall (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1946), p. 193. Цит. по Ялом, Ирвин. Экзистенциальная психотерапия. М.: «Класс», 1999. С. 576.

О ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ НОВОЙ РОССИИ И НЕ ТОЛЬКО...

УДК 304.444

С. В. БОРИСОВ

Кафедре философии Челябинского государственного педагогического университета исполнилось 60 лет! Хороший философский возраст. К юбилею кафедры был приурочен Междисциплинарный научный симпозиум «Философия образования новой России: уроки прошлого и стратегии будущего», состоявшийся 31 октября 2012 г. в Челябинске. Ученые из разных регионов страны собрались, чтобы обсудить современные проблемы образования в контексте формирования новой российской цивилизации, определить те приоритеты и тенденции изменений в жизни российского социума, которые формируют запрос на модернизацию системы образования, а также отношение к ним гражданского общества России и региона.

Участники симпозиума попытались проанализировать и дать прогноз качественным изменениям в российской цивилизационной матрице, их влиянию на организацию жизнедеятельности общества и государства, культурный потенциал российского общества, образовательную политику. Глубокий и всесторонний анализ решения этих проблем позволил бы определить возможные стратегии гражданского общества, реализация которых позволяет рассчитывать на относительно бесконфликтное решение задач развития России и региона, преодолеть предрассудки и вымыслы, с которыми сталкивается общественное сознание, что позволит выработать разумное и ответственное отношение к нормам и ценностям современного общества. Круг проблем, которые предстояло обсудить на симпозиуме, был весьма широк. Все они носили острый и отчасти, пожалуй, провокационный характер. Вот главные из них.

Как известно, в XXI веке футурологи прогнозируют вступление мира в полосу цивилизационного перелома, когда многие традиционные способы бытия человека будут нуждаться в коррекции и модернизации. Предполагается развитие высочайшей степени ответственности, принятие каждым человеком на себя груза личных и общечеловеческих проблем — как единственного пути выживания и дальнейшего совершенствования человека. Справится ли с этим вызовом традиционная российская цивилизация? Есть ли адекватные ответы на эти

новые вызовы у российской образовательной системы? Или для этого нужна принципиально новая Россия и принципиально новая школа и система высшего образования?

Логика постиндустриального развития мира, вступление его в «третью волну» (информационное общество) для каждой локальной цивилизации будет рождать свои препятствия и заставлять ее искать особенные пути их преодоления. Найдутся ли в российской цивилизации интеллектуальные и духовные силы, способные предложить возможности решения проблем своей дальнейшей эволюции? Или Россия не способна воспроизводиться как самостоятельная цивилизация в новой конкурентной среде других культур? Какой культурно-исторический тип воспитания и образования может стать той оптимальной моделью, которая обеспечит воспроизводство российской цивилизации в новых условиях? Какие пути и ресурсы адаптации к жизни обеспечивает современная российская образовательная система?

Существует мнение, что Россия сходит с исторической арены и является угрожающей локальной цивилизацией. Какова альтернатива гибели российской цивилизации? Либо на российских пространствах произойдет новый цивилизационный синтез и родится качественно новая цивилизационная модель, либо эта территория попадет в цивилизационные круги социально-культурного тяготения, заданные иной, неимманентной для местного населения логикой развития? Возможна ли трансформация ментальных оснований российской культуры? Какими должны быть идеалы и ценности современного образования, способствующие формированию нового российского менталитета? Способно ли современное российское образование обеспечить поиск и воспроизведение национальной идентичности российского социума?

Организаторами этого симпозиума были не только преподаватели кафедры философии ЧГПУ (В. И. Липский, И. А. Жуков, В. О. Богданова и др.) и друзья кафедры (С. В. Алабжин, А. Н. Звягин, Д. Е. Филиппов и др.). Огромную поддержку в проведении этого мероприятия оказал Челябинский филиал Российской академии народного

хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и лично его директор, доктор политических наук, профессор С. Г. Зырянов. Симпозиум прошел при информационной поддержке и научном сопровождении двух солидных журналов по проблемам социальной философии — «Личность. Культура. Общество» и «Социум и власть».

Большой вклад в организацию симпозиума внес действующий при кафедре философии ЧГПУ Центр социальной теории и проблем гражданской культуры (директор Центра — заведующий кафедрой философии, доктор философских наук, доцент С. В. Борисов, помощник директора — М. Я. Соболев), учрежденный в 2009 г. при содействии журнала «Личность. Культура. Общество» и Общественной палаты Челябинской области. Целью деятельности Центра является выработка концептуальных основ развития гражданского общества, стратегии действий всех заинтересованных в его построении социальных субъектов.

От появления самой идеи научного симпозиума до ее реализации прошел почти год. Философское сообщество Челябинска является весьма неоднородным, и рассчитывать на его постоянную активность и заинтересованность не приходится. Во многом данное сообщество представляет собой сумму локальных «кухонных» сообществ, научная и общественная жизнь которых не выходит за пределы кафедр или диссертационных советов и практически полностью поглощается и растворяется в учебном процессе. Однако чем сложнее задачи, чем более непредсказуемы их решения, тем интереснее. На мой взгляд, усилия организаторов не пропали даром. Мероприятие получилось, научные дискуссии и споры пробудили челябинских философов от интеллектуальной и догматической спячки.

«Заводилами» этого процесса были коллеги из Москвы. Первым среди докладчиков выступил известный политик и государственный деятель первого этапа реформ российского государства в начале 90-х годов прошлого века Геннадий Эдуардович Бурбулис, ныне профессор, проректор по инновационному развитию Международного университета в Москве, основатель Школы политософии «Достоинство», президент Молодежного форума модернизаторов «Моя Россия». Тема его доклада: «Россия в поисках себя: университет как субъект культурно-образовательного пространства». В докладе

он выразил свою точку зрения на будущее университетов и российскую систему образования. Г. Э. Бурбулис отметил, что в современных условиях особая миссия ложится именно на педагогические университеты, потому что главной задачей этих университетов становится подготовка учителей новой формации. Школа должна служить целям будущего, а не представлять собой «социальный хоспис». С позиции своей особой методологии («политософии») Бурбулис предложил своего рода проект социокультурной педагогики, где мировоззренческая борьба перекодирована в толерантно-ответственный диалог, а конкуренция доктрин — в политософский, то есть мудрый и практически значимый синтез. Социокультурная педагогика, на первый взгляд, — перегруженная формула. В ней сопрягаются классическая педагогика как специализированная система деятельности по образованию и воспитанию, социальная история как самотворящаяся — с представлением о человеке как актере, зрителе и режиссере той драмы, которую люди создают на «пересечении» своих интересов, потребностей, способностей и своих форм жизнедеятельности, и наконец — культура как процесс наполнения смыслом человеческого бытия. Все это включается в одну жизненную программу. И когда эта программа сформируется, может быть, новое звучание приобретут и сложнейшая проблема отношений теории и практики, науки и государственно-политического управления, и неотложный вопрос о том, возможно ли сегодня, в условиях жесткой специализации и актуализации прагматической целесообразности, предложить культуру целостного, гармоничного, внутренне согласованного образа жизни.

Следующий доклад сделал Юрий Михайлович Резник, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, заместитель директора по научной работе РИК, заведующий кафедрой философии РАНХиГС при Президенте РФ, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество» на тему «Трансперсонализм как методологическая программа философии образования». Ю. М. Резник предложил слушателям собственный антропологический проект философии образования. Докладчик проанализировал ряд актуальных проблем, связанных с построением моделей жизнестворчества и разработкой концепции и типологии жизненных стратегий личности. Как известно, жизненный мир определяется в феноменологической традиции как мир

непосредственной коммуникации, представляющий собой целостную структуру человеческой практики, определяющую горизонт всех мыслимых и немыслимых целей и проектов. Это мир непосредственного общения людей (семья, дружеские компании, группы сверстников и пр.), в основе которого лежит стремление к взаимопониманию. В связи с этим, трансперсонализм – это способ жизнедеятельности, в основе которого лежит творческое, сознательное отношение человека к жизни и другим личностям, его стремление выйти за пределы обыденного и рутинного в сферу «высшей реальности» в процессе коммуникации. Докладчик отметил, что жизненный мир современного российского человека характеризуется такими особенностями, как: (1) системная деформация жизненного пространства человека; (2) искусственная дефрагментация («расколотость») и дифференциация жизненного мира человека; (3) бюрократизация и бюрократическая формализация отношений; (4) коммерциализация и корпоративная регламентация жизненного мира; (5) неразвитость институтов гражданского общества, способных защитить жизненный мир человека от агрессивного вторжения бюрократии и корпоративных структур. Стратегия трансперсонализма как методологии философии образования способна, по словам докладчика, преодолеть эти негативные установки, господствующие в российском социуме.

Живой отклик у слушателей вызвал доклад Игоря Григорьевича Яковенко, доктора философских наук, культуролога, историка и политолога, профессора кафедры истории и теории культуры РГГУ «Цивилизационное измерение философии образования». Как справедливо отметил докладчик, тезисом Российское общество переживает кризис сегодня трудно кого-либо удивить. В солидной аналитике рассуждения о кризисе давно стали общим местом. Проблема состоит в том, чтобы перейти от констатации к осмыслению. Речь не о том, что Россия утратила статус сверхдержавы, а наша элита лишилась сознания силы, определяющей судьбы человечества. И слава Богу. Средний россиянин наконец получил право жить не ради величия державы, а ради своих близких. Жить – самореализуясь, выстраивая приватное пространство, постигая бесконечную диалектику свободы и ответственности. Речь совсем о другом. Российское общество переживает системный кризис. На ранних этапах кризис фиксируют люди, особо чувствительные

к тенденциям исторического развития. Никто не изменяется от «хорошей жизни». На этом этапе еще можно попытаться что-то сделать. Когда кризис становится очевиден для подавляющего большинства, делать что бы то ни было, как правило, уже поздно. Здесь наблюдается интересная закономерность: в момент глубокого кризиса доминирует тотальная неадекватность поведения общества сложившейся ситуации. На формально-логическом уровне спасительные решения существуют. Но общество (и элита, и широкие народные массы) категорически не готово принять эти решения. И.Г. Яковенко подтвердил эту мысль многочисленными историческими примерами. Выводы докладчика относительно судьбы России неутешительны. Он констатирует кризис культурной системы России, которая находится в драматических отношениях с реальностью, историческим императивом, задачами и перспективами модернизации. Кризисы пугают и подавляют, однако они открывают окно возможностям качественных трансформаций. И чем глубже кризис, тем шире это окно. Масштаб кризиса, который переживает Россия, еще не осознан. Его прячет в подсознание слабая человеческая психика, маскирует идеология, затушевывает благоприятная конъюнктура цен на энергоносители. Реально же Россия как цивилизационный драйвер сходит с мировой исторической арены.

После перерыва эстафету пленарных докладов симпозиума подхватили челябинские ораторы. С докладом на тему «Информационное общество и новое качество высшего профессионального образования» выступил Сергей Григорьевич Зырянов, доктор политических наук, профессор, директор Челябинского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, действительный член РАЕН, председатель бюро Челябинского областного отделения Российского общества социологов, член Общественной палаты Челябинской области. С.Г. Зырянов дал содержательную картину состояния системы образования и оценки его качества на основе данных опроса, проведенного специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии РАНХиГС при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ по теме «Социокультурный портрет Челябинской области» (№ проекта 11-03-00655 а). Как свидетельствуют результаты опроса (июль-август 2011 и 2012 годов, на всей территории Челябинской области), большинство респондентов дают низкую оценку качества

подготовки специалистов в образовательных учреждениях всех уровней. В связи с изменениями, произошедшими в системе высшего профессионального образования, для большинства респондентов в ближайшем будущем оказываются предпочтительными следующие сценарии: интенсивное развитие международного сотрудничества вузов, которое возможно при условии двуязычности подготовки студентов, повышение качества образования и оптимизации сокращения количества вузов. Угрозы же, связанные с этим, видятся в снижении доступности образования, в дефиците квалифицированных специалистов и снижении уровня профессиональной грамотности. Исходя из анализа этих данных, докладчик в качестве положительного примера образовательной практики приводит работу, организованную в Челябинском филиале РАНХиГС, адекватную духу времени и требованиям современного информационного общества. Докладчик обратил внимание слушателей на проблему, связанную с умением правильно расставить акценты в выборе приоритетов образовательной политики, чтобы требования современности находили разумное применение в образовательной практике, не снижая уровень глубины и качества профессионального образования (например, тестирование — это не столько инструмент внешней оценки, сколько — самооценки студента и работы преподавателя).

Замкнул этот интеллектуальный марфон доклад Сергея Валентиновича Борисова, доктора философских наук, заведующего кафедрой философии ЧГПУ, директора Межрегионального центра социальной теории и проблем гражданской культуры Челябинска на тему «Гуманизм и просвещение: обретение гармонии или углубление конфликта?» С. В. Борисов сгоречью отметил, что, пожалуй, нет таких понятий, которые настолько дискредитировали себя, как понятия «гуманизм» и «просвещение». Имея некогда почти революционный смысл и окруженные ореолом святости, эти понятия превратились впоследствии в пустые клише — «крапленые карты», которые ловко достают из рукава разные демагоги и словесные шулеры от политики и образования. Например, какой изощренный смысл можно придать слову «гуманизм» для нынешних политических лозунгов после всех глобальных потрясений XX в. и тревожных событий начала XXI в., когда человеческая жизнь и достоинство настолько падали в цене, что само желание жить воспринималось как подвиг, а возможность радостной

жизни — как несбыточное счастье? Докладчик отметил, что когда речь идет о гуманизации образования, то подразумевается, что в любой образовательной траектории коренятся те или иные антропологические схемы. Важнейшим субстанциальным отличием индивидуальной образовательной траектории от процессуальных моделей образования в прежние эпохи является то, что сущность образовательной траектории может быть соотнесена лишь с индивидуальным человеческим бытием, а не исторической (процессуальной) закономерностью. Кроме того, индивидуальная образовательная траектория не имеет никакой априорной формы «личностного развития», она зависит от постоянной внутренней изменчивости человеческого бытия. Если рассматривать индивидуальную образовательную траекторию в онтологическом ключе, то ее единицей становится не проектируемое и организуемое образовательное взаимодействие, а индивидуальный бытийный опыт и жизненный мир как среда реализации этого опыта.

В заключение этого краткого обзора «интеллектуального пиршества» (как известно, слово «симпозиум» и происходит от греческого *symposion* — пиршество), которое было устроено по поводу 60-летия кафедры философии ЧГПУ, хотелось бы отметить особую творческую атмосферу, которая царила на этом научном мероприятии. Все доклады вызвали острую дискуссию и полемику, которая дала пищу новым плодотворным идеям и критическому философскому анализу современной российской действительности. По результатам работы симпозиума журналом «Социум и власть» планируется издание ряда статей, подготовленных его участниками.

Как сказал в интервью по поводу этого события ректор ЧГПУ Владимир Витальевич Садырин, «этот симпозиум — школа для всех кафедр философии нашего города». Исследовать фундаментальные процессы — вот главная задача ученых-философов. Цивилизационные изменения, глобализация и локализация, модели и перспективы культурного развития общества — настолько широкие, сложные и насыщенные глубоким смыслом темы поднимаются только в этой науке. Ученые уверены — роль философской экспертизы глобальных процессов в последнее время недооценивается, но будем думать, что не везде и не всеми. Данный симпозиум тому свидетельство.

С. В. Борисов

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Е.А. КРЕСТЬЯННИКОВА «СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ»

(Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2009. 270 с.)

Изучение специфики реализации судебной реформы 1864 года в регионах Российской Империи остаётся важной проблемой современной юридической и исторической науки. Только на основе регионального материала мы можем объективно исследовать механизм введения судебных уставов, понять причины затяжного характера реформы, выявить особенности деятельности новых судебных учреждений в регионах Российской Империи и, наконец, сформировать взвешенную оценку результатов преобразований.

С такой точки зрения работа Е. А. Крестьянникова «Судебная реформа в Западной Сибири» представляет значительный научный интерес. Исследование базируется на богатом фактическом материале. Задействованы все возможные группы источников: нормативно-правовые акты, документы государственных и общественных организаций, справочно-статистические публикации, мемуары, периодическая печать. Представлен солидный объём делопроизводственной документации, извлечённой из фондов одного центрального и нескольких сибирских архивохранилищ.

Монография стала логическим продолжением диссертационного исследования автора «Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 годах». Книга состоит из пяти глав и имеет логично выстроенную структуру, которая позволяет всесторонне изучить заявленную тему. Во введении дан исчерпывающий историографический обзор, посвящённый реализации судебной реформы 1864 года в западносибирских губерниях, перечислены труды современников судебных преобразований, монографии и публикации советских и современных учёных.

В первой главе автор раскрывает состояние правосудия в Западной Сибири в дореформенный период, выделяя его основные недостатки, а также описывает общий порядок реализации судебной реформы

1864 года на территории Российской Империи. Давая оценку последнему, Е. А. Крестьянников совершенно верно отмечает, что чем позднее в той или иной губернии создавалась новая система суда, тем более допускалось отступлений от основных положений реформы.

Вторая глава посвящена особенностям функционирования судебной системы Западной Сибири в середине 80–90-х годов XIX века. Исследователь обращает внимание на то, что частичная реорганизация суда в регионе практически не дала результатов, требовалось введение судебных уставов 1864 года в полном объеме. Между тем правительство занялось проблемой реализации судебной реформы в Западной Сибири только в 1892 году, выявив в результате проведённой ревизии значительные недостатки действовавшей системы правосудия: длительность рассмотрения уголовных и гражданских дел, злоупотребления должностных лиц.

В третьей главе монографии на основе анализа «Временных правил о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири» описывается судостроительство региона после введения реформы 1864 года. Автор отмечает, что данный правовой акт «не только испытал на себе влияние контрреформ, но и содержал признаки её углубления». Отдельное внимание в главе уделяется решению проблемы кадрового состава пореформенных западносибирских судов, а также описанию отношения общественности и должностных лиц к открытию в регионе новых судебных учреждений.

В четвертой главе своего научного труда историк подробно анализирует результаты проведённой реформы, раскрывает положение дел в мировой юстиции, деятельность окружных судов, особенности функционирования судебных следователей, прокуратуры и института присяжных поверенных (адвокатов). Он обращает внимание на то, что отступления от основных положений

судебных уставов при реализации реформы в западносибирском регионе отрицательно сказались на работе созданных судебных учреждений.

В последней главе монографии оцениваются преобразования судебной системы Западной Сибири в начале XX века: реформа мировой юстиции, учреждение Барнаульского окружного суда, введение института присяжных заседателей, образование совета присяжных поверенных в Омске.

В заключении монографического исследования, подводя итог изложенному материалу, автор выделяет два фактора, повлиявших на проведение судебной реформы в Западной Сибири: контрреформы правительства и особое отношение власти к сибирскому региону. Последнее, по мнению исследователя, заключалось в игнорировании потребности края в реорганизации судебной власти и нежелании вводить либеральные судебные порядки. Непоследовательность и противоречивость судебных реформ автор связывает со стремлением правительства провести преобразования с наименьшим расходом денежных средств, ликвидировать только наиболее значительные недостатки прежней судебной системы, подрывающие престиж государства.

При всей логичности последовательности данной позиции нельзя не заметить, что она носит несколько односторонний характер. Все недостатки и отступления, допущенные правительством при реализации реформы в Западной Сибири, не могут быть обусловлены только субъективными причинами. На наш взгляд, давая оценку процессу введения уставов 1864 года в регионе, необходимо учитывать географические, климатические, национальные и этнографические особенности западносибирского края, уровень правосознания живущего в нём населения, а также недостатки системы управления в Российской Империи. Наконец, нельзя упустить из внимания сам механизм реализации

судебной реформы в целом на территории Российской Империи, предусматривавший постепенное введение уставов в различных частях страны, длительный период подготовки, необходимость учёта мнения как центральной, так и местной власти. Полагаем, недооценивать значение данных факторов ошибочно.

В целом же можно отметить, что автору монографии удалось раскрыть процесс реализации судебной реформы 1864 года в западносибирском крае, описать его этапы, дать объективную оценку результатам деятельности созданных судебных учреждений и выявить её недостатки. Удачным дополнением монографии стали статистические сведения о деятельности судов в Западной Сибири, а также опубликованные выдержки из дореволюционных правовых актов, характеризующих процесс становления новой судебной системы в регионе в конце XIX – начале XX века.

Е. А. Крестьянников с успехом осуществил давно назревшую необходимость изучить реализацию одной из «великих» реформ в таком специфическом, гетерогенном регионе как Западная Сибирь, затронув ряд актуальных научных проблем, выходящих за круг сформулированных им задач. Изучение изменений в местной судебной системе позволило расширить круг знаний об имперской политике в отношении Сибири, вызывающей неослабевающий интерес историков, способствовало определению места региона в составе Российской империи, а также исследованию процесса модернизации тогдашней окраины.

Книга имеет высокий научный уровень, при этом написана языком, доступным и понятным широкому кругу читателей. Изложенный в ней материал может быть использован для учебной, преподавательской работы, а также послужить основой для дальнейшего исследования деятельности судебных органов Западной Сибири.

А. А. Абрамовский, А. М. Юнусов

СОЦИУМ

Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность. Статья посвящена вопросу о том, что такое современность и несовременность, как состояния общественной жизни, скрытое за любой социальной организацией.

Ключевые понятия: современность, несовременность, модерн, пластичная современность, диалог, комплементарность, протест, пластичность, конформизм, Я-субъективность.

Иванчук Н. В. Социология управления: проблемы обновления её научного дискурса. В статье привлечено внимание к таким недостаточно изученным вопросам как дискурс социологии управления, его структурные элементы, их специфика, демократия и модернизация, национальные интересы, роль дискурса в повышении эффективности управления.

Ключевые понятия: социология управления, обновление, демократия, парадигма, дискурс, национальный интерес, эффективность управления.

Александров Л. Г. Структура «толерантной личности» в контексте глобальных тенденций современности. Статья посвящена проблеме толерантности в сложных процессах современной глобализации, все менее учитывающих гуманистические основы межличностных взаимоотношений в обществе. Автор уделяет внимание тем морально-психологическим контрастам, в которые попадает современный человек, выходящий за пределы «малых социальных групп» в мир масштабных политических и экономических изменений, где «язык» и основные принципы толерантности приобретают решающее значение.

Ключевые понятия: личность, общество, локальные и масштабные процессы, межличностная и социальная коммуникация, космополитизм, глобализация, толерантность, гуманизм, психология, этика, общечеловеческие ценности.

Амбарова П. А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов. В статье рассматривается проблема общественных страхов как механизма социальной регуляции и инструмента завоевания, укрепления и удержания власти, манипулирования общественным сознанием. Показаны различные аспекты регулятивной функции общественных страхов, а также стратегии их преодоления, характерные для различных социальных групп.

Ключевые понятия: общественные страхи, власть, социальная регуляция, социальные эмоции.

Ручкин А. В. Измерение заслуг лица, представляемого к государственной награде: социологический подход. В статье предлагается формула измерения заслуги с учетом цели развития отрасли, определяемой государством, условий достижения, социально-экономического эффекта и личных затрат индивида.

Ключевые понятия: заслуга, государственные награды, измерение, иерархичность.

Калугина Д. А. Основные тенденции развития социальных функций среднего профессионального образования. Рассмотрены основные функции среднего

SOCIETY

Pavlov A. V. Notes on Modern Age and Subjectivity. Modern and Flexibility. The article deals with the question what contemporaneity and pastness as states of social life, hidden in any social organization, are.

Key concepts: contemporaneity, pastness, modern, flexible contemporaneity, dialogue, complementarity, protest, flexibility, conformity, I-subjectivity.

N. V. Ivanchuk Management Sociology: Problems of Scientific Discourse Updating. The article draws attention to such understudied issues as discourse of management sociology, its structural elements, their specificity, democracy and modernization, national interests, the role of discourse in improving governance.

Key concepts: management sociology, renewal, democracy, paradigm, discourse, national interest, management effectiveness.

Alexandrov L. G. The Structure of «Tolerant Person» in Context of Modern Global Tendencies. The article is devoted to the problem of tolerance in the complex processes of modern globalization, increasingly neglectful to humanistic foundations of interpersonal relationships in society. The author takes into consideration the moral and psychological contrasts, in which modern person find themselves outside «small groups» in the world of large-scale political and economic changes, where the «language» and the basic principles of tolerance play a crucial role.

Key concepts: person, society, local and global processes, inter-personal and social communication, cosmopolitanism, globalization, tolerance, humanism, psychology, ethics, universal values.

Ambarova P. A. Society and Authority in the Light of Social Fears. The article considers the problem of social fears as a mechanism of social regulation and a tool of winning, strengthening and maintaining power, manipulating social consciousness. Various aspects of the regulatory function of social fears are shown alongside strategies to overcome them, characteristic of various social groups.

Key concepts: social fears, power, social regulation, social emotions.

Ruchkin A. V. Measuring the Merits of a Person Put Forward to the State Decoration: Sociological Approach. The article offers a formula for measuring the merits with regard to the purpose of developing the industry determined by the State, conditions of achievement, socio-economic benefits and personal expenses of the individual.

Key concepts: merit, State Decorations, measuring, hierarchical pattern.

Kalugina D. A. Social Functions of Secondary Professional Education: main Tendencies of Development. In this article the main functions of secondary professional education

профессионального образования. Доказано, что в последние десятилетия особое значение приобрели социальные функции. Однако сегодня государство и общество ставят перед средним профессиональным образованием задачу по преодолению отставания в структуре, объемах и качестве подготовки квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена от требований предприятий различных отраслей новой экономики.

Ключевые понятия: среднее профессиональное образование, социальные функции, культурные функции, экономические функции, социальная адаптация.

Орлова В. В., Ларионова А. В. Экспертные практики в регионе: методология исследования проблем молодежи в контексте инновационных процессов. В статье дается обоснование актуализации вопросов методологии исследования проблем молодежи, необходимости поиска путей взаимoadaptации инновационного потенциала внешней среды и новаторского потенциала молодежной социальной группы в контексте инновационных процессов на примере г. Томска.

Ключевые понятия: молодежь, экспертные практики, регион, инновационные процессы.

ВЛАСТЬ

Зенко С. В. Власть и социум — конфликт или диалог. В статье рассматривается необходимость диалога власти с обществом, вызванного высокой его дифференциацией и корпоративной природой государства, а также угрозами роста влияния крупного капитала на региональном уровне. Одновременно доказываются сложность установления такого диалога из-за жесткости системы управления (вертикали власти).

Ключевые понятия: структурный конфликт, модернизация, власть, корпоративное государство, социальный и символический капитал; «клубное благо».

Баранец С. Н. Местная власть в России и ее политический потенциал: различные подходы концептуального осмысления. В статье обсуждаются возможные изменения акцентов в концептуальных подходах к исследованию местной власти в России в связи с ожидаемыми существенными сдвигами в структуре муниципальной реальности на новом этапе государственного строительства. Местную власть предлагается отличать от муниципального управления и местного самоуправления и рассматривать как «коммунитарную» предпосылку самоорганизации общества, предшествующую государственному формoобразованию и управлению.

Ключевые понятия: местная власть, местное самоуправление, политический потенциал.

Антипов К. А. Модели взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества. В статье анализируются проблемы взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества. Автор выделяет модели социально-политических взаимодействий на местном уровне.

Ключевые понятия: местное сообщество, муниципальная власть, общественно-политическая активность, самоорганизация.

Арчаков М. К. Идеология политического экстремизма. В статье рассматриваются особенности идеологии

are considered. It is proved that social functions acquired special significance in the last decades. However, today the state and society put before secondary professional education a problem of backlog overcoming in structure, volumes and quality of preparation of skilled workers and experts of an average link from requirements of the enterprises of various branches of new economy.

Key concepts: secondary professional education, social functions, cultural functions, economically functions, social adaptation.

Orlova V. V., Larionov A. V. Expert Practice in the Region: Methodology of Studying Problems of Youth in the Context of Innovation. The article forms the rationale for the foregrounding of the topic of methodology of studying problems of youth, the need to find ways of mutual adaptation of innovative capacity of the environment and innovation capacities of the youth group in the context of social innovation on the example of Tomsk.

Key concepts: youth, expert practice, region, innovation processes.

POWER

Zenko S. V. Authority and Society — Conflict or Dialogue? The article discusses the need for dialogue between the government and society, caused by its high differentiation and corporate nature of the state, as well as threats of growth of big business' influence on the regional level. At the same time the difficulty of establishing such a dialogue because of the rigidity of the control system (power vertical) is proven.

Key concepts: structural conflict, modernization, authority, corporate state, social and symbolic capital, «club good».

Baranets S. N. Local Authority in Russia and its Political Potentials: Different Approaches to Conceptual Understanding. Possible accent changes in conceptual approach to study local authorities in Russia are discussed in this article in connection with expected essential shifts in structure of the municipal reality on the new stage of state construction. It is suggested that local authority should be distinguished from municipal administration and local self-government, and should be considered as «communitarian» premise of society self-organization, preceding state forming and state management.

Key concepts: local authority, local self-government, political potential.

Antipov K. A. Model of Interaction Between Municipal Authority and Local Community. The article analyzes the problems of interaction between municipal authority and local community. The author marks out some models of socio-political interactions on the local level.

Key concepts: local community, municipal authority, socio-political activity, self-organization.

Archakov M. K. Ideology of Political Extremism. The article considers peculiarities of the ideology of political

политического экстремизма в современной России. Проведенный анализ позволяет утверждать, что политическая идеология, являясь основой экстремистской деятельности, выполняют функцию манипулирования массовым сознанием для достижения определенных политических целей. Использование политической идеологии экстремистскими организациями позволяет им обосновывать различные нелегитимные способы борьбы, что служит серьезной угрозой для российского гражданского общества.

Ключевые понятия: идеология, экстремизм, радикализм, ксенофобия, терроризм.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Шалютин Б.С. О природе морали и роли права в ее формировании. Автор подвергает критике ряд почти общепринятых тезисов о характере связи морали и права и рассматривает их соотношение с позиций концепции морали Шопенгауэра, с которой солидаризируется, и собственного понимания природы права.

Ключевые слова: мораль, нравственность, сопереживание, право, рациональность, выбор, Шопенгауэр.

Васильев В.А. Конституционные основы оплаты труда в Российской Федерации. Рассматриваются проблемы, связанные с регламентированием вопросов оплаты труда в Конституции Российской Федерации, других правовых актах. Анализируется соотношение такой регламентации с международно-правовым регулированием заработной платы, предлагается изменение некоторых конструкций в Конституции Российской Федерации правовой регламентации в названной сфере.

Ключевые понятия: норма-декларации, норма-принцип, свобода выбора труда, Конституции зарубежных стран об оплате труда, социально-трудовые стандарты, прожиточный минимум.

Пустовая И.Н. Наложение ареста на имущество как средство обеспечения гражданского иска. В статье анализируется законодательство, касающееся вопроса наложения ареста на имущество в целях обеспечения гражданского иска и его соответствие защите прав потерпевших.

Ключевые понятия: уголовное судопроизводство, досудебное производство, обеспечение гражданского иска, наложение ареста на имущество, защита прав потерпевших.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Старостин А.М., Швец Л.Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами: проблемы трансфера в систему государственной и муниципальной службы. Рассматриваются основные признаки включения инновационных технологий управления человеческими ресурсами и доктрина HR-менеджмента как концептуальная база инновационной деятельности в этой сфере. Показаны условия успешного трансфера (переноса) HR-технологий в сферу государственной и муниципальной службы.

Ключевые понятия: инновационный менеджмент, HR-менеджмент, «гибкая» власть, меритократический подход, партиципация, управление по ценностям.

extremism in contemporary Russia. The carried out analysis allows to assert, that political ideology, being a basis of extremist activity, manipulates mass consciousness to achieve certain political aims. The use of political ideology by extremist organizations allows them to provide grounds for various illegitimate ways of struggle that serves a serious threat for the Russian civil society.

Key concepts: ideology, extremism, radicalism, xenophobia, terrorism.

STATE AND LAW

Shalutin B.S. On the Nature of Morality and the Role of Law in its Formation. The author criticizes a number of almost standard propositions about the nature of connection between morality and law and considers their relation from positions of Schopenhauer's concept of morality which he supports, and own understanding of the nature of law.

Key concepts: morality, rectitude, empathy, law, rationality, choice, Schopenhauer.

V.A. Vasilyev Constitutional Basis of Labor Compensation in the Russian Federation. The work discusses the problems connected with regulation of issues of labor compensation in the Constitution of the Russian Federation, and other legal acts. The author analyzes the correlation of such regulations with the international legal regulation of wages, it is proposed to change some structures in the Constitution of the Russian Federation of legal regulation in the sphere under consideration.

Key concepts: declaratory legal norms, norm principle, freedom of choice of work, Constitutions of foreign countries on labor compensation, socio-labor standards, living wage.

Pustovaya I.N. Imposition of Arrest on Property as a Means of Security for a Civil Claim. The article analyzes the legislation on the arrest of property with the purpose of securing a civil claim and its compliance with the protection of the rights of victims.

Key concepts: criminal procedure, pre-trial procedure, securing of a civil claim, arrest of property, protection of the rights of victims.

ECONOMY AND MANAGEMENT

Starostin A.M., Shwets L.G. Innovative Technologies in the Management of Human Resources: the Problem of Transfer into the System of State and Municipal Service. The essential features of engaging new innovative technologies in the management of human resources and the HR-management doctrine as a conceptual basis of the innovative activities in this sphere are dealt with. The conditions of a successful transfer (movement) of HR-technologies into the sphere of state and municipal services are demonstrated.

Key concepts: innovative management, HR-management, «flexible» power, meritocratic approach, participation, values management.

Слепышев А. Л., Довженко Д. В., Зырянов С. Г. Понятие, свойства и основные компоненты механизма государственного управления: региональный аспект. В статье рассматривается механизм государственного управления (цели, структура, функционирование).

Ключевые понятия: государственное управление, механизм государственного управления, организация государственного управления.

Головikhин С. А. Современный научный дискурс по проблеме конкурентоспособности региона. В статье приводится критический обзор современных теорий и концепций конкурентоспособности региона. Указывается на противоречие между потребностью и возможностью повышения конкурентоспособности региона, возникающее в виду недостаточного потенциала регионального машиностроения.

Ключевые понятия: конкурентоспособность, конкурентные преимущества, регион, машиностроение.

Абрамкина С. Р. Экономическая активность населения Челябинской области. В статье анализируются особенности экономической активности населения Челябинской области, выявленные в ходе социологического исследования и на основе данных Федеральной службы государственной статистики: численность занятых в экономике региона, состав занятого и безработного населения по возрастным группам и по уровню образования, доля занятых по видам экономической деятельности, а также мотивы сохранения/смены места работы и профессии.

Ключевые понятия: экономическая активность населения, занятость, безработица, социально-профессиональная структура, возрастные группы, уровень образования, отраслевая структура экономики, экономический кризис.

Макаренко К. В. Методология применения геосетевого подхода в процессе стратегического управления развитием металлургической корпорации. На основе анализа металлургической отрасли и актуальных проблем управления крупными металлургическими корпорациями разработана авторская методология анализа вариантов стратегического развития крупных предприятий на новых территориях. В статье представлены концептуальные основы применения геосетевого подхода для решения указанной задачи, а также методика оценки потенциальных мест дислокации производства.

Ключевые понятия: стратегическое управление, геоинформационная система, металлургическое производство, геосетевой подход.

КУЛЬТУРА

Зелезискaya Л. А. Юмор как способ взаимодействия субъектов политической системы. В статье на основе американских источников рассматривается вопрос о взаимодействии основных субъектов политической жизни — профессиональных политиков и «масс» посредством юмора. Осуществлен анализ основных функций юмора в сфере политики, а также выделены четыре категории юмора, соответствующие четырем типам политической культуры.

Ключевые понятия: юмор, политическая культура, фаталисты, конкурирующие индивидуалисты, иерархическая элита, эгалитарная культура.

Slepyshev A. L. Dovzhenko D. V., Zyryanov S. G. The Concept, Properties and Major Components of the Mechanism of State Administration: a Regional Perspective. The article looks at the mechanism of state administration (aims, structure, functioning).

Key concepts: state administration, mechanism of state administration, organization of state administration.

Golovikhin S. A. Modern Scientific Discourse on the Issue of Regional Competitiveness. The article provides a critical review of current theories and concepts of regional competitiveness. It points to the contradiction between the need and the possibility of increasing competitiveness of the region, yielded by the lack of the regional engineering capacity.

Key concepts: competitiveness, competitive advantages, region, mechanical engineering.

Abramkina S. R. Economic Activity of the Population of Chelyabinsk Region. The article analyzes peculiarities of economic activity of Chelyabinsk Region population, revealed during a sociological research and on the basis of the Federal State Statistics Service data: the number of engaged in the economy of the region, the composition of employed and unemployed population by age group and education level, the percent of engaged in different economic activities, and also motifs for keeping/changing one's job and profession.

Key concepts: economic activity of the population, employment, unemployment, social professional structure, age groups, education level, sectoral structure of economy, economic crisis.

Makarenko K. V. Methodology of Geographic Network Approach in Strategic Management of Metallurgical Corporation Development. On the basis of the analysis of metallurgical branch and acute problems of large metallurgical corporations' management an author's methodology of analysis of options for strategic development of large enterprises in new territories was developed. The article presents conceptual bases of applying the geographic network approach for the solution of the specified task, and also a technique of assessment of potential places for dislocation of production.

Key concepts: strategic management, geoinformation system, metallurgical production, geonetwork approach.

CULTURE

Zeleziskaya L. A. Humor as a Means of Interaction of Political System Subjects. On the basis of American sources the article deals with the issue of interaction of the main political life subjects, that is professional politicians on the one hand and "masses" on the other hand through humor. The basic functions of humor in politics have been analyzed, as well as four categories of humor, corresponding to four types of political culture have been pointed out.

Key concepts: humor, political culture, fatalists, competitive individualists, hierarchical elitists, egalitarian culture.

ИСТОРИЯ

Шишков В. В. Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации. В статье представляется анализ политического развития Османской империи основным содержанием, которого выступало подчинение завоеванных периферий путем инкорпорации или установления доминирования. Попытки модернизации патриархальной имперской системы приводили к нарушению баланса политических отношений между имперским центром и перифериями.

Ключевые понятия: Империя, Османская империя, территориальная экспансия, отношения между имперским центром и периферией, модернизация.

Панкин С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг. Статья посвящена анализу ведущих моделей организаций военного и гражданского управления на подконтрольной повстанцами территории во время массовых вооруженных выступлений в регионе в 1920–1921 годах. Выявлены особенности формирования властных структур с учётом национального и социального состава участников движения в различных очагах.

Ключевые понятия: повстанчество, гражданское управление на повстанческой территории, военно-политические структуры и военно-следственные комиссии повстанцев, военные руководители.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Чекмарёв М. В., Чупров А. С. О тревогах и надеждах эпоху векордизма. В статье даётся ответ участникам обсуждения статьи «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты». Феномен векордизма рассматривается в свете глобального духовного кризиса современности.

Ключевые понятия: векордизм, духовный кризис, психическая норма.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Борисов С. В. О философии образования новой России и не только... В статье дается краткий обзор и излагается содержание докладов научного симпозиума «Философия образования новой России: уроки прошлого и стратегии будущего», который проходил в Челябинске 31 октября 2012 года.

Ключевые понятия: философия образования, гуманизм, социум, российская цивилизация.

HISTORY

Shishkov V.V. The Ottoman Empire: from the Conquest and Integration of the Periphery to Modernization Attempts. The article analyzes political development of the Ottoman Empire, the main part of which was the attachment of conquered periphery by means of incorporation or imposing dominance. Attempts to modernize the ancient imperial system led to dislocation of balance in political relations between the empire center and periphery.

Key concepts: Empire, The Ottoman Empire, territorial expansion, relations between the empire center and periphery, modernization.

Pankin S.I. Russian Experience of Power Structures Creation During the Illegitimate Period of Civil Opposition: Military Administrative Authority of the Rebels in the Southern Urals in 1920–1921. The article is devoted to the analysis of the leading models of military and civil control organization on the territory controlled by rebels during mass uprisings in the region in 1920–1921. The peculiarities of power structures formation with the account of national and social composition of the movement participants in different seats are revealed.

Key concepts: rebellion, civil administration on the rebel territory, military-political structures and military-investigatory commissions of the rebels, military leaders.

DISCUSSIONS AND DEBATES

Chekmaryov M.V., Chuprov A.S. About Troubles and Hope in the Time of Vecordism. The article gives an answer to the participants of discussion of the article «Vecordism, or Worldperception as a method of defence». The phenomenon of vecordism is considered in view of a global spiritual crisis.

Key concepts: vecordism, spiritual crisis, mental norm.

SCIENTIFIC LIFE

Borisov S.V. On the Philosophy of Education in New Russia and not Only... The article gives a short review and represents the contents of reports of scientific symposium «Philosophy of education in new Russia: Lessons of the Past and Future Strategy» which took place in Chelyabinsk on October 31, 2012.

Key concepts: philosophy of education, humanity, society, Russian civilization.

АВТОРЫ НОМЕРА

Абрамкина Светлана Рафаиловна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: abramkin@list.ru

Абрамовский Александр Андреевич, заведующий кафедрой теории права и уголовно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор. E-mail: lmain@yandex.ru

Александров Леонид Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета. E-mail: leonalex42@mail.ru

Амбарова Полина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Доцент, г. Екатеринбург. E-mail: borges75@mail.ru

Антипов Константин Анатольевич, кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ), доцент. E-mail: konstant77@mail.ru

Арчаков Михаил Константинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета, доцент. E-mail: vostok731@yandex.ru

Баранец Сергей Николаевич, кандидат философских наук, независимый исследователь и политический консультант, член Европейского клуба экспертов местного самоуправления, Ленинградская область, г. Гатчина. E-mail: brnts@rambler.ru

Борисов Сергей Валентинович, заведующий кафедрой философии Челябинского государственного педагогического университета, доктор философских наук, доцент. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Васильев Валерий Александрович, заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: v_vasiljev@nm.ru

Головихин Сергей Александрович, кандидат экономических наук, заместитель декана факультета экономики и права, доцент кафедры экономики и финансов Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент. E-mail: mrcpk@list.ru

Довженко Дмитрий Васильевич, советник Губернатора Челябинской области, город Челябинск. E-mail: ddovzhenko@smpbank.ru

Зелезинская Лариса Андреевна, аспирант кафедры истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: zelezinskaya_larisa@list.ru

Зенко Сергей Васильевич, индивидуальный предприниматель по экономическому анализу, г. Новосибирск. E-mail: Sigmapiс@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич, директор Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор. E-mail: director@urags-chel.ru

Иванчук Николай Васильевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: nick.iva@uara.ru

Калугина Диана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и социологии управления Уральского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: diana-kalugina@yandex.ru

Ларионова Анастасия Вячеславовна, старший преподаватель кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники

Макаренко Константин Викторович, консультант аналитического отдела Министерства информационных технологий и связи Челябинской области, аспирант кафедры информационно-аналитического обеспечения управления в социальных и экономических системах Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: makarchel@mail.ru

Орлова Вера Вениаминовна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социологии Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: orlova_vv@mail.ru

Павлов Александр Валентинович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Панькин Станислав Игоревич, кандидат социологических наук, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (филиал в г.Челябинске). E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Пустовая Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Уральского государственного университета, доцент, г. Челябинск. E-mail: elfrybka@mail.ru

Ручкин Алексей Владимирович, аспирант кафедры теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Спешивев Алексей Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Старостин Александр Михайлович, заместитель директора Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Чекмарёв Максим Викторович, старший преподаватель кафедры специальной и дошкольной педагогики и психологии Благовещенского государственного педагогического университета. E-mail: pontific3@yandex.ru

Чупров Александр Степанович, заведующий кафедрой истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Шалютин Борис Соломонович, заведующий кафедрой философии Курганского государственного университета, доктор философских наук, профессор. E-mail: shalutinbs@mail.ru

Швец Лариса Георгиевна, доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону. E-mail: dopobr@skags.ru

Шишков Василий Валерьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва. E-mail: fh55@mail.ru

Юнусов Алексей Маликович, кандидат исторических наук, нач. юридич. отдела Производственного отделения «Челябинские городские электрические сети» – филиала ОАО «МРСК Урала» «Челябэнерго». E-mail: yunusov82@mail.ru

AUTHORS OF THIS ISSUE

Svetlana R. Abramkina, Ph.D. in Economics, Associate Professor of Economics and Management, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail: abramkin@list.ru

Alexander A. Abramovsky, head of the Theory of Law and Criminal Law, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor. E-mail: lmain@yandex.ru

Leonid G. Alexandrov, PhD, Associate Professor of the Department of Mass Communications of the Chelyabinsk State University. E-mail: leonalex42@mail.ru

Pauline A. Ambarova, PhD in Sociology, Associate Professor of Sociology and Social Technologies of Management, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Associate Professor, Yekaterinburg. E-mail: borges75@mail.ru

Konstantin A. Antipyeu, PhD in sociology, doctoral student in sociology Perm National Research Polytechnic University (PNIPU), Associate Professor. E-mail: konstant77@mail.ru

Michael K. Archakov, Ph.D., assistant professor of history, philosophy and culture, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Associate Professor. E-mail: vostok731@yandex.ru

Sergei N. Baranets, PhD, independent researcher and political consultant, member of the European club of local government experts, the Leningrad region, Gatchina. E-mail: brnts@rambler.ru

Sergey V. Borisov, head of the philosophy department of the Chelyabinsk State Pedagogical University, Ph.D., associate professor. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Valery A. Vasiliev, Honored Lawyer of the Russian Federation, PhD in legal sciences, assistant professor of public and legal disciplines, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail: v_vasiljev@nm.ru

Sergey A. Golovikhin, Ph.D. in economics, Vice Dean of the Faculty of Economics and Law, Associate Professor of Economics and Finance, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, professor. E-mail: mrcpk@list.ru

Dmitry V. Dovzhenko, Advisor to the Governor of the Chelyabinsk region, Chelyabinsk. E-mail: ddovzhenko@smpbank.ru

Larisa A. Zelezinskaya, graduate student of history, philosophy and culture, Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: zelezinskaya_larisa@list.ru

Sergey V. Zenko, private entrepreneur of Economic Analysis, Novosibirsk. E-mail: Sigmapic@mail.ru

Sergei G. Zyryanov, Director of Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor. E-mail: director@urags-chel.ru

Nikolai V. Ivanchuk, Ph.D., Professor of Philosophy and Political Science of the Ural Institute - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg. E-mail:

Diana A. Kalugina, Ph.D. in sociology, Associate Professor of the Department of Sociology and Management, Ural Institute – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Associate Professor, Yekaterinburg. E-mail: diana-kalugina@yandex.ru

Anastasia V. Larionova, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Sociology of the Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics

Konstantin V. Makarenko, consultant of Analytical Department of the Ministry of Information Technologies and Communications of the Chelyabinsk region, graduate student of information and analytical support in the management of social and economic systems of the South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: makarchel@mail.ru

Vera V. Orlova, Doctor of Social Sciences, Department of Philosophy and Sociology at Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics. E-mail: orlova_vv@mail.ru

Alexander V. Pavlov, PhD, professor of philosophy at Tyumen State University. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Stanislav I. Pankin, PhD in Sociology, Assistant Professor of Finance University under the Government of the Russian Federation (the branch in Chelyabinsk). E-mail: pstanislav78@yandex.ru

Irina N. Pustovaya, PhD in legal sciences, Senior Lecturer, Department of Criminal Law of South Ural State University, Associate Professor, Chelyabinsk. E-mail: elfrybka@mail.ru

Alexei V. Ruchkin, graduate student of the Department of Sociology and Management of the Ural Institute - a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Yekaterinburg. E-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Alexey L. Slepyshev, Ph.D., assistant professor of public administration, legal support to state and municipal service, Chelyabinsk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Alexander M. Starostin, deputy head of the South-Russian Institute, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Rostov-on-Don. E-mail: dopobr@skags.ru

Maxim V. Chekmarev, senior lecturer in special and preschool pedagogy and psychology, Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: pontific3@yandex.ru

Alexander S. Chuprov, head of the Department of History, Philosophy and Culture, Blagoveshchensk State Pedagogical University, Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: alex.chupr@yandex.ru

Boris S. Shalyutin, head of the philosophy department of the Kurgan State University, Doctor of Philosophy, Professor. E-mail: shalutinbs@mail.ru

Larisa G. Shvets, Doctor of Political Sciences, Department of Public Administration of South-Russian Institute, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don. E-mail: dopobr@skags.ru

Vasily V. Shishkov, PhD in Political Science, Associate Professor of Civil Service and Personnel Policy Institute of Public Administration and Management staff of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow. E-mail: fh55@mail.ru

Alex M. Yunusov, Ph.D., Head of the Legal Department of the Production Department «Chelyabinsk Electric Networks» - branch of JSC «IDGC of the Ural» «Chelyabenergo». E-mail: yunusov82@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ» В 2012 ГОДУ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Челябинский филиал Президентской академии: двадцать лет по лестнице, ведущей вверх. № 5.

СОЦИУМ

Александров Л.Г. Структура «толерантной личности» в контексте глобальных тенденций современности. № 6.

Аманова Л.М., Прилукова Е.Г. Роль массмедиа в политической социализации. № 2.

Амбарова П.А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов. № 6.

Бондаренко Т.А. Министерство внутренних дел Российской Федерации в иерархии престижа силовых ведомств. № 3.

Бузин В.Н. Медиапространство в структуре социального пространства. № 2.

Гарафиев И.З. Развитие инновационного человеческого капитала региона: теоретико-методологический аспект. № 4.

Горбунова М.Ю. Эмоции общества в контексте социально-экономических трансформаций. № 4.

Грунт Е.В., Юрьева А.В. Факторы формирования театральной потребности

Зборовский Г.Е. Образовательное знание социума. № 3.

Золина Г.Д. Массмедиа и имидж региона. № 2.

Зырянов С.Г. Социальная стратификация и социальная мобильность населения Челябинской области. № 1.

Зырянова Н.С. Особенности рекламного текста как средства коммуникации в обществе массового потребления. № 2.

Иванчук Н.В. Социология управления: проблемы обновления научного дискурса. № 6.

Калугина Д.А. Основные тенденции развития социальных функций среднего профессионального образования. № 6.

Киселев С.В. Аналитико-игровые подходы исследования систем социального

Меняева М.П. Роль согласия в контексте конвергенции. № 5 управления. № 1.

Орлова В.В., Ларионова А.В. Экспертные практики в регионе: методология исследования проблем молодежи в контексте инновационных процессов. № 6.

Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность. № 6.

Павлов Б.С. Человеческий потенциал региона: проблемы воспроизводства, сбережения и использования. № 5.

Парамонова С.П. Самоидентификация двух поколений: социально-политическая оценка фаворитизма группами по типу морального сознания. № 4.

Попов В.Г., Климов В.Н. Социальная сущность предпринимательства: проблемы становления в условиях общественной трансформации. № 1.

Реймер В.В., Манаков Н.С. Бедность в России: масштабы и структурные особенности. № 2.

Руденкин Д.В. Концепт политической культуры: основания социологического подхода. № 5.

Ручкин А.В. Измерение заслуг лица, представляемого к государственной награде: социологический подход. № 6.

Скоробагацкий В.В. Взаимосвязь институционального и эволюционного подходов в социальном познании. № 2.

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Развитие социального обслуживания пенсионеров и инвалидов на Урале на базе комплексных центров социального обслуживания в условиях либеральных реформ. № 4.

Фельдман М.А. Социальные аспекты образовательной реформы в современной России (2009–2010 гг.). № 2.

Филипповская Т.В. Отторжение знаний и регрессивная мобильность интеллигенции: актуальные практики. № 1. населения малого уральского города. № 1.

Хвесюк Н.Г. Социологический подход к оценке приватизации. № 5.

Шиняева О.В., Гоношилина И.Г. Социально-политические установки российской студенческой молодежи. № 5.

ВЛАСТЬ

Антипьев К.А. Модели взаимодействия муниципальной власти и местного сообщества. № 6.

Арчаков М.К. Идеология политического экстремизма. № 6.

Баранец С.Н. Местная власть в России и ее политический потенциал: различные подходы концептуального осмысления. № 6.

Безвиконная Е.В. Муниципальная политическая культура и формы политической активности местного сообщества. № 3.

Бердникова Н.С., Подвинцев О.Б. Трансформация моделей управления в крупных российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.: Пермь, Екатеринбург, Омск. № 2, 3.

- Борисенков А. А.** О понятии политической культуры. № 5.
- Борисенков А. А.** Политический режим — способ политического влияния. № 2.
- Гурарий Е. М.** Динамические аспекты развития политического пространства. № 1.
- Ермолюк А. Р. В. В.** Розанов о влиянии русской классической литературы XIX века на восприятие власти обществом. № 5.
- Жестков М. И.** Субъекты власти: кто они и как их воспринимают российские граждане. № 4.
- Зайцев А. В.** Диалог государства и гражданского общества как социально-политическая категория. № 1.
- Зенко С. В.** Власть и социум — конфликт или диалог. № 6.
- Иванов А. С.** Проявления «праздничной стороны» региональной политики в деятельности руководителя региона (на примере Республики Башкортостан). № 5.
- Карипов Б. Н.** Сравнительный анализ традиционализма и консерватизма. № 4.
- Кирдяшкин И. В.** Государственная молодежная политика: смысловые константы. № 1.
- Киричек П. Н.** Пресса и власть: фокус гиперболоида. № 2.
- Курносов Д. Д.** Тенденции развития идеологии британского правого радикализма в 1970-е — 2000-е гг. № 5.
- Лаврикова И. Н.** Сфера праздничного — зона идеологического. № 5.
- Липская Л. А.** Молодежь и политика: проблема повышения политической активности. № 1.
- Лобжанидзе А. А.** Политическая мифология: проблема иррациональности. № 1.
- Лукин А. Н.** Политическое лидерство как социально-психологический феномен. № 5.
- Мухаметов Р. С.** Актуальные проблемы российско-европейских отношений на современном этапе. № 1.
- Осипов О. В.** О разграничении секулярного и религиозного в политической жизни России. № 3.
- Панарин С. М., Булатова Д. К.** Анализ достоверности результатов выборов третьего и четвертого электро-ральных циклов на примере Тюменской области. № 1.
- Сокол В. Б.** Преодоление «власти дискурса» в феноменологии Э. Гуссерля. № 5.
- Стрельников С. С.** Законодательное оформление государственно-конфессиональных отношений: анализ проектов концепций государственной политики. № 3.
- Сысолятина Е. Л.** Специфика исследования современного парламентаризма. № 4.
- Тышта Е. В.** Особенности функционирования региональных отделений политических партий в ходе федеральной избирательной кампании (на примере Республики Хакасия). № 4.
- Фадеечева М. А.** Истина в социально-политической науке постмодерна: возможности поиска. № 5.
- Хрыкин А. А.** Сетевые политические коммуникации: потенциал влияния. № 1.
- Шапаров А. Е.** Тенденция секьюритизации иммиграционных политик Великобритании и Канады. № 4.
- Шмурыгина О. В.** О содержательном потенциале концепта потестарности. № 2.
- Юсупов М. М.** Специфика управления регионом в постконфликтной ситуации. № 5.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Андреева И. А.** Основные направления полицейских реформ в европейских странах на рубеже XX–XXI вв. № 5.
- Баранов А. М., Мазунин Я. М.** Проблемы законодательного регулирования производства предварительных специальных исследований. № 2.
- Букаев Н. М., Власюк Е. И.** К вопросу о процессуальных формах взаимодействия следователя с органами внутренних дел. № 4.
- Васильев В. А.** Конституционные основы оплаты труда в Российской Федерации. № 6.
- Воропанов В. А.** Законодательное регулирование кадровой политики в провинции Российской империи: канцелярские служащие на Урале в конце XVIII — первой половине XIX вв. № 4.
- Гарбатович Д. А.** Эффективность уголовно-правовой политики в отношении налоговых преступлений. № 2.
- Голощапов Е. В.** Особенности предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в местах лишения свободы. № 3.
- Денисов А. В.** Особенности правового регулирования государственной дипломатической службы в Российской Федерации. № 2.
- Драничникова Н. В., Захарова С. А., Сергеев А. Б.** Проблемы развития спортивного права в России. № 5.
- Дубровин О. В.** Некоторые вопросы о муниципальной собственности. № 1.
- Жаксальков Е. К.** Уголовная ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. № 4.
- Кондратьев С. М.** Органы местного самоуправления в государствах с континентальной системой права. № 2.
- Красняков Н. И.** Императив национально-этнического компонента государственности в реализации государственной власти в России второй половины XVII — начала XX вв. № 1.
- Лапаева А. В.** Проблема соотношения государства, права и нравственности в воззрениях С. А. Котляревского. № 1.
- Миннигулова Д. Б.** Проблемы регулирования правового статуса государственных гражданских служащих на основе служебного контракта. № 4.
- Никулочкин Е. О., Сергеев А. Б.** Главные и доказательственные факты в системе доказательственного права: соотношение и взаимообусловленность. № 3.
- Пиликин Г. Г.** Финансовое законодательство в системе факторов создания инновационной экономики (юридико-технологический аспект). № 2.

Попов Е. А. Профессия судьи и юриста в современной реальности. № 4.
Пустовая И. Н. Наложение ареста на имущество как средство обеспечения гражданского иска. № 6.
Ряховская Т. И. «Прямое действие» в системе юридических свойств Конституции России. № 5.
Семенцов В. А., Гладышева О. В. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве. № 3.

Сергеев А. Б. Порог легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, как критерий уголовной ответственности. № 1.

Суслова С. И. Формирование и удовлетворение жилищной потребности (цивилистический аспект). № 1.
Тараборин Р. С. К вопросу о юридической силе Сводов законов Российской империи 1832–1857 гг. № 3.
Тищенко Н. В. Развитие системы наказания и типов преступлений от эпохи Просвещения до наших дней. № 5.

Фамиева К. И. Правовые предпосылки создания федеральной контрактной системы в Российской Федерации. № 5.

Черепанова О. С. Принцип взаимной ответственности государства и личности: понятие, сущность, структура. № 3.

Шалютин Б. С. О природе морали и роли права в ее формировании. № 6.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Абрамкина С. Р. Экономическая активность населения Челябинской области. № 6.

Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А., Бочкаева И. В. Теория социального капитала организации. № 4.

Берзин Б. Ю. Ценностные ориентации государственных служащих в системе регуляции поведения. № 2.
Бреусов А. В., Реймер В. В., Чирков В. А. Инновационные технологии управления персоналом высокотехнологичной организации. № 4.

Бухтиярова Т. И., Федорова Е. В. Организация товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода. № 2.

Головихин С. А. Современный научный дискурс по проблеме конкурентоспособности региона. № 6.

Егорова Т. А. Развитие институционально-правовых основ прогнозирования и управления доходами федерального бюджета. № 2.

Иванов А. В., Кантор Р. И. Оценка эффективности функционирования и развития региона на основе данных совокупности предприятий региона. № 4.

Кантор Р. И., Артемова А. Н. Оценка эффективности региональной экономики на основе результатов анализа финансовых потоков совокупности предприятий региона. № 2.

Квасова Н. А., Шестопалов Е. В. Мониторинг культурного пространства хозяйственного образования с позиции рационализации его деятельности. № 2.

Коротина Н. Ю. Обеспечение финансовой самостоятельности муниципальных образований в Российской Федерации. № 3.

Коротина Н. Ю. Принципы классификации собственных доходов местных бюджетов. № 5.

Коротина Н. Ю., Ташкинова Т. В. Организационно-экономический механизм управления конкурентоспособностью розничных торговых предприятий. № 1.

Лавров И. В. Экономические аспекты развития теории благосостояния в условиях социального государства. № 3.

Логачева Н. М. Развитие социальной инфраструктуры регионов как фактор повышения уровня жизни населения. № 5.

Лоскутов В. А. Кризис управления кризисом: социологический анализ. № 2.

Макаренко К. В. Методология применения геосетевого подхода в процессе стратегического управления развитием металлургической корпорации. № 6.

Мишанина О. А. Понятие и обоснование необходимого антикризисного управления на уровне муниципального образования. № 3.

Неживенко Е. А. Конкурентоспособность региона: методологические проблемы исследования. № 3.

Овчаренко Р. К. Особенности управления гражданской службой субъекта Российской Федерации. № 1.

Победоносцева В. В., Победоносцева Г. М. Экономическая политика и организационно-экономические вопросы управления инвестициями в энергетическом комплексе. № 4.

Симонов С. Г., Кирина И. Л., Кайдаров М. К. Перспективы развития рынка труда юга Тюменской области. № 3.

Слепышев А. Л., Довженко Д. В., Зырянов С. Г. Понятие, свойства и основные компоненты механизма государственного управления: региональный аспект. № 6.

Старостин А. М., Швец Л. Г. Инновационные технологии в управлении человеческими ресурсами: проблемы трансфера в систему государственной и муниципальной службы. № 6.

Судаков М. Н. Влияние волевого ресурса руководителя на характер социального взаимодействия. № 2.

КУЛЬТУРА

Баркова В. В., Липский В. И., Никанорова Т. В. Стили философского мыслетворчества и поиск субъектом своей философской тезис «поверх их размежевания». № 3.

Губанов Н. И., Губанов Н. Н. О ментальных основаниях общественной солидарности. № 1.

Жилина В. А. Соотношение восходящих и нисходящих форм развития субъекта идеологии. № 3.

Загребин С. С. Андрей Тарковский: Апокалипсис как диагноз нашего времени. № 4.

Зелезинская Л. А. Юмор как способ взаимодействия субъектов политической системы. № 6.

Ларин Ю. В. Проблема будущего в проекции природы человека. № 2.

Лукин А. Н. Осмысление творческого начала в человеке русскими религиозными философами начала XX века. № 1.

Некрасов С. Н. Евразийско-культурологический научный дискурс модернизации: личность и права человека как центральная проблематика российских перестроек. № 3.

Ольховиков К. М. Философия конфликта как матрица религиозной толерантности. № 3.

Павлов А. В. Морализм европейского Модерна. № 2, 3.

Прилукова Е. Г. Власть образов электронных медиа. № 4.

Сокоиков С. С., Зайкова О. Н. Культура усыновления: определение, культурные индикаторы, основные компоненты. № 4.

Чернов Г. Ю. Эвристический потенциал синергетического подхода к социально-массовым явлениям. № 4.

Яркова Е. Н. Нравственные основания российской модернизации. № 3.

ИСТОРИЯ

Агапов М. Г. Партийно-советское руководство и российские сионисты: в поисках *modus vivendi* (1917–1920-е гг.). № 1.

Антипова Е. И. Организация санаторно-курортного дела органами социального страхования в период НЭПа (на материалах Уральской губернии). № 3.

Буданов А. В. Становление производства наземного оборудования для ракетной техники на Тюменском судостроительном заводе в конце 1950-х – начале 1960-х гг. № 4.

Карипов Б. Н. Конструктивный потенциал русской консервативной идеологии второй половины XIX – начала XX века. № 1.

Королева Л. А., Королев А. А., Мельниченко О. В. Эволюция советской государственно-конфессиональной политики в отношении Русской Православной церкви в 1985–1987 гг. № 4.

Новоселов В. Н. Нарращивание мощностей производства плутония и трития на ПО «Маяк» в условиях холодной войны (1948–1950-е гг.). № 3.

Панькин С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг. № 6.

Пасс А. А., Рыжий П. А. Огосударствление промысловой кооперации в СССР во второй половине 1950-х гг.: причины и последствия. № 5.

Пискунов С. А. Возвращение на Родину: участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан в 1945–1946 гг. № 5.

Попов А. А. Становление региональной политики в Словакии и Словении: два пути в зону евро. № 1.

Потемкина М. Н. Образ СССР в канадской прессе 1945–1946 гг. № 3.

Смирнов Г. С. Становление и развитие домов-интернатов малой вместимости на Южном Урале (на примере Челябинской области). № 3.

Стасюкевич С. М. Власть и дальневосточное крестьянство в условиях хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. № 1.

Трошина Т. И. Специфика народного правотворчества на Европейском Севере России в условиях «вакуума власти» 1917–1921 годов. № 3.

Шишков В. В. Территориальная экспансия Российской империи: от расширения к политической интеграции и унификации пространства. № 2.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Борисов С. В. Эссе о «философском векордизме» (мысли, навеянные статьей М. В. Чекмарева и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты»). № 1.

Ермолюк А. Р., Ермолюк А. В. Мудрость и юродство Василия Розанова (Размышления над статьей М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты»). № 3.

Пашков К. В. Заметки о постсекулярной культуре. № 5.

Тульчинский Г. Л. «Безумие» или новая жизненная компетентность?.. № 3.

Уваров П. Б. Поведение современного человека: историко-антропологический этюд. № 5.

Филипповская Т. В. Векордизм, дефицит социализирующего знания в практиках повседневности и современной социологии. № 2.

Чекмарёв М. В., Чупров А. С. О тревогах и надеждах в эпоху векордизма. № 6.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О философии образования новой России и не только... № 6.

Социальные отношения в турбулентные времена. № 1.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию Е. А. Крестьянникова «Судебная реформа в Западной Сибири». № 6.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая список литературы*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5–2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.